

The background of the cover is a dramatic landscape painting. In the center, a tall, dark mountain peak rises, with a bright sunburst or light source behind it, creating a strong lens flare effect. The sky is filled with soft, white and grey clouds. In the foreground, a wide river flows from the bottom left towards the center, reflecting the light from the sun. The riverbanks are covered in dark, dense forests. The overall color palette is dominated by warm tones (yellows, oranges, reds) from the sun and cooler tones (blues, greys) from the mountains and sky.

НЕОКОНЧЕННЫЕ
ПРЕДАНИЯ
НУМЕНОРА
И СРЕДИЗЕМЬЯ

ДЖОН Р.Р. ТОЛКИН

Легендариум Средиземья

Джон Толкин

**Неоконченные предания
Нуменора и Средиземья**

«АСТ»

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44

Толкин Д. Р.

Неоконченные предания Нуменора и Средиземья /
Д. Р. Толкин — «АСТ», — (Легендариум Средиземья)

ISBN 978-5-17-101723-1

После смерти Дж. Р. Р. Толкина в его архиве осталась масса частично или полностью подготовленных к печати материалов: набросков, рассказов, легенд, эссе – тот грандиозный фундамент, на котором выросло монументальное здание «Властелина Колец». В 1980 году его сын Кристофер подобрал и издал первый сборник, «Неоконченные предания Нуменора и Средиземья», в котором рассказывается о персонажах, событиях и географических объектах, вскользь упомянутых во «Властелине Колец»: о потере Кольца Всевластья на Ирисных полях, о происхождении Гэндальфа, об основании Рохана и многом другом. Каждое сказание сопровождается обширными комментариями, проясняющими противоречия и нестыковки в тексте. Эта публикация вызвала огромный интерес у многочисленных поклонников великого писателя, и в дальнейшем Кристофер продолжил работу с архивом отца. В настоящее время Легендариум Средиземья составляет 12 томов.

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101723-1

© Толкин Д. Р.
© АСТ

Содержание

Введение	6
Часть первая	19
I	19
II	44
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Джон Рональд Руэл Толкин

Неоконченные предания

Нуменора и Средиземья

John R. R. Tolkien

UNFINISHED TALES OF NUMENOR AND MIDDLE-EARTH

© А. Хромова, общая редакция, перевод I части, IV главы II части, I главы III части, I, III глав IV части, 2002

© С. Лихачева, редакция, перевод II главы II части, 2002

© О. Степашкина, редакция, перевод введения, IV, V глав III части, II главы IV части, 2002

© Н. Некрасова, перевод I главы II части, 2002

© С. Таскаева, перевод примечаний II главы II части, 2002

© В. Соловова, перевод III главы II части, 2002

© М. Авдоница, перевод I главы III части, 2002

© И. Емельянова, перевод II главы III части, 2002

© С. Лопухова, перевод III главы III части, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Введение

Перевод – О. Степашикина

Любой человек, взявший на себя ответственность за произведения умершего автора, сталкивается со множеством трудноразрешимых проблем. Некоторые в данной ситуации могут предпочесть вообще ничего не издавать, за исключением разве что тех работ, которые были практически закончены к моменту смерти автора. Когда речь идет о неопубликованных произведениях Дж. Р. Р. Толкина, этот подход, на первый взгляд, может показаться правильным, поскольку сам Толкин всегда относился к своим работам чрезвычайно требовательно, и ему бы и в голову не пришло опубликовать даже самые законченные повествования из этой книги без дальнейшей тщательной доработки.

Но с другой стороны, мне кажется, что природа и размах творения Толкина ставят даже недописанные его произведения в особое положение. Я совершенно не сомневался, что «Сильмариллион» не должен оставаться неизвестным, невзирая на то, что он представлял собой набор разрозненных повествований, и отец предполагал – но не успел – произвести в нем весьма значительные изменения. В случае «Сильмариллиона» я после долгих колебаний решился представить эту книгу не в виде исторического труда, собрания противоречащих друг другу текстов, соединенных комментариями, а в виде законченного и связного произведения. Но повествования, вошедшие в данную книгу, совершенно иные и не образуют единого целого. Данная книга – не более чем собрание текстов, различающихся по форме, замыслу, степени законченности, по времени создания (и по степени произведенной мною обработки), и повествующих о Нуменоре и Средиземье. Но, публикуя их, я по сути руководствовался теми же доводами, что и при публикации «Сильмариллиона» (хотя и менее вескими). Те читатели, которые не хотели бы, чтобы им остались неизвестны образы Мелькора и Унголианта, глядящих с вершины Хьярментира на «нивы и пастбища Йаванны, где золотилась высокая пшеница богов», или теней, ложившихся под ноги воинства Финголфина при первом восходе луны, или Берена, притаившегося в волчьем облике у трона Моргота, или света Сильмарилия, внезапно засиявшего в темноте Нельдоретского леса, – я полагаю, эти читатели сочтут, что несовершенство формы публикуемых здесь повествований искупается возможностью услышать – в последний раз – голос Гэндальфа, поддразнивающего надменного Сарумана на собрании Белого Совета в 2851 году, или, уже после Войны Кольца, рассказывающего в Минас-Тирите о том, как он отправил гномов на вечеринку в Бэг-Энде. Несовершенство это отступает перед возможностью узреть явление Улмо, Владыки Вод, восставшего из глубин моря близ Виньямара, или увидеть Маблунга Дориатского, затаившегося, «словно мышонок», в руинах моста у Нарготронда, или оказаться свидетелями гибели Исильдура, пытавшегося выбраться на илистый берег Андуина.

Существенная часть включенных в данный сборник фрагментов более подробно освещает вопросы, о которых уже говорилось или хотя бы упоминалось где-либо еще. Следует сразу же отметить, что многое в этой книге не найдет отклика у некоторых читателей «Властелина Колец» – у тех, кто считает, что история Средиземья – это средство, способ повествования, а не его суть, у тех, кто не испытывает особого желания изучать историю более подробно ради нее самой, кому неинтересно, как было организовано войско всадников Роханской Марки, и кто предпочтет оставить в покое дикарей Друаданского леса. Мой отец наверняка не стал бы считать, что они неправы. В письме, которое было написано в марте 1955 г., до выхода третьего тома «Властелина Колец», он говорит:

Как я теперь жалею, что пообещал сделать приложения! Я думаю, что если представить их в усеченном, сжатом виде, то это не устроит никого, а меня – в первую очередь. Из тех писем, которые я получаю – а их просто жуткое количество, любителей подобных вещей поразительно много, – явствует, что и их приложения в таком виде тоже не устроят. В то же самое время те читатели, что восхищаются этой книгой исключительно как «героическим эпосом» и считают «необъясненные отсылки к далекому прошлому» частью литературного эффекта, наверняка просто не обратят внимания на приложения, и будут правы.

Теперь я уже не уверен в том, не опасна ли тенденция воспринимать все это как некую затянувшуюся игру – по крайней мере, для меня, поскольку я нахожу в подобных вещах некую роковую притягательность. Я предполагаю, что шумные требования «чистой информации» или «преданий» являются данью тому любопытному воздействию, которое оказывает история, основанная на тщательно продуманных и проработанных географии, хронологии и языке.

Еще год спустя он писал:

...в то время как одни, подобно вам, требуют карты, других интересуют скорее геологические данные; многие стремятся получить сведения об эльфийской грамматике, произношении или образцы текстов; некоторых интересуют стихотворные размеры и системы стихосложения... Музыканты требуют мелодий и нотных записей; археологи хотят знать о керамике и металлургии; ботаники рвутся получить более подробное описание маллорна, эланора, нифредилия, алфирина, маллоса и симбельмине; историки желают дополнительных подробностей о социальном и политическом устройстве Гондора; те же, кто интересуется всем в целом, жаждут информации о кочевниках-кибитниках, о Хараде, о происхождении гномов, о Мертвых, о беорнингах и о двух недостающих магах из пяти.

Конечно, каждый сам решает, как ему относиться к этому вопросу, но для некоторых, как и для меня, сведения о том, что нуменорец Веантур привел свой корабль «Энтулессе», «Возвращение», в Серые Гавани на крыльях весенних ветров в шестисотом году Второй эпохи; что Исильдур, сын Элендила Высокого, похоронил своего отца на вершине холма-маяка Халифириена; что Черным Всадником, которого хоббиты видели сквозь туманную мглу на дальнем берегу у парома в Баклбери, был не кто иной, как Хамул, предводитель Призраков Кольца из Дол-Гулдура; или что бездетность Тараннона, двенадцатого короля Гондора (этот факт упомянут в приложении А к «Властелину Колец»), связывали с кошками королевы Берутиэль, оставшимися до сих пор полнейшей загадкой, – все эти сведения ценны не только как любопытные подробности.

Составить эту книгу было нелегко, и то, что получилось в результате, выглядит достаточно неоднородным. Все вошедшие в нее повествования «не окончены», но в разной степени и в разном смысле этого слова, а потому требовали разного подхода. Об особенностях каждого из этих произведений в отдельности будет сказано ниже, а сейчас мне хотелось бы привлечь внимание к некоторым общим чертам.

Наиболее важна проблема «согласованности», нагляднее всего проиллюстрированная разделом, озаглавленным «История Галадриэли и Келеборна». Это «неоконченное предание» в наиболее полном смысле слова: не повествование, оборванное на полуслове, как «О Туоре и его приходе в Гондолин», не серия отрывков, как в «Кирионе и Эорле», а одна из важных линий истории Средиземья, которая не только не была оформлена в виде текста, но и не успела

превратиться в цельный сюжет. А потому включение в этот раздел различных повествований и набросков, связанных с данной темой, предполагает принципиально иное отношение к истории: не как к неизменной, объективно существующей реальности, о которой автор («притворяющийся» переводчиком и редактором) только рассказывает, а как к развивающемуся и изменяющемуся авторскому замыслу. Поскольку автор перестал сам готовить свои произведения к публикации, подвергая их придирчивой критике и тщательному сравнению с прежде вышедшими, новые сведения о Средиземье, которые можно найти в неопубликованных текстах, часто будут расходиться с тем, что уже «известно»; и в таких случаях новые элементы, входя в существующую систему, будут дополнять не столько саму историю вымышленного мира, сколько историю его создания. В данной книге я изначально решил смириться с тем, что это неизбежно. Я ничего в ней не менял ради того, чтобы привести тексты в соответствие с уже изданными работами, – за исключением незначительных деталей, таких, как изменения в именах и названиях (там, где сохранение варианта, имеющегося в рукописи, привело бы к чрезмерной путанице или потребовало бы чрезмерно объемных пояснений). Напротив, я старался указывать на разнообразные противоречия и варианты. Поэтому в данном отношении «Неоконченные предания» существенно отличаются от «Сильмариллиона», при издании которого важнейшей, хотя и не единственной целью было достижение связности текстов, как внешней, так и внутренней. И, за исключением нескольких особых случаев, я действительно относился к изданному варианту «Сильмариллиона» как к неизменному и авторитетному источнику того же уровня, что и произведения, опубликованные непосредственно отцом, не принимая в расчет того, что при его составлении мне бесчисленное количество раз приходилось выбирать между различными вариантами и противоречащими друг другу версиями, не будучи «уполномоченным» на это самим автором.

По содержанию эта книга целиком повествовательна (или описательна). Я не стал включать сюда те произведения о Средиземье и Амане, которые носят прежде всего философский или умозрительный характер, и не стал обсуждать эти мотивы там, где они встречаются в повествованиях. Ради удобства я систематизировал тексты, разделив их на три части, в соответствии с тем, к какой из первых трех эпох мира они относятся. Правда, некоторые сюжеты не могли уместиться в рамках одной эпохи, – например, легенда об Амроте и ее обсуждение в «Истории Галадриэли и Келеборна». Четвертая часть – это своего рода «приложение». Возможно, следует пояснить, почему она входит в книгу, именуемую «Неоконченные предания», ведь составляющие ее фрагменты – это эссе, посвященные общим вопросам и рассуждениям, почти или вовсе лишенные «повествования». И в самом деле, раздел о друэдайн был включен сюда лишь ради рассказа «Преданный камень», составляющего весьма небольшую его часть. А в дополнение к этому разделу я включил также главы об истари и палантирах, поскольку они (особенно истари) интересуют многих читателей, и мне казалось, что в данной книге уместно будет изложить все, что известно на этот счет.

Примечания местами могут показаться чересчур подробными, но вы убедитесь, что там, где их больше всего (например, в «Поражении в Ирисной Низине»), они обязаны своим появлением не столько редактору, сколько автору, который в поздних работах зачастую сводил вместе различные темы при помощи переплетающихся примечаний. Но я везде стремился обозначить, где редакторские примечания, а где авторские. И, поскольку немалая часть важных сведений встречается именно в примечаниях и приложениях, я счел за лучшее дать в указателе ссылки не только на основные тексты, но и на все прочие части книги, кроме введения.

Я повсюду исходил из предположения, что читателям хорошо известны опубликованные ранее произведения моего отца (в первую очередь «Властелин Колец»), поскольку в противном случае пришлось бы значительно расширить редакторские примечания, которые и без того представляются достаточно обширными. Тем не менее я сопровождал почти все статьи указателя короткими разъяснениями, дабы читателям не пришлось тратить время на поиски ссылок

в других местах. Если же эти пояснения покажутся вам недостаточными или непонятными, рекомендую обратиться к «Полному путеводителю по Средиземью» мистера Роберта Фостера – я регулярно им пользуюсь и успел убедиться, что это прекрасный справочник.

Постраничные ссылки на «Сильмариллион» даны по изданию в твердом переплете; ссылки на «Властелин Колец» даются по тому, книге и главе.

Теперь позвольте предложить вашему вниманию краткие справки по отдельным главам – главным образом библиографические.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

О Туоре и его приходе в Гондолин

Отец неоднократно упоминал о том, что «Падение Гондолина» было первой из написанных им историй Первой эпохи, и сомневаться в этом утверждении нет никаких причин. В письме, датированном 1964 годом, отец заявлял, что написал эту историю, «„взяв ее из головы“, в 1917 году, когда находился в отпуске из армии по болезни». В другом месте он указывает в качестве даты написания 1916 или 1916–1917 гг. В письме, отправленном мне в 1944 г., отец говорит: «Я начал писать [„Сильмариллион“] в битком набитой армейской казарме, заполненной звуками граммофона». И действительно, несколько стихотворных строк, в которых упоминаются Семь Имен Гондолина, набросаны на обороте бумажки, где записан «порядок старшинства в батальоне». Самая ранняя рукопись сохранилась до наших дней. Это две небольших школьных тетради, торопливо исписанных карандашом. Большая часть карандашного текста позднее переписана чернилами прямо по карандашу; кроме того, в текст внесено много исправлений. Основываясь на этих текстах, моя мать написала чистовой экземпляр (вероятно, это произошло в 1917 г.). Но и этот экземпляр, в свою очередь, тоже подвергся значительной правке. Когда именно вносились эти исправления, неизвестно; скорее всего, в 1919–1920 гг., – в это время отец находился в Оксфорде и участвовал в работе над Большим Оксфордским словарем, тогда еще не оконченным. Весной 1920 г. отца пригласили выступить в Эссеистском клубе своего колледжа (Эксетера), и он прочел там «Падение Гондолина». Сохранились наброски вступления, которым он собирался предварить чтение своего «эссе». В этом вступлении отец извиняется за то, что оказался не в состоянии написать какое-либо сочинение критического плана, и далее говорит: «А потому мне придется прочесть хоть что-нибудь законченное, и я с горя обратился к этой истории. Конечно, она никогда прежде не выносилась на суд публики... У меня в голове уже в течение некоторого времени растет (или, скорее, строится) целый цикл событий, происходивших в выдуманной мною Эльфийской стране. Некоторые эпизоды были наспех записаны... Эта история – не лучшая из них, но она – единственная, которая, хотя бы отчасти, была выправлена, и, хотя она еще требует правки, я все же осмелюсь ее прочесть».

История о Туоре и изгнанниках Гондолина (как озаглавлено «Падение Гондолина» в ранних рукописях) оставалась неизменной на протяжении многих лет, хотя на определенном этапе, вероятно, в промежутке между 1926 и 1930 годами, отец написал краткую, сжатую версию этого повествования, ставшую частью «Сильмариллиона» (название, впервые появившееся в его письме в «Обсервер» от 20 февраля 1938 г.). Впоследствии оно было переделано, чтобы привести его в соответствие с изменившейся концепцией других частей книги. Значи-

тельно позднее отец начал трудиться над полностью переработанным повествованием, получившим название «О Туоре и падении Гондолина». Скорее всего, эта вещь была написана в 1951 г., когда «Властелин Колец» был уже окончен, но возникли проблемы с его публикацией. Невзирая на значительное изменение стиля и обстоятельств, в которых происходит действие, в тексте сохранились многие важные черты истории, написанной в годы юности. Текст «О Туоре и падении Гондолина» должен был содержать подробный рассказ о событиях, которые вкратце описаны в 23 главе опубликованного «Сильмариллиона». Но, увы, отец довел это повествование лишь до того момента, когда Туор и Воронве проходят через последние врата и Туор видит Гондолин посреди долины Тумладен. Причины, заставившие отца забросить эту работу, неизвестны.

Этот текст и приведен в данной книге. Чтобы избежать путаницы, я изменил заглавие и назвал это произведение «О Туоре и его приходе в Гондолин», поскольку о падении города здесь ничего не говорится. Как это всегда бывает с рукописями моего отца, в ней имеются различные варианты прочтения, а в одном небольшом фрагменте (приближение Туора и Воронве к Сириону и переправа через реку) оставлено несколько версий, и потому здесь оказалась необходима небольшая редакторская правка.

Таким образом, следует отметить, что единственным полным вариантом истории о пребывании Туора в Гондолине, о его браке с Идриль Келебриндал, о рождении Эарендила, предательстве Маэглина, разорении города и спасении беглецов – центрального сюжета Первой эпохи, с точки зрения отца, – так и осталось повествование, написанное им еще в юности. Но, однако, не подлежит сомнению, что эта работа, хотя и весьма примечательная, не годится для данной книги. Она изложена чрезвычайно архаичным стилем, которым писал отец в то время, и включает в себя множество деталей, совершенно несовместимых с миром «Властелина Колец» и опубликованного варианта «Сильмариллиона». Она безраздельно принадлежит самому раннему этапу мифологии – «Книге утраченных сказаний». Сама по себе «Книга утраченных сказаний» является чрезвычайно важным произведением и представляет огромный интерес для читателя, интересующегося происхождением Средиземья, но для того, чтобы представить ее вниманию читателей (если это вообще стоит делать), потребуется длительная и разносторонняя работа.

II

Повесть о детях Хурина

Развитие легенды о Турине Турамбаре в некоторых отношениях шло более запутанным и сложным путем, нежели развитие прочих сюжетных линий истории Первой эпохи. Подобно повести о Туоре и падении Гондолина, эта легенда возникла в числе первых. В настоящее время существует очень ранний прозаический вариант (он входит в «Книгу утраченных сказаний») и длинная неоконченная поэма, написанная аллитерационным стихом. Но в то время как более поздний «расширенный вариант» «Туора» далеко не продвинулся, «расширенный вариант» истории о Турине отец подвел куда ближе к завершению. Он называется «Нарн и Хин Хурин», и это произведение представлено в данной книге.

Однако различные части этого длинного повествования сильно отличаются друг от друга по степени законченности. Заключительная часть (от возвращения Турина в Дор-ломин и до его гибели) подверглась лишь незначительному редактированию, в то время как с первой частью (до ухода Турина из Дориата) пришлось долго возиться, пересматривая и отбирая варианты, а местами и слегка сокращая, поскольку рукописные тексты были отрывистыми и бес-
связными. Центральная же часть повести (Турин среди изгоев, Мелкий гном Мим, земля Дор-

Куартол, гибель Белега от руки Турина и жизнь Турина в Нарготронде) представляет из себя куда более трудную проблему для редактора. Эта часть наименее проработана, а местами текст вообще сводится к черновым наброскам сюжетных поворотов. К тому времени, как отец прекратил работу над повестью, он лишь обдумывал эту часть; более краткая версия, предназначенная для «Сильмариллиона», тоже ждала окончания «Нарн». При подготовке текста «Сильмариллиона» к изданию я был вынужден позаимствовать многие части истории Турина из этих самых материалов, чрезвычайно сложных в силу наличия множества тесно связанных между собою вариантов.

Первую часть этого центрального раздела, до того момента, как Турин поселился в жилище Мима на Амон-Руде, я представил в виде текста, составленного на основе существующих материалов и соответствующего по степени детальности другим частям «Нарн» (с одним пробелом). Но заполнять брешь между следующим эпизодом и возвращением Турина к Иврину после падения Нарготронда не стоило и пытаться. Здесь пробелы в «Нарн» чересчур велики, и восполнить их можно лишь за счет опубликованного текста «Сильмариллиона». Но в приложении (см. далее) я привел отдельные отрывки, относящиеся к этой части задуманной большой повести.

Что же касается третьей части «Нарн» (начиная с возвращения Турина в Дорломин), то, если сравнить ее с «Сильмариллионом» (гл. 21, стр. 236–250), выявится множество соответствий и даже дословных совпадений. В то же время в первой части были два длинных отрывка, которые я исключил из данного текста, поскольку они почти полностью совпадают с отрывками, существующими в другом месте и включенными в «Сильмариллион». Подобные пересечения и связи двух работ можно объяснить по-разному, с различных точек зрения. Отцу очень нравилось заново пересказывать истории, вводя все новые подробности, но некоторые фрагменты не нуждались в дальнейшем расширении и детализации, и переделки тоже не требовали. Кроме того, поскольку все это находилось в расплывчатом состоянии и до окончательного оформления отдельных повестей было еще далеко, некоторые отрывки включались как в один, так и в другой текст, в порядке эксперимента. Но возможно дать объяснение и на ином уровне. Легенды, подобные истории Турина Турамбара, давным-давно были изложены в особой стихотворной форме – в частности, «Нарн и Хин Хурин» поэта Дирхавеля, – и отдельные фразы или даже целые отрывки из них (особенно относящиеся к наиболее ярким и напряженным моментам, таким, как предсмертное обращение Турина к мечу) могли быть целиком позаимствованы теми, кто впоследствии составлял краткое изложение истории Предначальных дней (каковым предположительно является «Сильмариллион»).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Описание острова Нуменор

Я включил в данную книгу отрывки из описания Нуменора, в первую очередь те, где идет речь о природе Острова, несмотря на то, что по характеру своему они скорее описательные, нежели повествовательные. Я поступил так, в первую очередь, потому, что они дополняют и поясняют историю Алдариона и Эрендис. Это описание уже существовало в 1965 г. и, вероятно, было написано незадолго до того.

Карту я перерисовал с небольшого, наспех выполненного наброска, – похоже, единственной когда-либо сделанной отцом карты Нуменора. На эту копию были нанесены лишь те названия и детали, которые наличествовали на оригинале. Кроме того, на оригинале в Андунийском заливе изображена еще одна гавань, немного западнее самой Андунии. Название ее неразборчиво, но оно почти наверняка должно читаться «Алмайда». Насколько мне известно, эта гавань нигде более не упоминается.

II

Алдарион и Эрендис

Из всех частей данного сборника эта история была наименее проработана, и требовала такой редакции, что я даже усомнился, стоит ли ее сюда включать. Тем не менее, она представляет огромный интерес как единственная повесть (именно повесть, а не хроники и анналы), уцелевшая от долгих веков существования Нуменора, не считая повести о его конце («Акаллабет»). Кроме того, по сравнению с другими произведениями моего отца, эта повесть уникальна по содержанию. Эти соображения убедили меня, что не включить «Алдариона и Эрендис» в собрание «Неоконченных преданий» было бы ошибкой.

Чтобы стало понятно, почему данный текст потребовал подобной переработки, следует пояснить, что отец при разработке повествования очень широко использовал «планы сюжета», уделяя дотошнейшее внимание датировке событий, так что эти наброски напоминали годовые записи в хронике. В данном случае существует не менее пяти подобных кратких планов, в которых более подробно освещены то одни, то другие моменты повествования. Планы нередко противоречат друг другу как в серьезных вопросах, так и в мелочах. Но местами эти конспекты переходят в настоящее повествование, иногда в них даже вводится прямая речь. В пятом и последнем наброске истории Алдариона и Эрендис повествовательный элемент выражен настолько ярко, что текст разросся до шестидесяти рукописных страниц.

Однако этот переход от отрывистого летописного стиля с употреблением настоящего времени к вполне оформленному повествованию происходил очень постепенно, в процессе создания наброска; а потому в начальной части повествования я переписал большую часть текста, пытаясь сделать эту повесть более или менее однородной стилистически. Это переписывание коснулось исключительно формы – я не изменял содержания и от себя ничего не добавлял.

Наиболее поздний «конспект», которому в основном соответствует текст, озаглавлен «Тень тени: повесть о жене морехода; и повесть о королеве-пастушке». Рукопись обрывается совершенно внезапно, и я не могу объяснить, почему именно отец ее забросил. Машинописный текст, доведенный до той же точки, был завершен в январе 1965 г. Существует также машинописный текст, занимающий две страницы и являющийся, насколько я понимаю, самым поздним из материалов, относящихся к этой группе. Очевидно, это начало того, что должно было стать окончательным вариантом данной повести, и именно на нем основан текст на страницах 173–174 (там, где наброски сюжета наиболее скудны). Этот текст носит название «„Индис-и-Кириямо“ „Жена морехода“: повесть из древних времен Нуменоре, рассказывающая о первых предвестиях Тени».

В конце данной повести я привел все, что можно сказать относительно дальнейшего развития этой истории.

III

Род Эльроса: короли Нуменора

Хотя по форме это произведение представляет собой типичную генеалогию, я, тем не менее, включил его в книгу, поскольку оно является важным документом Второй эпохи, а в тексты и комментарии этого сборника вошла значительная часть наличествующих материалов, касающихся этой эпохи. Данная работа – это переписанная набело рукопись, в которой даты жизни королей и королев Нуменора и даты их правления неоднократно, и временами весьма неразборчиво, исправлялись. Я старался приводить наиболее поздний вариант. В тексте наличествует несколько небольших хронологических загадок, но при этом он позволяет прояснить и исправить некоторые очевидные ошибки в приложениях к «Властелину Колец».

Генеалогическая таблица первых поколений рода Эльроса взята из нескольких тесно связанных друг с другом таблиц, относящихся к тому самому периоду, что и обсуждение нуменорских законов о престолонаследии. В именах некоторых второстепенных персонажей встречаются незначительные вариации: «Вардильме» пишется также как «Вардилье», а «Йавиэн» как «Йавие». Я привел в таблице те варианты, которые счел более поздними.

IV

История Галадриэли и Келеборна

Этот раздел книги отличается от всех прочих (не считая тех, что вошли в четвертую часть), поскольку представляет собой не единый текст, а скорее насыщенное цитатами эссе. Этот подход обусловлен природой имеющихся материалов; как станет ясно по ходу данного эссе, историю Галадриэли можно представить исключительно как историю изменения отцовских концепций, так что эта работа «не окончена» отнюдь не в том смысле, в каком бывает не окончена отдельная рукопись. Я ограничился здесь тем, что представил неопубликованные произведения отца, касающиеся данной темы, и отказался от всякого обсуждения более широких вопросов – тех, что послужили причиной изменений. Иначе это повлекло бы за собой обсуждение взаимоотношений валар и эльфов, начиная от первоначального решения призвать эльдар в Валинор (описанного в «Сильмариллионе»), а также обсуждение множества других смежных тем, о которых писал отец, и которые просто невозможно вместить в эту книгу.

История Галадриэли и Келеборна так тесно переплетена с другими легендами и историями – о Лотлориэне и Лесных эльфах, об Амроте и Нимродели, о Келебримборе и создании Колец Власти, о войне против Саурана и о вмешательстве Нуменора, – что ее невозможно рассматривать в отрыве от всего этого. Потому в данный раздел книги (включая пять приложений) вошли практически все неопубликованные материалы, касающиеся истории Второй эпохи Средиземья, а местами обсуждение неизбежно затрагивает и Третью эпоху. В «Повести лет», приведенной в приложении В к «Властелину Колец», говорится: «То были темные годы для людей Средиземья, и в то же время – годы славы Нуменора. О событиях, происходивших в Средиземье, хроники говорят мало и немногословно, и зачастую даже точные даты этих событий неизвестны». Но даже то немногое, что сохранилось от «темных лет», изменялось по мере того, как развивались и изменялись представления отца. Я не предпринимал попыток заглаживать несообразности, а, напротив, старался привлечь к ним внимание.

На самом деле, расходящиеся версии не всегда следует рассматривать исключительно с точки зрения хронологии создания; не всегда здесь можно отличить, где мой отец выступает как «автор», а где – как «летописец», записывающий древние предания, известные в разных вариантах, из уст самых различных носителей, и дошедшие до него через много столетий (к тому времени, как Фродо встретился в Лориэне с Галадриэлью, миновало больше шестидесяти веков с тех пор, как она отправилась на восток, за Синие горы, покинув гибнущий Белерианд). «Об этом одни говорят так, а другие иначе, и только Мудрые знали, которая из двух историй верна, а они все ушли».

В последние годы отец много писал об этимологии средиземских имен. Эти эссе, постоянно переходящие от темы к теме, тесно связаны с историей и легендами; но последние играют там подчиненную роль по отношению к филологическим рассуждениям, и речь о них идет лишь мимоходом, а потому в данном издании публикуются лишь выдержки из них. Поэтому этот раздел книги по большей части состоит из коротких цитат; другие материалы того же рода помещены в приложениях.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Поражение в Ирисной низине

Это «позднее» произведение отца. Какие-либо указания на точную дату отсутствуют, но я могу сказать, что оно, по всей видимости, относится скорее к последнему периоду отцовских работ о Средиземье наряду с «Кирионом и Эорлом», «Битвами у Бродов Изена», «Друэдайн» и филологическими эссе, выборочно представленными в «Истории Галадриэли и Келеборна», чем ко времени издания «Властелина Колец» или сразу после выхода романа. Оно существует в двух вариантах: черновой машинописный набросок (явно относящийся к первой стадии создания текста) и аккуратный машинописный текст со множеством исправлений, обрывающийся на том месте, где Элендур уговаривает Исильдура бежать. Этот раздел практически не требовал вмешательства редактора.

II

Кирион и Эорл, и дружба Гондора и Рохана

Я полагаю, что данные фрагменты относятся к тому же самому периоду, что и «Поражение в Ирисной низине», когда отец особенно интересовался ранним периодом истории Гондора и Рохана; очевидно, эти тексты должны были стать частью фундаментального исторического труда, в котором были бы более подробно описаны события, кратко изложенные в приложении А к «Властелину Колец». Данные тексты находятся на начальной стадии разработки, весьма запутанны, состоят из множества вариантов и то и дело переходят в поспешные, местами неразборчивые заметки.

III

Поход к Эребору

В письме, относящемся к 1964 г., отец говорил:

Конечно же, между «Хоббитом» и «Властелином Колец» существует множество связей, хотя они не всегда доступны читателю. Они были по большей части прописаны или хотя бы намечены, но потом выброшены, чтобы не перегружать лодку: это, например, рассказ о путешествиях Гэндальфа, о его отношениях с Арагорном и Гондором, о всех перемещениях Голлума до тех пор, как он укрылся в Мории, и так далее. На самом деле, я написал рассказ обо всем, что произошло перед появлением Гэндальфа у Бильбо и воспоследовавшей «Нежданной вечеринкой», как это выглядело с точки зрения самого Гэндальфа. Текст был оформлен в виде разговора, происходящего в Минас-Тирите и повествующего о прошедших событиях; но эту часть пришлось выбросить, и теперь она представлена лишь вкратце в приложении А [(III)], да и то туда не вошло описание трудностей, которые были у Гэндальфа с Торином.

Этот рассказ Гэндальфа приводится здесь. Связанные с этими текстами сложности описаны в помещенном после данного произведения приложении, в которое я включил значительные выдержки из раннего варианта.

IV

Охота за Кольцом

Существует множество рукописей, повествующих о событиях 3018 года Третьей эпохи; эти события известны также по «Повести лет» и рассказам Гэндальфа и других участников Совета Эльронда. Несомненно, эти рукописи – те самые «наметки», которые упоминаются в процитированном выше письме. Я назвал их «Охота за Кольцом». Сами рукописи (весьма беспорядочные, что отнюдь не является исключением) описаны ниже. Здесь же, на мой взгляд, следует осветить вопрос об их датировке, поскольку я уверен, что все они, равно как и раздел «О Гэндальфе, Сарумане и Шире», являющийся третьей частью этой главы, относятся к одному и тому же времени. Тексты эти, судя по постраничным отсылкам к печатному тексту романа, были написаны после издания «Властелина Колец», но приведенные в них даты некоторых событий отличаются от дат, приведенных в «Повести лет» (приложение В). Очевидно, это объясняется тем, что они были написаны после издания первого тома, но до выхода в свет третьего тома, содержащего приложения.

V

Битвы на Бродах Изена

Данное произведение, наряду с описанием организации войска рохиррим и историей Изенгарда, приведенными в приложении к тексту, также относится к поздним, чисто историческим работам; что до текстологических трудностей, их здесь относительно мало; это повествование всего лишь не окончено, в прямом смысле слова.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Друэдайн

Незадолго до конца жизни отец сообщил много нового о дикарях Друаданского леса в Анориэне и о Бесовых камнях, стоящих вдоль дороги на Дунхарроу. Приведенное здесь описание, рассказывающее о друэдайн в Белерианде в Первую эпоху и содержащее повествование, озаглавленное «Преданный камень», позаимствовано из длинного, сбивчивого и неоконченного эссе, посвященного в первую очередь взаимосвязи различных средиземских языков. Как будет видно в дальнейшем, отец рассчитывал включить друэдайн в историю более ранних эпох, но в опубликованном тексте «Сильмариллиона» это, как и многое другое, конечно же, не нашло отражения.

II

Истари

Вскоре после того, как «Властелин Колец» приняли для публикации, было предложено поместить в конце третьего тома указатель. Кажется, отец начал работать над ним летом 1954 г., когда первые два тома уже пошли в печать. В письме, датированном 1956 г., он писал: «Необходимо было составить указатель имен, который в то же время, благодаря экскурсам в этимологию, мог бы служить достаточно обширным эльфийским словарем... Я работал над ним несколько месяцев и составил указатель к первым двум томам (это и было главной причиной задержки третьего тома), пока в конце концов не стало ясно, что его размеры и стоимость просто убийственны».

В результате «Властелин Колец» так и оставался без указателя вплоть до выхода второго издания 1966 г. Сохранился первоначальный черновик этого указателя, и я воспользовался им в качестве плана при составлении указателя к «Сильмариллиону», позаимствовав оттуда перевод некоторых имен и короткие пояснения. Применял я его также и при составлении указателя к этой книге. Оттуда же было взято «эссе об истари», открывающее данный раздел книги, —

статья, слишком длинная для исходного указателя, но достаточно показательная с точки зрения манеры работы отца.

Что же касается других цитат, приведенных в данном разделе, то я указал их датировку непосредственно в тексте, насколько было возможно ее определить.

III

Палантиры

Готовя второе издание «Властелина Колец» (1966 г.), отец внес существенные изменения в отрывок из «Двух твердынь» (III, 11, «Палантир») и еще несколько – в «Возвращение короля» (V, 7, «Погребальный костер Денетора»), хотя эти изменения не были включены в текст до второго тиража исправленного издания (1967 г.). Этот раздел данной книги основан на записях, посвященных палантирам и связанных с этими поправками; я всего лишь собрал их в цельное эссе.

Карта Средиземья

Сперва я намеревался включить в данную книгу карту, прилагающуюся к «Властелину Колец», нанеся на нее новые названия. Но по некотором размышлении мне показалось, что лучше будет скопировать мою первоначальную карту и, воспользовавшись возможностью, исправить некоторые незначительные недочеты (исправление крупных не в моих силах). Потому я сделал точную копию, увеличив ее в полтора раза (то есть новая карта в полтора раза больше той, что печаталась прежде). В результате она охватывает меньшую территорию, но из географических объектов исчезли только порт Умбар и мыс Форохель¹. Это позволило изменить шрифт надписей и сделать его крупнее и четче.

На карту нанесены все важные географические названия, упоминаемые в этой книге, но не встречающиеся во «Властелине Колец», такие как Лонд-Даэр, Друвайт-Йаур, Эделлонд, Отмели, Грейлин; кроме того, добавлены еще несколько названий, которые могли бы или даже должны были бы появиться еще на изначальной карте – реки Харнен и Карнен, Аннуминас, Истфолд, Вестфолд, Ангмарские горы. Прежде на карте был обозначен лишь Рудаур, теперь же я исправил эту ошибку и надписал еще и Кардолан и Артедайн. Кроме того, я обозначил небольшой остров Химлинг у северо-западного побережья – он имеется на одном из набросков, выполненных отцом, и на первом черновике моей работы. «Химлинг» – это ранняя форма написания названия «Химринг» (в «Сильмариллионе» – высокий холм, на котором стояла крепость Маэдраса, сына Феанора). Хотя этот факт нигде не упоминался, ясно, что вершина Химринга осталась стоять над волнами, скрывшими затонувший Белерианд. Еще чуть дальше на запад располагался остров покрупнее, именуемый Тол-Фуин, – должно быть, прежде это была самая высокая часть плато Таур-ну-Фуин. В большинстве случаев, хотя и не всегда, я предпочитаю использовать синдарские названия (если они известны), но обычно наряду с синдарским вписываю и перевод названия, если он более употребителен. Возможно, следует указать, что

¹ Теперь я практически не сомневаюсь, что водоем, обозначенный на моей первоначальной карте как «ледяной залив Форохель», на самом деле является лишь небольшой частью залива (в приложении А (I, III) к ВК он назван «необъятным»), который тянется далеко на северо-запад: его северные и западные берега образованы огромным полуостровом Форохель, оконечность которого видна на изначальной карте, но там она не подписана. На одном из набросков карты, выполненных моим отцом, показано, что северное побережье Средиземья по большой дуге уходит на северо-восток от мыса Форохель, и крайняя северная точка находится в семистах милях севернее Карн-Дума.

«Северная пустошь», отмеченная в верхней части моей первоначальной карты, – почти наверняка то же самое, что и «Фородвайт»².

Я также счел за лучшее отметить всю протяженность Великого тракта, соединяющего Арнор и Гондор, хотя его участок, расположенный между Эдорасом и Бродами Изена, известен лишь приблизительно (так же, как и точное местонахождение Лонд-Даэра и Эделлонда).

И под конец я должен подчеркнуть, что точно воспроизвел стиль и детали (за исключением отдельных названий и вида шрифтов) карты, наспех сделанной мной двадцать пять лет назад, не потому, что убежден в ее совершенстве с точки зрения как замысла, так и исполнения. Я давно уже сожалею, что отец так и не заменил ее картой собственной работы. И тем не менее, так уж сложилось, что, при всех ее недостатках и странностях, она стала «той самой Картой», и отец впоследствии всегда опирался именно на нее (несмотря на то, что часто говорил о ее неточности). Разнообразные сделанные им черновики карт, которыми я пользовался для составления своего варианта, теперь стали частью истории создания «Властелина Колец». Я счел за лучшее сохранить свою карту, поскольку она, по крайней мере, с приемлемым уровнем достоверности соответствует отцовским замыслам.

² Название «Фородвайт» встречается во «Властелине Колец» лишь один раз (приложение А, I, iii), в применении к древним обитателям Северных земель, последними из которых были Снежные люди Форохеля. Но синдарское слово *(g)wait* обозначает одновременно и местность, и проживающих там людей (ср. «Энедвайт»). На одном из отцовских набросков «Фородвайт», похоже, является синонимом «Северной пустоши», в другом же месте оно переводится как «Северные земли».

Часть первая

Первая эпоха

I

О Туоре и его приходе в Гондолин

Перевод – А. Хромова

Риан, жена Хуора, жила вместе с народом дома Хадора. Но когда до Дор-ломина дошли слухи о Нирнаэт Арноэдиад, а о супруге Риан вестей все не было, она потеряла разум от горя и ушла одна в глушь. Так бы она и погибла, не приди ей на помощь Серые эльфы – к западу от озера Митрим было их поселение. Они привели ее к себе, и там, прежде, чем окончился Год Скорби, родила она сына.

И сказала Риан эльфам:

– Пусть зовется он Туором, ибо это имя избрал его отец до того, как война разлучила нас. Прошу вас, воспитайте его втайне и сберегите его, ибо предвижу я, что великое благо принесет он эльфам и людям. Я же ныне должна уйти, дабы разыскать Хуора, господина моего.

Эльфы исполнились жалости к ней. И некий Аннаэль, который был в той битве и единственный из воинов этого народа вернулся домой, сказал ей:

– Увы, госпожа моя, всем известно, что Хуор пал в бою, сражаясь бок о бок с Хурином, братом своим, и ныне, думается мне, покоится он в кургане, что возвели орки на поле той битвы.

И встала тогда Риан, и оставила жилища эльфов, и прошла через земли Митрима, и достигла наконец Хауд-эн-Нденгина, стоявшего посреди пустынного Анфауглита, и там она легла ничком и так умерла. Но эльфы позаботились о младенце, отпрыске Хуора, и Туор вырос среди них. Был он прекрасен собой и златовлас, как весь род отца его, и сделался он могучим, высоким и отважным. Будучи воспитан эльфами, постиг он все науки и искусства, что были ведомы князьям эдайн, покуда на север не пришла гибель.

Но шли годы, и жизнь исконных обитателей Хитлума, людей и эльфов, что еще оставались там, становилась все тяжелее и опаснее. Ибо, как рассказано в другой повести, Моргот нарушил обещание, данное истерлингам, что служили ему, и не пустил их в богатые земли Белерианда, которых помогали истерлинги, но загнал этот злобный народ в Хитлум и повелел им жить там. И хотя они более не были друзьями Морготу, но продолжали служить ему из страха, и ненавидели всех эльфов. Оставшихся людей дома Хадора (то были по большей части старики, женщины и дети) они презирали и притесняли. Истерлинги отбирали у них земли и добро, брали женщин в жены вопреки их воле и обращали детей в рабство. Орки свободно бродили по всей стране, охотясь на эльфов, что еще прятались в тайных убежищах в горах, и многих брали в плен и уводили в копи Ангбанда, в рабство к Морготу.

Поэтому Аннаэль увел свой немногочисленный народ в пещеры Андрот. Жизнь их была тяжелой, и им все время приходилось быть настороже. Но вот Туору исполнилось шестнадцать лет. Он стал сильным и научился владеть оружием – секирой и луком Серых эльфов; и сердце юноши пылало при мысли о страданиях его народа, и он стремился отомстить оркам и истерлингам. Но Аннаэль не отпустил его.

– Думается мне, судьба твоя не здесь, Туор сын Хуора, – сказал он юноше. – Этот же край не освободится от тени Моргота, доколе не будет повержен самый Тангородрим. И ныне мы решились оставить наконец эти земли и уйти на юг. И ты пойдешь с нами.

– Но как же нам избежать сетей врагов? – спросил Туор. – Ведь такой отряд, как наш, нельзя не заметить.

– Будем скрываться, – ответил Аннаэль, – и, если нам повезет, мы отыщем тайный ход, который зовется Аннон-ин-Гелид, Врата нолдор; ибо он создан их трудами, давным-давно, во дни Тургона.

Услышав это имя, Туор восторжен, сам не зная почему. И принялся он расспрашивать Аннаэля о Тургоне.

– Это сын Финголфина, – отвечал ему Аннаэль, – и ныне, после гибели Фингона, он считается верховным королем нолдор. Тургон, коего Моргот страшится более, чем кого бы то ни было, все еще жив: он избежал гибели в Нирнаэт, ибо Хурин из Дор-ломина и Хуор, твой отец, прикрыли его отступление, преградив Теснину Сириона.

– Тогда я пойду искать Тургона, – сказал Туор. – Неужели он не поможет мне – в память о моем отце?

– Не найдешь, – вздохнул Аннаэль. – Твердыня его сокрыта от глаз эльфов и людей, и никто из нас не знает, где она. Быть может, некоторым нолдор это и известно, но они никому не скажут. Но если хочешь поговорить с ними, послушайся моего совета и иди со мной: в дальних гаванях на юге ты, быть может, и встретишь странников из Сокрытого королевства.

Так и вышло, что эльфы оставили пещеры Андрот, и Туор отправился с ними. Но враги стерегли места, где они обитали, и скоро прознали о походе. Едва народ Аннаэля успел спуститься с гор, как на него напал большой отряд орков и истерлингов, и эльфы разбежались кто куда, прячась в наступающей тьме. Но сердце Туора возгорелось пламенем битвы, и он не бросился бежать. Туор был еще совсем мальчик, но секирой владел не хуже отца, и долго сражался, и перебил много врагов. Но в конце концов его одолели, и взяли в плен, и привели к Лоргану-истерлингу. Этот Лорган был вождем истерлингов и объявил себя владыкой всего Дор-ломина под рукой Моргота. И Туор стал его рабом. Тяжка и горька была жизнь пленника, ибо Лорган знал, что Туор из рода прежних владык Дор-ломина, и обращался с ним хуже, чем со всеми остальными рабами: Лорган был бы рад сломить гордость потомка Хадора. Но Туор был умен, держался настороже и терпеливо сносил побои и насмешки. Поэтому со временем жизнь его стала полегче, и его, по крайней мере, не морили голодом, как большинство несчастных рабов Лоргана. Ибо Туор был силен и искусен, а Лорган неплохо кормил свой рабочий скот, пока тот был молод и мог трудиться.

И вот, через три года рабства, Туору наконец представился случай бежать. Он был теперь почти совсем взрослым, и стал выше и проворнее любого истерлинга. И однажды, когда Туора вместе с другими рабами отправили на работу в лес, он внезапно набросился на охранников, перебил их топором и скрылся в горах. Истерлинги пытались выследить его с собаками, но у них ничего не вышло: почти все псы Лоргана были друзьями Туора и, завидев его, просто ласкались к нему, а он отсылал их домой, и они послушно убегали. И так он в конце концов добрался до пещер Андрот и стал жить там один. Целых четыре года прожил он изгоем в земле своих отцов. Он сделался упрямым отшельником, и истерлинги боялись даже его имени, ибо он часто спускался с гор и убивал всех истерлингов, которые ему попадались. За его голову назначили большую награду; но истерлинги не смели напасть на его убежище, даже с сильным отрядом; ибо они боялись эльфов и избегали тех мест, где когда-то жил этот народ. Но говорят, что Туор покидал свое убежище не ради мести: он все пытался найти Врата нолдор, о которых говорил ему Аннаэль. Но он не нашел их, ибо не знал, где искать. А те немногие эльфы, что еще жили в горах, даже не слышали о них.

Однако, хотя судьба до поры и благоприятствовала Туору, он все же знал, что дни изгоя сочтены, и всегда кратки и безнадежны. К тому же он совсем не хотел прожить весь век бездомным дикарем в горах: сердце его стремилось к великим деяниям. Говорят, что в этом проявилась власть Ульмо. Ибо Ульмо собирал вести обо всем, что происходит в Белерианде, и каждый ручеек, бегущий из Средиземья к Великому морю, был его вестником и посланником; а кроме того, он издревле водил дружбу с Кирданом и корабелями, жившими в Устьях Сириона³. И в то время Ульмо больше всего заботился о судьбах дома Хадора, ибо в своих глубочайших замыслах предназначил им сыграть важную роль в спасении Изгнанников. Ульмо знал о судьбе Туора, поскольку Аннаэлю и многим другим из его народа удалось все-таки бежать из Дор-ломина и добраться до поселений Кирдана далеко на юге.

Так и случилось, что в день начала года (двадцать третьего, считая от Нирнаэт) Туор сидел у источника, который журчал неподалеку от входа в его пещеру и, обратясь к западу, смотрел, как солнце садится в облака. И вдруг в его сердце вспыхнуло желание встать и уйти, не медля ни минуты.

– Я оставляю ныне сырые земли моих сородичей, которых нет более, – воскликнул он, – и отправляюсь навстречу своей судьбе! Но куда же мне идти? Долго искал я Врата, но так и не нашел их.

Тогда взял он арфу, что всегда была при нем, ибо он был искусным музыкантом, и, не думая об опасности, звонко запел песню северных эльфов, сложенную для ободрения духа. Он пел, и родник у его ног вдруг забуллил и переполнился водой, и по каменистому склону хлынул шумный поток. И Туор решил, что это знак, и тотчас встал и пошел за ручьем. И так он спустился с высоких гор Митрима и вышел на северную равнину Дор-ломина. Поток становился все полноводнее, и Туор шел за ним на запад, и через три дня на западе показались серые хребты Эред-Ломина. Они тянулись с севера на юг, преграждая путь к Западным берегам. В эти края Туор никогда еще не забредал.

Вблизи гор земля снова стала неровной и каменистой, и скоро Туору пришлось подниматься вверх по склону, а поток устремился в скалистую расщелину. Но к вечеру третьего дня, когда над землей стали сгущаться серые тени, Туор увидел перед собой каменную стену, а в ней – отверстие, подобное высокой арке. Поток нырнул туда и скрылся во тьме пещеры.

– Значит, надежда обманула меня! – разочарованно воскликнул Туор. – Мое знамение привело в тупик, да еще в землях, где полно врагов!

Исполненный печали, присел он между камней на крутом берегу потока, и провел там бессонную ночь. Костер он не стал разводить, хотя было очень холодно: шел месяц сулиме, и в этих северных краях было еще далеко до весны, а с востока дул ледяной ветер.

Но когда слабые лучи восходящего солнца пробились сквозь далекие туманы Митрима, Туор услышал голоса и, взглянув вниз, с удивлением увидел двух эльфов, идущих вброд по мелководью. Когда они выбрались на берег по ступеням, вырубленным в крутом берегу, Туор встал и окликнул их. Они тотчас бросились к нему, выхватив сияющие мечи. Эльфы были в серых плащах, но из-под плащей блеснули кольчуги. Туора поразили их облик: он никогда прежде не видел столь прекрасных лиц, но свет их очей был ужасен. Те эльфы, которых он знал, были другими. Туор выпрямился и спокойно ожидал их. Эльфы же, видя, что он не обнажил меча, и слыша его приветствие на эльфийском наречии, убрали мечи в ножны и вежливо отвечали ему. И один из них сказал:

³ В «Сильмариллионе» (гл. 20, стр. 212) сказано, что когда через год после Нирнаэт Арноэдиад гавани Бритомбар и Эгларест были разрушены, Кирдан и остальные выжившие эльфы Фаласа отправились на остров Балар «и основали там убежище для всех, кто мог добраться туда; для этого они сохранили за собой опорный пункт в Устьях Сириона, и немало легких и быстрых кораблей прятались там в тростниках, густых, как лесная чаща».

– Мы – Гельмир и Арминас из народа Финарфина. Ты, должно быть, из народа эдайн, что жил в этих краях прежде, до Нирнаэт? И сдается мне, что ты из рода Хадора и Хурина, ибо волосы у тебя золотые.

И отвечал ему Туор:

– Да, я Туор сын Хуора, сына Галдора, сына Хадора; но ныне я хочу оставить наконец этот край, ибо здесь я изгой, и родичей у меня не осталось.

– Если ты хочешь бежать отсюда в южные гавани, – сказал ему Гельмир, – то ты на верном пути.

– Я и сам так думал, – ответил Туор. – Я шел за ручьем, что внезапно источился из горного ключа, и он привел меня к этому обманчивому потоку. Но теперь я не знаю, куда идти дальше, ибо он уходит во тьму.

– Сквозь тьму можно выйти к свету, – заметил Гельмир.

– И все же тот, кто может, идет под Солнцем, – возразил Туор. – Но раз вы из нолдор, скажите мне, если можете, где находятся Врата нолдор. Ибо я долго искал их, с тех самых пор, как мой приемный отец, Аннаэль из Серых эльфов, рассказал мне о них.

И эльфы со смехом ответили ему:

– Твои поиски завершены: мы сами только что прошли через эти Врата. Вот они, перед тобой! – и они указали на арку, куда убегал поток. – Ступай! И сквозь тьму ты выйдешь к свету. Мы покажем тебе дорогу, но провожать тебя мы не можем – мы посланы в те земли, откуда бежали когда-то, и наше дело не терпит отлагательств.

– Но не страшись, – добавил Гельмир, – высокий удел начертан на твоем челе, и тебе суждено уйти далеко отсюда, далеко за пределы Средиземья, если я верно угадал.

Туор спустился по ступенькам вслед за нолдор, и они пошли вброд по холодной воде, пока не оказались в тени каменной арки. Тогда Гельмир достал один из тех светильников, которыми славились нолдор: эти светильники были сотворены много лет назад в Валиноре, и ни ветер, ни вода не могли погасить их; когда с них снимали покров, они источали ясный голубой свет, лившийся из прозрачного кристалла, наполненного пламенем⁴. Гельмир поднял светильник над головой, и в этом свете Туор увидел, что река течет вниз, в глубокий тоннель, и вдоль ее каменного русла в скале вырублены ступени, уходящие во мрак, куда не досягал свет лампы.

Пройдя перекат, они очутились под огромным каменным куполом. Рядом река с грохотом обрушивалась вниз с крутого обрыва, и шум водопада отдавался эхом в сводах пещеры. Ниже река снова уходила под арку в другой тоннель. У водопада нолдор простились с Туором.

– Теперь мы должны торопиться обратно, – сказал Гельмир, – ибо великая опасность надвигается на Белерианд.

– Не пришел ли час, когда Тургон выйдет из тайного убежища? – спросил Туор.

Эльфы взглянули на него с изумлением.

– Это касается больше нолдор, чем сынов человеческих, – заметил Арминас. – Что тебе известно о Тургоне?

– Немного, – сказал Туор. – Я знаю только, что мой отец помог ему спастись из Нирнаэт и что в его тайной твердыне кроется надежда нолдор. Но его имя вечно звучит в моем сердце и просится на язык, не знаю почему. И, будь моя воля, я бы отправился искать его, вместо

⁴ Голубые светильники эльфов-нолдор не упоминаются в опубликованном тексте «Сильмариллиона», но в ранних версиях повести о Турине у Гвиндора, нарготрондского эльфа, бежавшего из Ангбанда и повстречавшегося с Белегом в лесу Таурну-Фуин, был такой светильник (его можно видеть на рисунке моего отца, где изображена эта встреча, см. «Рисунки Дж. Р. Толкина» 1979, номер 37); и Турин увидел лицо убитого им Белега именно при свете этого светильника, когда Гвиндор уронил и открыл его. В примечании к истории Гвиндора они названы «Феаноровы лампы», и там говорится, что их тайна была неизвестна даже самим нолдор; это были «кристаллы, оплетенные сетью тончайших цепочек, вечно светившиеся собственным голубым сиянием».

того чтобы вступать на эту темную и страшную тропу. Но, быть может, это и есть путь к его жилищу?

– Кто знает? – отвечал эльф. – Жилище Тургона сокрыто, сокрыты и пути к нему. Я не знаю их, хотя долго их искал. Но если бы они и были известны мне, я не открыл бы их ни тебе, и никому из людей.

Но Гельмир сказал:

– Мне доводилось слышать, что вашему роду покровительствует Владыка Вод. И если он решил привести тебя к Тургону, ты придешь к нему, куда бы ты ни пошел. Ступай же ныне той дорогой, которую указали тебе воды горного ключа, и не страшись! Тебе недолго придется брести во тьме. Прощай! И не думай, что наша встреча была случайной; ибо Живущий в глубинах еще может повелевать многим в этом краю. Анар калува тиэльянна!⁵

С этими словами нолдор стали подниматься по лестнице, а Туор все стоял; но вот свет их лампы угас, и он остался совсем один во тьме чернее ночи, среди рева водопадов. Собрав все мужество, он двинулся вперед, держась левой рукой за стену. Сперва он шел очень медленно, потом по привычке к темноте, заметил, что путь ровный, и зашагал быстрее. Ему казалось, что он идет очень долго; он устал, но ему не хотелось отдыхать в темном тоннеле. И вот, наконец, далеко впереди показался свет. Туор ускорил шаг и вслед за шумным потоком прошел сквозь узкую высокую брешь в стене навстречу золотому вечеру. Он очутился в глубоком ущелье с отвесными стенами. Ущелье смотрело точно на Запад, и впереди в ясном небе садилось солнце, озаряя стены золотистым сиянием, а воды реки горели золотом, дробясь и пенясь на блестящих камнях.

Туор был восхищен этим зрелищем. В нем снова вспыхнула надежда, и он пошел дальше, пробираясь вдоль южной стены, где оставался узкий проход. А потом наступила ночь, и река скрылась во мраке – только высокие звезды мерцали в темных омурах. Тогда Туор лег и спокойно заснул: он забыл о страхе рядом с этой рекой, где струилась власть Улмо.

Когда наступил день, он не торопясь пошел дальше. Солнце вставало у него за спиной и снова садилось впереди, и по утрам и вечерам над шумными перекатами и водопадами загорались радуги. Поэтому он назвал это место Кирит-Нинних.

Так Туор шел еще три дня. Шел он не торопясь, пил холодную воду из реки, а есть ему не хотелось, хотя в реке плескалось множество рыб, переливавшихся золотом, серебром и всеми цветами радуги, подобно тем радугам, что висели в воздухе. А на четвертый день стены ущелья раздвинулись и стали менее высокими и крутыми; река же сделалась глубже и шире, ибо текла через горы, и все новые и новые ручьи сбегали с них в Кирит-Нинних, обрушиваясь в реку сверкающими водопадами. Тогда Туор остановился и долго сидел, глядя на струи реки и вникая в их неумолчному говору. Но вот наступила ночь, и на узкой полоске черного неба наверху холодным блеском засияли звезды. Тогда Туор возвысил голос и ударил по струнам арфы, и его песня и нежный перезвон струн заглушили шум воды и отозвались многоголосым эхом в скалах, и разнеслись над холмами, окутанными тьмой, и весь необитаемый край наполнился музыкой, летящей к звездам. Ибо, сам того не ведая, Туор вышел к Зычным горам Ламмот, стоящим над заливом Дренгист. Некогда там пристали корабли Феанора, приплывшего из-за моря, и голоса его воинов раскатились могучим эхом по северным берегам еще до восхода Луны⁶.

⁵ «Солнце озарит твой путь». – В кратком варианте этой истории, рассказанном в «Сильмариллионе», не сказано, как Туор нашел Врата нолдор, и эльфы Гельмир и Арминас не упоминаются. Однако они появляются в повести о Турине («Сильмариллион», гл. 21, стр. 231–232) как гонцы, принесшие в Нарготронд предостережение Улмо; и там говорится, что они были из народа Ангрода сына Финарфина, и после Дагор Браголлах поселились на юге, у Кирдана Корабела. В расширенном варианте рассказа об их приходе в Нарготронд Арминас, сравнивая Турину с его родичем (не в пользу первого), говорит, что встретил Туора «в глуши Дор-ломина» (см. ниже).

⁶ В «Сильмариллионе» (гл. 9, стр. 73) говорится, что когда Моргот и Унголиант сражались в том краю за Сильмарили, «Моргот испустил ужасающий вопль, что эхом отозвался в горах. Потому и назван был этот край Ламмот – отзвуки его

Туор умолк в изумлении, и музыка медленно затихла в горах, и наступило молчание. И вдруг среди этой тишины в небе над ним раздался странный крик; и Туор не знал, кто это так кричит. Сперва он сказал себе: «Должно быть, это духи», потом: «Нет, это, наверно, какой-нибудь зверек скулит здесь в глуши», потом, услышав его снова, он сказал: «Нет, это голос какой-то ночной птицы, мне незнакомой». Этот звук показался ему печальным, и все же ему хотелось снова слышать его и пойти за ним: он звал его куда-то, но куда – Туор не ведал.

Наутро этот крик снова раздался над ущельем; Туор поднял голову и увидел трех больших белых птиц, летящих вдоль ущелья навстречу западному ветру, – их могучие крылья сияли белизной в лучах утреннего солнца, и, пролетая над Туором, они громко закричали. Так в первый раз увидел он больших чаек, которых так любят телери. Тогда Туор встал, желая пойти вслед за ними, и, чтобы лучше видеть, куда они летят, выбрался на левый берег. На краю обрыва в лицо ему ударил ветер с Запада, взъерошив ему волосы. Туор вдохнул свежий воздух полной грудью и воскликнул:

– Этот ветер будоражит душу сильнее вина!

Он не знал, что то был ветер с Великого моря.

Туор пошел вдоль высокого обрыва над рекой вслед за чайками. Вскоре стены ущелья снова сдвинулись, и узкая протока наполнилась ревом воды. Туор взглянул вниз и увидел, что бурный прилив запрудил теснину и преградил путь реке, которая стремится течь дальше, и огромная волна, увенчанная пеной, стеной вздымается чуть ли не вровень с обрывом. И вот прилив одолел реку, и вода с ревом хлынула вверх по ущелью, затопив его, и с грохотом катя валуны. Туору это показалось великим чудом. Так призыв морских птиц спас его от гибели во время прилива; а прилив в тот день был очень высоким: наступила весна, и с моря дул сильный ветер.

Туор устрасился ярости этих странных вод, оставил берег и повернул на юг – и потому не достиг протяженных берегов залива Дренгист. Несколько дней он блуждал по голому неприятному краю. Та земля была выметена морским ветром, и все, что там росло, травы и кусты, клонилось в сторону восхода, оттого что ветер все время дул с Запада. И так Туор вступил в пределы Невраста, где некогда жил Тургон; и наконец он внезапно (ибо береговые обрывы были выше склонов, что вели к ним) вышел к черной грани Средиземья и узрел Великое море, Белегаэр Безбрежный. То был час, когда солнце опускалось за край мира, пылая ярким огнем; Туор одиноко стоял над обрывом, раскинув руки, и сердце его переполнилось стремлением к Морю. Говорят, что Туор первым из людей достиг Великого моря, и что лишь эльдар глубже извели тоску, которую вселяет оно в душу.

Туор надолго остался в Неврасте. Ему там было хорошо, потому что этот край, лежавший у моря и укрытый горами с севера и с востока, был более теплым и приветливым, чем равнины Хитлума. Туор давно привык жить один в глуши и кормиться охотой, так что еды ему хватало; ибо в Неврасте всю хозяйничала весна, и воздух звенел птичьими голосами. Птицы во множестве жили и по берегам, и на болотах Линаэвена в низине; но голосов эльфов и людей в те дни не слышалось в этом пустынном краю.

Туор нашел большое озеро, но до воды добраться не смог: берега были болотистыми, поросшими непроходимыми чащами тростника; поэтому вскоре он ушел оттуда и вернулся

голоса навсегда поселились в нем, и каждый громкий крик в том краю пробуждал их, и вся пустошь между горами и морем полнилась словно бы воплями яростной муки». Но здесь, видимо, подразумевается, что любой звук сам по себе отдавался там многократным эхом; эта мысль, очевидно, присутствует также и в начале 13-й главы «Сильмариллиона», где в отрывке, очень похожем на этот, сказано, что «как только нолдор ступили на берег, их голоса загремели в горах многоголосым эхом, словно крики бесчисленного войска разнеслись по северным берегам». Похоже, согласно одному «преданию», Ламмот и Эред-Ломин (Зычные горы) назывались так потому, что хранили отзвуки ужасного вопля Моргота, опутанного сетью Унголиант, а согласно другому – просто потому, что там было очень гулкое эхо.

к Морю, ибо оно звало его, и ему не хотелось надолго оставаться там, где не слышно шума волн. И на побережье Туор впервые нашел следы нолдор, что некогда жили здесь. Ибо к югу от Дренгиста высокие скалистые берега были изрезаны множеством бухточек и укромных заливов с белыми песчаными пляжами у подножия черных блестящих скал, и Туор часто находил ведущие к ним извилистые лестницы, вырубленные в скале, а у берега виднелись сложенные из огромных каменных плит полуразрушенные пристани, к которым некогда причаливали эльфийские корабли. Много дней провел там Туор, любуясь изменчивым морем, а тем временем миновали весна и лето, и тьма сгущалась над Белериандом. Приближалась осень, роковая для Нарготронда.

Быть может, птицы почувствовали, что грядет жестокая зима⁷: те, что улетают на юг, рано начали сбиваться в стаи, а те, что жили дальше на север, уже вернулись в Невраст. И вот однажды, сидя на берегу, Туор услышал шум и свист могучих крыльев и, подняв голову, увидел в небе семь белых лебедей, клином летящих на юг. Но, пролетая над ним, они покружили и внезапно с плеском опустились на воду.

Надо сказать, что Туор любил лебедей – он часто видел их в серых заводях Митрима; и, к тому же, лебедь был гербом Аннаэля и народа, воспитавшего Туора. Поэтому он встал, приветствуя птиц, и окликнул их, дивясь их величине и царственной стати, какой не видел раньше ни у одного лебедя; но птицы захлопали крыльями и громко закричали, словно сердились на Туора и хотели прогнать его с берега. Потом с шумом взлетели и стали кружить у него над головой, обдавая его ветром от крыльев; они описали большой круг, поднялись высоко в небо и полетели на юг.

И воскликнул Туор:

– Это знак, что я задержался!

Он поспешно вскарабкался на обрыв и увидел, что лебеди все кружат в небе; но когда он пошел вслед за ними на юг, они полетели вперед.

Туор шел вдоль берега ровно семь дней, и каждое утро его будил на рассвете шум крыльев, а днем лебеди летели впереди него. Чем дальше, тем ниже становились берега, и на них росли цветы и густая трава, а на востоке появились леса, желтеющие на исходе года. Но впереди показалась горная гряда, преграждавшая путь; на западе она оканчивалась высоким пиком: мрачная башня, увенчанная тучами, вздымалась в небо над зеленым мысом, уходящим далеко в море.

Эти сумрачные горы были не чем иным, как западным отрогом Эред-Ветрина, ограждавшего Белерианд с севера, а пик назывался гора Тарас – то была самая западная из гор этого края, и ее вершина была первым, что увидел бы издалека мореход, подплывающий к смертным берегам. У ее подножия некогда жил Тургон в чертогах Виньямара, древнейшего из каменных дворцов, что возвели нолдор в землях изгнания. Эти чертоги и поныне стояли там, опустевшие, но прочные, возвышаясь на крутых уступах над морем. Годы не разрушили их, и прислужники Моргота обходили их стороной; но ветра, дожди и морозы точили их, и трещины стен и крыши густо поросли неприхотливыми серо-зелеными растениями, привыкшими к соленому морскому ветру и способными жить на голом камне.

Туор набрел на старую заброшенную дорогу и долго шел меж зеленых холмов и стоячих камней; на исходе дня он вышел к древним чертогам с высокими дворами, где гуляли ветра. Ни тени страха и зла не таилось в них, но Туора охватил благоговейный трепет, когда

⁷ Ср. «Сильмариллион» (гл. 21, стр. 235): «Турин же в спешке шел на север по пустынным ныне землям меж Нарогом и Тейглином, а навстречу ему спешила Жестокая зима, ибо снег в том году выпал прежде, чем кончилась осень, а весна была поздняя и холодная».

он подумал о тех, кто жил здесь когда-то, а теперь ушел неведомо куда: гордый народ, бессмертный, но обреченный, пришедший из дальних земель за Морем. И Туор обернулся назад и взгляделся, как часто вглядывались они, в даль мерцающих беспокойных вод. Потом он снова повернулся к дворцу и увидел, что лебеди опустились на верхний уступ, у западных дверей чертога; они захлопали крыльями, и Туору показалось, что птицы зовут его войти. Тогда Туор взошел наверх по широким лестницам, наполовину заросшим гвоздичником и дремой, прошел под могучей аркой и вступил под своды дома Тургона. И вот наконец он вошел в зал со множеством колонн. Большим виделся тот чертог снаружи, изнутри же он явился Туору огромным и величественным, и Туор исполнился такого благоговения, что боялся будить эхо в пустых стенах. Внутри он увидел только высокий трон на возвышении в восточном конце зала, и направился к нему, стараясь ступать как можно тише; но его шаги звенели, как поступь судьбы, и отдавались эхом в колоннадах.

Остановившись перед тронном, окутанным тенями, Туор увидел, что тот высечен из цельного камня и украшен непонятными письменами. И в этот миг заходящее солнце заглянуло в высокое окно под западным фронтоном, и луч света упал на стену прямо перед Туором и засверкал на полированном металле. Туор с изумлением увидел, что на стене над тронном висят щит, длинная кольчуга, шлем и длинный меч в ножнах. Кольчуга сияла, как нетускнеющее серебро, и солнечный луч осыпал ее золотыми искрами. А щит был необычный, Туор таких никогда не видел: вытянутый, клинообразный, с лебединым крылом на синем поле. Тогда заговорил Туор, и голос его прозвенел под сводами, точно вызов:

– Во имя этого знака я беру это оружие себе и принимаю на себя судьбу, которая таится в нем!⁸

И Туор взял щит, и тот оказался удивительно легким и удобным: он, видимо, был сделан из дерева, но искусные эльфийские кузнецы обили его металлическими накладками, тонкими, как фольга, но прочными, и это защитило его от дровоточцев и от сырости.

Тогда Туор облачился в кольчугу, и надел на голову шлем, и опоясался мечом; черны были ножны того меча, и пояс был черным, с серебряными пряжками. Вооружившись, вышел он из Тургонова чертога и встал на высоком уступе Тараса в алых лучах солнца. Никто не видел, как он стоял, обратясь на Запад, сверкая серебром и золотом доспехов; и не знал Туор, что в тот час он казался подобен одному из могучих Владык Запада. Воистину, достоин он был стать отцом королей Королей Людей из-за Моря, что и было суждено ему⁹; ибо когда Туор сын Хуора надел эти доспехи, в нем произошла перемена, и сердце его исполнилось величия. И вот, когда он вышел из дверей чертога, лебеди поклонились ему и, вырвав по перу из своих крыльев, протянули их ему, склонившись к его стопам; и он взял семь перьев и воткнул их в верх шлема, лебеди же поднялись в небо и улетели на север, озаренные закатом, и Туор не видел их более.

Теперь Туора потянуло на берег, и он спустился по длинным лестницам к широкому пляжу, окаймлявшему с севера мыс Тарас. По дороге он увидел, что солнце садится в огромную черную тучу, поднимающуюся над потемневшим морем. Похолодало; море волновалось и рокотало, словно в преддверии бури. И Туор стоял на берегу; и из-за грозной тучи солнце пылало, как дымный костер. И показалось Туору, что вдали из моря восстала огромная волна

⁸ В «Сильмариллионе» сказано, что когда Ульмо явился Тургону в Виньямаре и повелел ему отправиться в Гондолин, он сказал так (гл. 15, стр. 124–125): «Может случиться так, что проклятие нолдор отыщет и тебя тоже, и измена пробудится в стенах твоих. Тогда им будет грозить огонь. Но если опасность эта станет воистину близка, придет из Невраста некто и предупредит тебя, и через него, превыше гибели и пламени, родится надежда эльфов и людей. Посему оставь в этом доме меч и доспехи, дабы в грядущие дни он мог найти их; по ним ты узнаешь его и не обманешься». И Ульмо объяснил Тургону, какими должны быть оставляемые доспехи.

⁹ Туор был отцом Эарендила, отца Эльроса Тар-Миньятура, первого короля Нуменора.

и медленно покати́лась к земле; но он остался на месте, застыв от изумления. А волна все приближалась, окутанная туманным сумраком. Неподалеку от берега ее гребень изогнулся, рухнул вниз и хлынул на песок длинными пенными рукавами; но в том месте, где рассыпалась волна, на фоне надвигающихся туч темнела огромная, величественная фигура.

Туор благоговейно склонился пред ней, ибо ему почудилось, что он зрит могучего царя. Высокая, словно бы серебряная корона венчала его, а из-под нее струились длинные кудри, мерцающие во мраке, как пена морская; шествуя к берегу, он откинул свой серый плащ, который окутывал его подобно туману, и се! под плащом оказалась сияющая кольчуга, облегающая его тело, точно чешуя могучей рыбы, и темно-зеленый кафтан, блиставший и переливавшийся морскими огнями. Так Живущий в глубинах, которого нолдор зовут Ульмо, Владыка Вод, явился Туору сыну Хуора из рода Хадора пред чертогами Виньямара.

Он не вышел на берег, но остановился по колено в темной воде и заговорил с Туором; но свет его очей и глубокий голос, исходивший, казалось, из самого основания мира, поразили Туора страхом, и он повергся ниц.

– Восстань, Туор сын Хуора! – рек Ульмо. – Не страшись моего гнева, хотя долго взывал я к тебе, а ты не слышал меня; и, выйдя наконец в путь, замешкался в дороге. Весной должен был ты стоять здесь; ныне же жестокая зима грядет сюда из страны Врага. Ты должен научиться спешить; и путь твой не будет легким и приятным, как было задумано мною. Ибо советы мои отвергнуты¹⁰, и великое зло пробирается в долину Сириона, и вражеское войско встало меж тобой и твоей целью.

– Куда же идти мне, владыка? – спросил Туор.

– Туда, куда давно стремилось твое сердце, – ответил Ульмо. – Ты должен найти Тургона и узреть сокрытый град. Ибо в доспехи эти ты облачился затем, чтобы быть моим посланцем. Давным-давно оставили их здесь по моему велению. Но ныне придется тебе идти сквозь мрак и опасности. А потому надень плащ сей, и не снимай его, пока не достигнешь цели.

И почудилось Туору, что Ульмо разорвал свою серую мантию и бросил ему лоскут – и тот был так велик, что окутал Туора с головы до ног, словно огромный плащ.

– В нем ты пойдешь, и тень моя укроет тебя, – сказал Ульмо. – Но не медли более: в землях, озаряемых Анар и сжигаемых пламенем Мелькора, она скоро рассеется. Согласен ли ты исполнить мое поручение?

– Согласен, владыка, – ответил Туор.

– Тогда я вложу в твои уста слова, что ты должен произнести перед Тургоном, – сказал Ульмо. – Но прежде я научу тебя, и многое услышишь ты, что неведомо ни людям, ни даже могущественнейшим из эльдар.

И Ульмо поведал Туору о Валиноре, и о его затмении, и об изгнании нолдор, и о Приговоре Мандоса, и о сокрытии Благословенного края.

– Но знай, – рек он, – что в доспехах Судьбы (как зовут ее Дети Земли) всегда найдется щель, и в стене Рока найдется брешь – так есть и будет до исполнения всех начал, которое вы зовете Концом. Так будет, доколе есмь аз, тайный глас, спорящий с Судьбой, свет, сияющий во тьме. И хотя кажется, что в эти черные дни я противлюсь воле моих собратий, Западных Владык, таков мой удел среди них, и это было предназначено мне еще до сотворения Мира. Но силен Рок, и тень Врага растет, я же умаляюсь, и ныне в Средиземье я стал всего лишь тайным шепотом. Воды, текущие на запад, иссыхают, и источники их отравлены, и сила моя уходит из этого края; ибо эльфы и люди не видят и не слышат меня, – столь велико могущество Мелькора. И ныне близится исполнение Проклятия Мандоса, и все творения нолдор погибнут, и все надежды их обратятся во прах. Ныне осталась одна, последняя надежда, которой они не ждали и не ведали. И надежда эта таится в тебе; ибо ты избран мною.

¹⁰ Видимо, речь идет о предупреждении Ульмо, принесенном в Нарготронд Гельмиром и Арминасом; см. ниже.

– Значит, Тургон не выстоит против Моргота, вопреки надеждам эльдар? – спросил Туор. – И что мне делать, владыка, если я доберусь до Тургона? Воистину, мечтал я повторить дела моего отца и быть рядом с этим владыкой в час беды, но что могу сделать я, простой смертный, среди стольких доблестных воинов Высшего народа Запада?

– Если я решил послать тебя, Туор сын Хуора, знай, что твой единственный меч стоит того. Ибо в грядущих веках вечно будут эльфы помнить доблесть эдайн, дивясь тому, как легко отдавали они жизнь, коей им было отпущено так мало. Но я посылаю тебя не одной твоей доблести ради, но дабы породить на свет надежду, тебе незримую, и светоч, что пронзит тьму. Пока Ульмо говорил, ропот ветра обратился в гул, и небо почернело; и плащ Владыки Вод развевался на ветру, подобно туче.

– Теперь уходи, – молвил Ульмо, – дабы Море не поглотило тебя. Ибо Оссе покорен воле Мандоса, а тот разгневан, ибо он – слуга Приговора.

– Как повелишь, – сказал Туор. – Но если я избегну Приговора, что мне сказать Тургону?

– Если ты достигнешь его, – ответил Ульмо, – слова сами придут к тебе, и уста твои скажут то, что угодно мне. Говори не страшись! А потом делай то, что подскажут тебе сердце и твоя доблесть. Береги мой плащ, он сохранит тебя. И я пошлю тебе спасенного мною от гнева Оссе, и он поведет тебя – последний мореход с последнего корабля, что отправится на Запад до восхода Звезды. А теперь возвращайся на берег!

Раздался удар грома, и над морем сверкнула молния; и Туор узрел Ульмо, возвышающегося над волнами подобно серебряной башне, полыхающей отблесками света; и он прокричал навстречу ветру:

– Иду, владыка! Но все же сердце мое стремится к Морю.

И тогда Ульмо воздел огромный рог, и над морем разнесся протяжный звук – рев бури рядом с ним был не громче шепота ветерка над озером. И звук этот достиг ушей Туора, и охватил его, и переполнил его, и Туору показалось, что берега Средиземья растаяли, и в великом видении открылись ему все воды мира: от земных жил до речных устьев, от берегов и заливов до морских глубин. Узрел он Великое море в его вечном непокое, кишашее странными созданиями; узрел его все, вплоть до бессветных глубин, в которых среди вечной тьмы раздаются голоса, ужасные для ушей смертных. Быстрым взором валар обозрел он его бесконечные равнины, недвижно раскинувшиеся под ясным оком Анар, или блещущие под двурогим Месяцем, или встающие гневными валами, что разбиваются о берега Тенистых островов¹¹; и наконец, вдали, за бессчетные лиги от смертных берегов, едва видимо взгляду, явилась ему гора, вздымающаяся на немыслимую высоту, одетая сияющим облаком, и у подножия горы – сверкающая полоса прибоя. Но когда Туор напряг слух, чтобы расслышать шум тех далеких волн, и зрение, чтобы разглядеть это далекое сияние, – звук оборвался, и вокруг снова был лишь рев бури, и ветвистая молния расколола небо у него над головой. Ульмо исчез, и море ярилось – бешеные валы Оссе неслись на стены Невраста.

Туор бежал от ярости моря. С трудом поднялся он обратно на уступы: ветер прижимал его к откосу, а когда он взобрался наверх, согнул в три погибели. Поэтому Туор укрылся от непогоды в темном и пустом зале и провел ночь на каменном троне Тургона. Самые колонны сотрясались под ударами бури, и Туору мерещилось, что ветер доносит стоны и дикие вопли. Но он устал, и время от времени засыпал – и тогда его тревожили сны; но запомнился ему лишь один: Туор видел остров, и крутую гору посреди него, и солнце, садящееся за гору, и меркнувшее небо; а над горой сияла одинокая ослепительная звезда.

После этого видения Туор заснул крепко, потому что гроза кончилась еще до рассвета и ветер угнал черные тучи на восток. Наконец Туор пробудился в серых предутренних сумер-

¹¹ Тенистые острова – это, скорее всего, Зачарованные острова, о которых говорится в конце 11-й главы «Сильмариллиона». Они были «раскинуты сетью по Тенистым морям от севера до юга» во время Сокрытия Валинора.

ках, встал и оставил высокий трон. Проходя по полутемному чертогу, он увидел, что тот полон морских птиц, загнанных в него бурей. Он вышел, когда на западе в лучах наступающего дня угасали последние звезды. И увидел он, что ночью волны вздымались вровень с верхними уступами: водоросли и гальку нанесло к самым дверям. Туор спустился на последний уступ, взглянул вниз и увидел эльфа, закутанного в мокрый серый плащ. Эльф сидел, прислонившись к стене, среди камней и водорослей, выброшенных морем, и молча смотрел вдаль, за длинные гребни волн, разбивающихся о берега, истерзанные штормом. Все было тихо, лишь снизу доносился шум прибоя.

Глядя на безмолвную серую фигурку, Туор вспомнил слова Ульмо, и неизвестное прежде имя пришло к нему, и он окликнул незнакомца:

– Привет тебе, Воронве! Я жду тебя¹².

Эльф обернулся. Туор встретил пронзительный взгляд его глаз, серых как море, и понял, что этот эльф из благородного племени нолдор. Но когда эльф увидел Туора, что стоял на высоком утесе в сером плаще, подобном тени, и в сияющем из-под плаща эльфийском доспехе, в глазах его появились страх и изумление.

Несколько мгновений они молча глядели друг другу в лицо, а потом эльф встал и поклонился Туору в ноги.

– Кто ты, государь? – спросил он. – Долго боролся я с безжалостным морем. Скажи мне, не случилось ли чего-нибудь важного с тех пор, как я оставил землю? Быть может, Тень повержена? Быть может, Сокрытый народ вышел наружу?

– Нет, – ответил Туор. – Тень растет, и Сокрытое остается сокрытым. Эльф надолго умолк.

– Тогда кто же ты? – спросил он наконец. – Давно оставил мой народ эти земли, и с тех пор никто не жил здесь. Сперва, по твоему одеянию, я принял тебя за одного из них, но теперь я вижу, что ты из рода людей.

– Это так, – ответил Туор. – А ты – последний мореход с последнего корабля, отплывшего на Запад из Гаваней Кирдана?

– Это так, – ответил эльф. – Я Воронве сын Аранве. Но откуда известны тебе мое имя и моя судьба?

– Они известны мне, ибо вчера на закате я беседовал с Владыкой Вод, – отвечал Туор, – и он сказал, что спасет тебя от гнева Оссе и пошлет мне в проводники.

Тогда в страхе и изумлении вскричал Воронве:

– Ты беседовал с Ульмо Могучим? Воистину, велика твоя доблесть, и судьба твоя высока! Но куда же вести мне тебя, государь? Ведь ты, должно быть, король среди людей, и многие повинуются твоему слову.

– Нет, я беглый раб, – сказал Туор. – Я одинокий изгой в пустынном краю. Но мне дано поручение к Тургону Сокрытому королю. Известна ли тебе дорога к нему?

– Многие, что не были рождены рабами и изгоями, стали ими в эти злые времена, – ответил Воронве. – Мне кажется, что ты – из законных людских владык. Но будь ты даже первым среди людей, ты не вправе видеть Тургона, и поиски твои будут напрасны. Даже если я отведу тебя к его вратам, войти ты не сможешь.

– Я не прошу вести меня дальше врат, – возразил Туор. – Тогда Рок вступит в борьбу с советами Ульмо. И если Тургон не примет меня, путь мой завершится, и Рок возьмет верх. Но что до моего права видеть Тургона: я не кто иной, как Туор, сын Хуора и родич Хурина, чьих

¹² Ср. «Сильмариллион» (гл. 20, стр. 212): «По просьбе Тургона [после Нирнаэт Арноэдиад] выстроил Кирдан семь быстрых кораблей, и они отплыли на запад; но не пришли вести на Балар ни об одном из них, кроме последнего. Корабль этот долго скитался в море; когда же моряки, впав в отчаянье, решили, наконец, вернуться, то погибли в ужасной буре у самых берегов Средиземья. Но одного морехода Ульмо спас от гнева Оссе, и волны выбросили его на берег в Неврасте. Звался он Воронве, и был одним из тех, кого Тургон отправил гонцами из Гондолина». Ср. также «Сильмариллион», гл. 23, стр. 264.

имен Тургон не забудет. И я ищу его по велению Ульмо. Разве забыл Тургон реченное древле: «Помни, последняя надежда нолдор грядет с Моря»? Или еще: «Когда опасность будет близка, явится некто из Невраста и предупредит тебя»?¹³ Я – тот, кому должно прийти, и я облачился в доспехи, мне приготовленные.

Туор сам дивился, говоря это, ибо слова, что сказал Ульмо Тургону, когда тот покидал Невраст, не были прежде ведомы ни ему, и никому, кроме Сокрытого народа. Тем сильнее изумлен был Воронве; он обернулся, взглянул в даль моря и вздохнул.

– Увы! – сказал он. – Мне так не хочется возвращаться! Средь морских пучин часто давал я обет, что, если только суждено мне будет снова ступить на землю, я поселюсь вдали от Северной Тени – у Гаваней Кирдана или, быть может, в дивных лугах Нан-татрена, где весна так прекрасна, что и во сне не привидится. Но раз за то время, пока я скитался, зло набрало силу, и смертельная опасность угрожает моему народу, я должен вернуться к нему.

Он снова обернулся к Туору.

– Я отведу тебя к тайным вратам, – сказал он, – ибо мудрый не станет пренебрегать советами Ульмо.

– Тогда пойдем вместе, как нам велено, – сказал Туор. – Но не печалься, Воронве! Сердце подсказывает мне, что путь твой долог, и уведет тебя далеко от Тени; и твоя надежда вновь приведет тебя к Моря¹⁴.

– И тебя, – ответил Воронве. – Но теперь мы должны оставить его: нам надо спешить.

– Да, конечно, – сказал Туор. – Но куда ты поведешь меня, и долго ли нам идти? Не следует ли нам сперва подумать, как мы будем добывать пропитание в глуши или, если путь будет долог, как мы переживем зиму, не имея укрытия?

Но Воронве не хотел говорить ничего определенного насчет дороги.

– На что способны люди, тебе лучше знать, – сказал он. – А я из нолдор. Долгий нужен голод, жестокий нужен мороз, чтобы убить потомка тех, кто перешел Взыбленный лед! Чем, ты думаешь, питались мы в соленой пустыне моря все эти бесчисленные дни? Разве не слышал ты об эльфийских дорожных хлебцах? У меня еще осталось то, что хранит до последнего всякий мореход.

Он распахнул плащ и показал Туору запечатанную сумку на поясе.

– Ни время, ни морская вода не испортят их, пока они запечатаны. Но это мы побережем на крайний случай; уж наверно, изгой и охотник сумеет добыть еду, пока не наступила зима.

– Быть может, – ответил Туор. – Но охотиться не всегда безопасно, и дичь не везде водится в изобилии. И к тому же те, кто охотится, медлят в пути.

И вот Туор с Воронве собрались в дорогу. Туор кроме Тургоновых доспехов и оружия взял с собой только свой короткий лук со стрелами, а свое копьё, на котором северными эльфийскими рунами было написано его имя, Туор повесил на стену в знак того, что он побывал здесь. У Воронве из оружия был только короткий меч.

Еще до рассвета оставили они древний чертог Тургона, и Воронве повел Туора на запад, в обход крутых склонов горы Тарас, через большой мыс. Некогда там проходила дорога из Невраста в Бритомбар, но теперь это была всего лишь заросшая тропа, идущая по зеленой насыпи. Она привела их в Белерианд, в северную часть Фаласа; потом они свернули на восток, к темным лесам на склонах Эред-Ветрина, и там укрылись и отдыхали до темноты. Ибо хотя

¹³ Эти слова, сказанные Ульмо Тургону, звучат в 15-й главе «Сильмариллиона» так: «Но помни, что истинная надежда нолдор лежит на Западе и грядет с Моря» и «Но если опасность эта станет воистину близка, придет из Невраста некто и предупредит тебя».

¹⁴ О дальнейшей судьбе Воронве после того, как он вернулся в Гондолин с Туором, в «Сильмариллионе» ничего не говорится, но в первоначальной истории («О Туоре и изгнанниках Гондолина») он был среди тех, кому удалось спастись во время разорения города; и из слов Туора можно предположить то же самое.

древние поселения фалатрим, Бритомбар и Эгларест, были далеко, орки попадались и в этих местах, и по всей стране бродили соглядатаи Моргота – он боялся кораблей Кирдана, что время от времени высаживали здесь отряды, соединявшиеся с войсками, которые выходили из Нарготронда.

Туор и Воронве, закутавшись в плащи, притаились на склоне горы и тихо беседовали. Туор расспрашивал Воронве о Тургоне, но Воронве избегал говорить об этом, а рассказывал больше о поселениях на острове Балар и в Лисгарде, краю тростников в Устьях Сириона.

– Туда собирается все больше эльдар, – говорил он, – потому что все, кто устал от войны и от соседства с Морготом, ищут там убежища. Но я покинул свой народ не по собственной воле. Ибо после Браголлах и прорыва Осады Ангбанда Тургон начал опасаться, что Моргот может оказаться слишком силен. И тогда Тургон впервые выслал наружу своих воинов – немногих, с тайным поручением. Они спустились вдоль Сириона к Устьям и там построили корабли. Но их хватило только на то, чтобы доплыть до большого острова Балар – кораблей, способных подолгу выдерживать удары волн Белегаэра Великого, нолдор строить не умеют¹⁵. На острове, недостижимом для Моргота, они zaloжили поселения.

Но позднее, когда Тургон узнал о разорении Фаласа и гибели древних Гаваней Корабелов, что лежат вон там, впереди, и стало известно, что Кирдан с остатками своего народа уплыл на юг в бухту Балар, Тургон отправил новых посланцев. Немного лет прошло с тех пор, но мне эти годы кажутся самыми долгими в моей жизни. Ибо я был одним из тех гонцов. Я был еще юн по счету эльдар – я родился в Средиземье, здесь, в Неврасте. Моя мать из Серых эльфов Фаласа, она в родстве с самим Кирданом – в первые годы владычества Тургона в Неврасте было большое смешение племен, – и от народа матери мне досталась душа морехода. Потому меня и отправили в числе прочих. Ибо нам было велено разыскать Кирдана и просить его, чтобы он помог нам построить корабли: Тургон надеялся, что его послания и мольбы о помощи достигнут Западных Владык прежде, чем все погибнет. Но я задержался в пути. Мало земель видел я до тех пор – а мы пришли в Нан-татрен весной. Очарование того края неизъяснимо, Туор, – ты поймешь это, если тебе самому когда-нибудь придется идти на юг вдоль Сириона. Он исцелит от тоски по морю любого, кроме тех, кого влечет сама Судьба. Улмо там – лишь слуга Йаванны, и красота той земли даже не снилась жителям суровых северных гор. В тех краях Сирион вбирает в себя Нарог, и не спешит более, но струится тихо и раздольно по пышным лугам, а по берегам реки, искрящейся на солнце, высится стройный лес цветущих ирисов. В траве рассыпаны цветы – как самоцветы, как прозрачные колокольчики, как алые и золотые огоньки, как мириады многоцветных звезд на зеленом небосводе. Но прекраснее всего ивы Нан-татрена. Их бледно-зеленые кроны серебрятся на ветру, а в шелесте бесчисленных листьев звучит чарующая музыка: дни и ночи напролет стоял я по колено в траве, и слушал, и не мог наслушаться. И чары той земли пали на меня, и забыл я Море в сердце своем. Я бродил по лугам, давая имена незнакомым цветам, или лежал и дремал под пение птиц и гудение пчел. Жил бы я там и поныне, забыв о моих сородичах – и о мечях нолдор, и о кораблях телери, – но судьба моя решила иначе. Или, быть может, сам Владыка Вод – велика его власть в том краю.

¹⁵ Ср. «Сильмариллион» (гл. 18, стр. 166): «[Тургон] считал, что конец Осады означает начало гибели нолдор, – если только им не придут на помощь; и вот он тайно отправил отряды гондолиндрим к Устьям Сириона и на остров Балар. Там они строили корабли и по приказанию Тургона отплывали на Заокрайный Запад, чтобы отыскать Валинор и молить у валаар прощения и помощи; и заклинали морских птиц указать им дорогу. Но моря сделались бескрайни и пустыни, чародейские тени сомкнулись над ними, и Валинор сокрылся. Потому никто из посланцев Тургона не достиг Запада, многие сгинули и немногие вернулись». В одном из текстов, принадлежащих к «корпусу» «Сильмариллиона», сказано, что нолдор «не владели искусством кораблестроения, и все корабли, которые они строили, разбивались, либо же ветра пригоняли их обратно», но после Дагор Браголлах «Тургон основал постоянное убежище на острове Балар», и когда Кирдан с остатками своего народа бежал после Нирнаэт Арноэдиад из Бритомбара и Эглареста на Балар, «они присоединились к поселенцам из Гондолина». Но эта деталь была отвергнута, и в опубликованном тексте «Сильмариллиона» упоминаний о поселении гондолинских эльфов на Баларе нет.

И вот однажды пришло мне на ум построить плот из ивовых сучьев, чтобы плавать по светлому лону Сириона. И я сделал этот плот, и так решилась моя судьба. Ибо случилось как-то раз, что я выплыл на середину реки, и вдруг налетел шквал. Он подхватил плот и унес меня из Края Ив вниз по реке, к Морю. И так, последним из посланцев, прибыл я к Кирдану. Из семи кораблей, что строил он для Тургона, шесть были уже готовы. Один за другим уплывали они на Запад, и ни один до сих пор не вернулся, и никаких вестей о них не слышно.

Но соленый морской ветер вновь пробудил во мне дух народа моей матери, и радовался я волнам и постигал науку мореплавания так легко, словно знал ее всю жизнь. И когда последний – самый большой из всех – корабль был закончен, я рвался в море и думал так: «Если правду говорят нолдор, на Западе есть луга, с которыми не сравниться и Краю Ив. В Западных землях нет увядания, и Весна бесконечна. Вдруг и мне, Воронве, посчастливится достичь тех земель? Как бы то ни было, лучше блуждать в морских просторах, чем во Тьме с Севера». Гибели я не боялся – ведь корабли телери не тонут.

Но Великое море ужасно, о Туор сын Хуора; и оно ненавидит нолдор, ибо повинуется Приговору валар. В нем таятся опасности пострашнее гибели в бездне: тоска, одиночество и безумие; ужасные бури – и безмолвие; и мрак, где гибнет всякая надежда, где нет ничего живого. Много берегов, диких и неприютных, омывает оно; много в нем островов, полных страхов и опасностей. Не стану омрачать твою душу, о сын Средиземья, повестью о семи годах скитаний – семь долгих лет носило меня по Великому морю, от крайнего Севера до крайнего Юга; но Запада мы не достигли, ибо Запад закрыт для нас.

Наконец нас охватило черное отчаяние. Мы устали от всего мира и повернули к дому, решив бежать от судьбы, что так долго щадила нас – лишь затем, чтобы больнее поразить потом. Мы уже завидели гору, и я радостно вскричал: «Смотрите, Тарас! Моя родина!» Но в этот миг пробудился ветер и примчал с Запада тучи, отягченные бурей. Волны гнались за нами, как живые твари, исполненные злобы, и молнии хлестали корабль; он превратился в беспомощную скорлупку, и море яростно набросилось на нас. Но меня, как видишь, пощадило: почудилось мне, что волна, мощнее, но спокойнее остальных, подняла меня с корабля, и высоко вознесла на гребне своем, и, накатив на берег, выбросила на утес и отхлынула, обрушившись в море огромным водопадом. До твоего прихода я провел там не больше часа, и у меня все еще кружилась голова, когда я услышал твой голос. У меня и поныне стынет кровь при мысли о море. Оно поглотило всех моих друзей – а мы столько лет вместе скитались вдали от смертных земель...

Воронве вздохнул и тихо продолжал, словно говоря сам с собой:

– Но как же сияли нам звезды там, на краю мира, когда ветер ненадолго отдергивал завесу облаков на западе! И вдали виделись нам белые тени – но были ли то дальние облака, или и впрямь довелось нам узреть вершины Пелори над утерянными берегами дома эльдар, как думали иные из нас, я не знаю. Далеко они, очень далеко, и кажется мне, что никому из смертных земель не суждено более достичь их.

Тут Воронве умолк. Наступила ночь, и звезды сияли холодным блеском.

Вскоре Туор с Воронве снова встали и отправились в путь, оставив море позади. О начале их путешествия рассказать почти нечего, ибо шли они по ночам, от заката до восхода, и тень Ульмо скрывала их, так что никто не мог увидеть их среди лесов, лугов, болот и скал. Шли они осторожно, опасаясь видящих в ночи соглядатаев Моргота и чуждаясь хоженных путей. Воронве вел, а Туор следовал за ним. Он не задавал лишних вопросов, но примечал, что идут они прямо на восток вдоль подножий гор, и на юг не сворачивают. Туор дивился этому, ибо, как и большинство эльфов и людей, думал, что Тургон живет где-то вдали от северных войн.

Медленным был их путь в сумерках и по ночам, в бездорожной глуши, а из владений Моргота нагрязнула жестокая зима. С севера задули пронзительные ледяные ветра, от которых

не защищали даже горы, и скоро снег засыпал вершины, замел перевалы и завалил леса Нуат еще до того, как облетела листва с деревьев¹⁶. Они тронулись в путь в первой половине нарквелие, но еще до того, как они достигли Истоков Нарога, наступил хисиме с жестокими морозами.

Брезжил тусклый рассвет, когда путники после тяжелого ночного перехода наконец увидели перед собой долину, откуда выбегал Нарог – и Воронве застыл, пораженный горем и ужасом, не веря своим глазам: там, где некогда в огромной каменной чаше, выточенной струями вод, блистало меж крутых лесистых берегов прекрасное озеро Иврин, ныне все было испоганено и разорено: деревья повалены и сожжены, каменные берега разбиты, воды озера растеклись и стояли безжизненным болотом. На месте Иврина теперь была лишь грязная замерзшая лужа, и над землей, точно липкий туман, висел смрад разложения.

– О горе! – вскричал Воронве. – Неужели и сюда пробралось зло? Непременно это место было недосыгаемо для Ангбанда – но лапы Моргота тянутся все дальше.

– Это то, о чем говорил Ульмо, – сказал Туор. – «Источники отравлены, и сила моя уходит из вод этого края».

– Здесь побывала какая-то тварь пострашнее орков, – заметил Воронве. – Страх тяготеет над этим местом.

Он вгляделся в землю у края лужи и воскликнул:

– Да, великое зло!

Он подозвал к себе Туора и указал на следы: глубокую борозду, уходящую на юг, и по краям ее, местами расплывшиеся, местами скованные морозом, отпечатки огромных когтистых лап.

– Видишь? – лицо эльфа побледнело от страха и отвращения. – Здесь недавно побывал Большой Змей Ангбанда, самая ужасная из всех тварей Врага! Мы уже опоздали с нашим посланием к Тургону. Надо спешить.

Едва он произнес это, как в лесу послышались чьи-то крики, и спутники застыли, точно серые камни, прислушиваясь. Но в голосе не было зла, только горе звенело в нем, – казалось, он повторял одно и то же имя, словно звал заблудившегося друга. Вскоре меж деревьев появился высокий человек в доспехе и черных одеждах, с длинным обнаженным мечом в руке; и меч тот показался им большим дивом, ибо он тоже был черным – лишь края клинка сияли холодным блеском. Лицо того человека было искажено отчаянием, и, увидев разоренный Иврин, он горестно вскричал:

– Иврин, Фаэливрин! Гвиндор и Белег! Непременно исцелили меня эти воды – но отныне не вкусить мне покоя.

И поспешно зашагал на север, словно очень спешил или гнался за кем-то. Долго еще слышали два товарища, как он взывал: «Фаэливрин, Финдуилас!», – пока его голос не затих вдали¹⁷. Они не знали, что Нарготронд пал, и что человек этот – Турин сын Хурина, Черный Меч. Так, всего один раз, и то лишь на миг, сошлись пути двух родичей, Турина и Туора.

Когда Черный Меч скрылся в лесу, Туор с Воронве пошли дальше, хотя день уже наступил: горе незнакомца омрачило их души, и они не могли оставаться рядом с оскверненным Иврином. Но вскоре они все же отыскиали себе укрытие – опасность теперь чувствовалась повсюду. Сон их был кратким и беспокойным. К полудню сгустились тучи и повалил снег, а к ночи ударил трескучий мороз. Снег и лед больше не таяли, и на целых пять месяцев Север сковала Жестокая зима, которую потом долго вспоминали. Теперь Туор с Воронве страдали

¹⁶ Леса Нуат не упоминаются в «Сильмариллионе» и не обозначены на карте к нему. Они тянулись к западу от верховий Нарога до истоков реки Неннинг.

¹⁷ Ср. «Сильмариллион» (гл. 21, стр. 229): «Финдуилас, дочь короля Ородрета, узнала [Гвиндора] и приветствовала его, ибо любила его еще до Нирнаэт; Гвиндор же так пленен был ее красотой, что называл ее Фаэливрин, „солнечный блик на водах Иврина“».

от холода, и все время боялись быть найденными по следам или провалиться в какую-нибудь ловушку, скрытую под снегом. Они шли еще девять дней, все медленнее и медленнее, потому что идти становилось все трудней. Воронве немного забрал к северу. Они перешли три истока Тейглина и снова повернули прямо на восток, оставив горы позади. Скрываясь, перешли они Глитуи, и вышли к Малдуину, и увидели, что он покрыт черным льдом¹⁸.

И Туор сказал Воронве:

– Страшен этот мороз; не знаю, как ты, а я близок к смерти.

Положение их было ужасным: им давно не попадалось ничего съестного, а дорожные хлебцы были на исходе; и оба они промерзли и устали.

– Горе тому, кого преследует и Приговор валар, и злоба Врага, – промолвил Воронве. – Неужели я избежал пасти моря лишь затем, чтобы замерзнуть в снегу?

– Далеко еще? – спросил Туор. – Довольно таиться, Воронве, – скажи, прямо ли ты ведешь меня, и куда мы идем? Если я должен истратить последние силы, мне нужно знать, не напрасно ли я мучаюсь.

– Я вел тебя настолько прямо, насколько позволяла безопасность, – ответил Воронве. – Знай, что Тургон живет на севере земель эльдар, хотя немногие верят в это. Мы уже близки к цели. Но впереди еще много лиг, даже по прямой, а нам еще надо перебраться через Сирион, и перед ним нас может подстерегать большая опасность. Мы скоро выйдем к дороге, что некогда соединяла Минас короля Финрода и Нарготронд¹⁹. Слуги Врага ходят по ней и стерегут ее.

– Я считал себя выносливейшим из людей, – сказал Туор, – и не одну зиму провел я в горах; но тогда у меня были пещера и костер, а в такой мороз, да еще голодным, мне, боюсь, далеко не уйти. Но все же надо идти, пока есть надежда.

– У нас нет другого выбора, – сказал Воронве, – разве что лечь в снег и уснуть вечным сном.

И они весь день тащились вперед, уже не прячась – мороз был страшнее врагов. Но постепенно снега становилось все меньше, потому что они снова шли на юг по долине Сириона, и горы Дор-ломина остались далеко позади. Уже в сумерках они вышли на высокий лесистый склон, у подножия которого проходила Большая дорога. Внезапно они услышали голоса и, осторожно выглянув из-за деревьев, увидели внизу огонь. Посреди дороги, сгрудившись у большого костра, сидел отряд орков.

– Гурт ан Гламхот! – проворчал Туор²⁰. – Вот теперь я сброшу плащ и возьмусь за меч. Я готов рискнуть жизнью ради того, чтобы погреться у костра, и даже орочи припасы будут хорошей добычей.

– Нет! – отрезал Воронве. – В этом походе тебе поможет только плащ. Выбирай – либо костер, либо Тургон. Этот отряд здесь не один: у вас, смертных, очень плохие глаза, раз ты не видишь других костров на севере и на юге. Ты поднимешь шум, и сюда нагрянет целое войско. Слушай меня, Туор! Закон Сокрытого королевства запрещает приводить за собой к вратам погоню, и этот закон я не нарушу ни по велению Ульмо, ни ради спасения жизни. Если ты поднимешь этих орков, я брошу тебя.

– Тогда ну их, – сказал Туор. – Но хотел бы я дожить до того дня, когда мне не придется красться мимо кучки орков, поджав хвост.

¹⁸ Река Глитуи не упоминается в «Сильмариллионе», но на карте обозначена, хотя и не названа: это был приток Тейглина, впадавший в него немного севернее слияния с Малдуином.

¹⁹ Эта дорога упоминается в «Сильмариллионе» (гл. 21, стр. 223): «Древняя дорога, ... что вела через длинную Теснину Сириона, мимо острова, где встарь стоял Минас-Тирит Финрода, а затем через земли между Малдуином и Сирионом, и по краю Бретиля к Переправе Тейглина».

²⁰ «Смерть Гламхот!» Хотя слово «Гламхот» не встречается ни в «Сильмариллионе», ни в ВК, оно было собирательным названием орков в синдарине. Оно означает «шумная орда», «буйное войско»; ср. название меча Гэндальфа «Гламдринг» и «Тол-ин-Гаурхот», «Остров (войска) оборотней».

– Тогда идем! – сказал Воронве. – Хватит спорить, а то они нас учуют. Пошли!

Они стали пробираться меж деревьев на юг, держась подветренной стороны, пока не оказались посередине между двух орочьих костров. Там Воронве остановился и застыл, прислушиваясь.

– На дороге никого не слышно, – сказал он, – но неизвестно, что может таиться здесь в темноте.

Он всмотрелся во тьму и зябко передернул плечами.

– Воздух пропитан злом, – прошептал он. – Увы! Вон там лежит цель нашего пути и надежда на жизнь, но дорогу преграждает смерть.

– Смерть повсюду, – ответил Туор. – Но у меня остались силы только на кратчайший путь. Либо я пройду здесь, либо погибну. Я доверюсь плащу Ульмо – его хватит на двоих. Теперь поведу я!

Сказав так, он подкрался к обочине дороги, и Воронве за ним. Туор крепко обнял Воронве, закутал его и себя серым плащом Владыки Вод и шагнул вперед.

Стояла тишина. Над древней дорогой свистел холодный ветер. Внезапно стих и он. В тишине Туору показалось, что ветер переменялся, словно дыхание края Моргота отступило, и с Запада прилетел ветерок, слабый, как память о Море. Словно клочок серого тумана на ветру, перелетели они мошениую дорогу и нырнули в кусты на восточной обочине.

Тотчас же поблизости раздался дикий вопль, и вдоль дороги ему отозвались другие. Хрипло взвыл рог, и послышался топот. Но Туора это не остановило. В плену он достаточно хорошо выучил язык орков, чтобы понимать, что они кричат: часовые учуяли и услышали их, но пока не увидели. Охота началась. Они с Воронве из последних сил взобрались на длинный склон, густо заросший утесником и черникой попеременно с рябинами и низкорослыми березками. Наверху они остановились, прислушиваясь к крикам орков, с треском продиравшихся через кусты где-то внизу.

Неподалеку среди зарослей вереска и ежевики торчал большой валун, и под ним было что-то вроде норы – как раз такой, в какую мог бы забиться измученный зверь в надежде спрятаться от погони или хотя бы подороже продать свою жизнь. Туор затащил Воронве в эту темную щель, и они легли бок о бок, укрывшись плащом и задыхаясь, как загнанные лисы. Они молчали; оба обратились в слух.

Крики преследователей становились все тише. Орки редко забредали в пустынные земли, что лежали к западу и к востоку от дороги; они больше стерегли саму дорогу. Случайные беглецы мало заботили их – они боялись шпионов и вражеских разведчиков. Моргот поставил стражу на дороге не затем, чтобы поймать Туора и Воронве (о них он пока что ничего не знал), и не затем, чтобы перекрыть путь идущим с запада. Орки должны были следить, чтобы Черный Меч не ускользнул и не отправился вслед за пленниками из Нарготронда, приведя, быть может, помощь из Дориата.

Ночь тянулась, и над пустынными землями снова нависло тяжелое молчание. Туор, смертельно уставший, уснул, закутавшись в плащ Ульмо; но Воронве выполз наружу и стоял, молча и неподвижно, как серый камень, вглядываясь во тьму зоркими глазами эльфа. На рассвете он разбудил Туора, и тот, выбравшись из норы, увидел, что погода в самом деле стала мягче и черные тучи разошлись. Загоралась алая заря, и далеко впереди, на фоне огненного востока, Туор увидел вершины незнакомых гор.

– Алаэ! Эред эн Эхориат, эред э'мбар нин! – тихо проговорил Воронве²¹. Ибо он знал, что видит Окружные горы, стены королевства Тургона. Внизу, к востоку, в глубокой сумрачной

²¹ Эхориат – Окружные горы, ограждавшие Гондолин; «эред э'мбар нин» – «горы моего дома».

долине протекал Сирион Прекрасный, воспетый в песнях; а за рекой к подножиям гор поднималась серая равнина, одетая туманом.

– Вон Димбар, – сказал Воронве. – Ах, если бы мы были уже там! Враги редко осмеляются забредать туда. По крайней мере, так было, пока Ульмо хранил Сирион. Но, быть может, теперь все изменилось²² – все, кроме реки: она по-прежнему таит в себе угрозу. Сирион в этих местах быстр и глубок, и даже эльдар опасно переправляться через него. Но я вывел тебя туда, куда надо: вон серебрится брод Бритиах, вон там, немного южнее, где Восточный тракт, что некогда вел сюда от Тараса, пересекал реку. Теперь по нему никто не ходит, ни эльфы, ни люди, ни орки – разве что в крайности: эта дорога ведет в Дунгортеб и земли ужаса меж Горгоротом и Завесой Мелиан, и давным-давно заросла или превратилась в узкую тропку среди бурьяна и колючек²³.

Туор посмотрел в ту сторону, куда указывал Воронве, и увидел вдали блеск незамерзшей воды, озаренной косыми лучами утреннего солнца; но за ней, на юге, там, где Бретильский лес взбирался на отдаленное нагорье, клубилась тьма. Они осторожно спустились в долину и вышли на древнюю дорогу, шедшую от перекрестка на опушке Бретиля, где она пересекалась с нарготрондским большаком. Туор увидел, что они приближаются к Сириону. Берега здесь были невысокими, и река, запруженная множеством камней²⁴, разбивалась на десятки мелких протоков и рукавов и громко журчала меж валунами. Немного ниже протоки снова соединялись в едином русле, река текла дальше к лесу и исчезала в густом тумане, непроницаемом для глаз: там находилась северная граница Дориата, сокрытая Завесой Мелиан, но Туор этого не знал.

Туор бросился было к броду, но Воронве остановил его.

– Мы не можем перейти Бритиах среди бела дня, – сказал он, – или пока есть опасность, что нас преследуют.

– Значит, так и будем сидеть тут, пока не сгнием? – рассердился Туор. – Опасность будет всегда, пока стоит королевство Моргота. Идем! Переправимся под сенью плаща Ульмо.

Воронве все еще медлил, обернувшись на запад; но дорога позади них была пуста, и все было тихо; слышался лишь шум воды. Он поднял глаза к небу – пустынному и серому, без единой птицы. Внезапно лицо Воронве просияло и он вскричал:

– Отлично! Враги Врага все еще стерегут Бритиах. Орки сюда за нами не последуют; накроемся плащом, и можно идти.

– Кого ты там еще углядел? – спросил Туор.

– Плохо же видят смертные люди! – ответил Воронве. – Я вижу орлов с Криссаэгрима, и они летят сюда. Вон, смотри!

Туор вгляделся и вскоре различил в вышине трех могучих птиц, летящих с дальних гор, что снова окутались облаками. Они медленно снижались, кружа в небе, и внезапно ринулись на путников; но прежде, чем Воронве успел окликнуть их, они с шумом взмыли и улетели на север вдоль реки.

– Теперь идем, – сказал Воронве. – Если здесь и есть орки, они будут лежать, уткнувшись носом в землю, пока орлы не улетят подальше.

Они сбегали вниз к реке и перешли Бритиах, частью по камням и галечным отмелям, частью по мелководью, по колено в воде. Вода была чистая и очень холодная, и мелкие заводи

²² В «Сильмариллионе» (гл. 21, стр. 217) Белег из Дориата говорит Турину (за несколько лет до этих событий), что орки проложили дорогу через перевал Анах, «и до Димбара, где раньше все было спокойно, дотянулась Черная Рука».

²³ Этой дорогой пришли в Гондолин Маэглин и Аредель, преследуемые Эолом («Сильмариллион», гл. 16); позднее по ней проехали Келегорм и Куруфин, изгнанные из Нарготронда (там же, гл. 19, стр. 187). О том, что эта дорога тянулась дальше на запад, до древних чертогов Тургона в Виньямаре у подножия горы Тарас, упоминается только здесь; и на карте она обозначена только до северо-западной оконечности Бретиля, до места ее пересечения со старой дорогой, ведущей на юг, к Нарготронду.

²⁴ В слове «Бритиах» – корень *brith-*, «галька»; тот же корень – в названии реки «Бритон» и гавани «Бритомбар».

затянулись льдом, – но никогда, даже в Жестокую зиму в год гибели Нарготронда, смертоносное дыхание Севера не могло сковать главное течение Сириона²⁵.

На той стороне брода они нашли ущелье, похожее на русло иссякшего потока: теперь оно было сухим, но некогда, похоже, бурная река, бежавшая с севера, из гор Эхориат, выточила его в скале, принесла в Сирион множество камней, которые и образовали брод Бритиах.

– Наконец-то мы добрались до него, паче чаяния! – воскликнул Воронве. – Гляди! Вот устье Пересохшей реки. Это и есть наша дорога²⁶.

Они вошли в ущелье. Оно свернуло на север, и стены его вздымались все выше и выше, так что в нем стало темно и Туор начал спотыкаться о камни, которыми было усыпано сухое русло.

– Если это и дорога, – сказал он, – она не для усталых ног.

– Но это и есть дорога к Тургону, – сказал Воронве.

– Тогда это совсем странно, – заметил Туор. – Почему же ее не стерегут? Я думал, тут огромные ворота и целое войско стражи.

– Подожди, увидишь еще и ворота, и стражу, – ответил Воронве. – Это только подступы. Я назвал это ущелье дорогой; но по ней лет триста никто не проходил, кроме нескольких тайных посланцев; а после того, как Сокрытый народ прошел по ней, нолдор пустили в ход все свое искусство, чтобы скрыть ее от посторонних глаз. Ты думаешь, она на виду? А нашел бы ты ее, если бы тебя не вел один из Сокрытого королевства? Уж наверно, ты решил бы, что она создана лишь ветрами и водами. А разве не видел ты орлов? Это народ Торондора, что некогда жил на самом Тангородрине, пока Моргот не был столь могуч, а со времен гибели Финголфина живет в горах Тургона²⁷. Только им, кроме нолдор, известно Сокрытое королевство, и они несут стражу в небесах над ним, хотя до сих пор никто из слуг Врага не осмеливался летать по небу. Орлы сообщают королю обо всех, кто бродит вокруг. Будь мы орками, нас бы давно схватили и швырнули с высоты на скалы.

– Не сомневаюсь, – сказал Туор. – Но мне тут подумалось, что вести о нашем приходе достигнут Тургона раньше нас самих. А хорошо это или плохо, тебе лучше знать.

– Ни хорошо, ни плохо, – ответил Воронве. – В Хранимые врата нам все равно не войти незамеченными, будут нас ждать или нет; а там Стражники и сами увидят, что мы не орки. Но этого мало, чтобы пройти к Тургону. Ты, Туор, даже представить себе не можешь, какая опасность нас ожидает. Не прогневайся, если что, – я тебя предупреждал. Здесь тебе в самом деле понадобится помощь Владыки Вод. Я согласился вести тебя лишь потому, что надеялся на нее; а если Владыка не поможет, мы погибнем скорее, чем в глуши от голода и холода.

Но Туор ответил:

²⁵ В параллельной версии текста, которая явно была отвергнута в пользу приводимой, путники переправились через Сирион не по Бритиахскому броду – они вышли к реке несколькими лигами севернее. «Они с трудом пробрались к берегу, и Воронве вскричал:– Смотри, вот чудо! Это сулит нам и доброе, и злое. Сирион замерз – такого не упомянут ни в одном предании с тех пор, как эльдар пришли сюда с Востока. И теперь мы можем перейти через реку прямо здесь и сократить путь на много миль, на которые у нас могло бы и не хватить сил. Но здесь и другие могли перейти реку, до нас или следом за нами. Они беспрепятственно перешли реку по льду, и так мудрость Ульмо обратила замыслы Врага во вред ему же, ибо благодаря этому их путь сократился, и, когда их силы были уже на исходе и надежда угасала, Туор с Воронве наконец-то вышли к Пересохшей реке в том месте, где она покидала подножия гор».

²⁶ Ср. «Сильмариллион» (гл. 15, стр. 124): «Но был там глубинный путь, пробитый в подгорной тьме водами, что стремились к струям Сириона; и Тургон отыскал тот путь и вышел на зеленую равнину меж гор, и увидел остров-холм из твердого и гладкого камня – долина эта в древние дни была огромным озером».

²⁷ В «Сильмариллионе» нет упоминаний о том, что большие орлы когда-либо жили на Тангородрине. В гл. 13 (стр. 107) Манве «послал племя орлов, повелев им жить в горах Севера и следить за Морготом»; а в гл. 18 (стр. 159) Торондор «пригласил с заоблачных вершин Криссаэгрима», чтобы унести тело Финголфина от врат Ангбанда. Ср. также «Возвращение короля», VI, 4: «Древний Торондор, что обитал некогда на неприступных вершинах Окружных гор, в те времена, когда Средиземье было еще юным». По всей вероятности, мысль о том, что Торондор первоначально жил на Тангородрине (она встречается и в ранних текстах «Сильмариллиона»), позднее была отвергнута.

– Довольно гадать. В глуши нас ждала верная смерть, а в смерти у Врат я все-таки сомневаюсь, что бы ты ни говорил. Веди меня дальше!

Много миль прошли они по этому изнурительному пути, пока не выбились из сил. Наступил вечер, и в глубоком ущелье стусилась тьма. Они выбрались на восточный берег и увидели перед собой лабиринт холмов, уходивших к подножию гор. Вглядевшись, Туор увидел, что горы эти не похожи ни на одни другие: их склоны, подобные отвесным стенам, вздымались уступами, как этажи гигантских неприступных башен. А день тем временем угас; все вокруг окуталось серой мглой, и долина Сириона скрылась во мраке. Воронве нашел небольшую пещерку на склоне холма, обращенном к пустынному Димбару. Путники залезли внутрь и затаились. Они доели последние крошки съестного. Им было холодно, и они не спали, несмотря на усталость. Так Туор и Воронве вечером восемнадцатого дня хисиме, на тридцать седьмой день своего путешествия, достигли подножия твердынь Эхориата, преддверия королевства Тургона, спасшись с помощью Ульмо и от Приговора, и от козней Врага.

Когда первые проблески дня пробились сквозь туманы Димбара, путники снова спустились в Пересохшую реку, которая вскоре свернула на восток, приведя их к самым горам. Прямо над ними нависал огромный обрыв, отвесно вздымавшийся над крутыми берегами, оплетенными густыми зарослями терновника. Каменистое русло уходило в заросли. Там все еще было темно как ночью, и идти пришлось очень медленно, потому что склоны тоже обросли терновником; сплетенные ветви укрыли проход плотной крышей, и иногда Туору с Воронве приходилось пробираться ползком, словно зверям, крадущимся в свою берлогу.

Но в конце концов, продравшись к подножию обрыва, они увидели отверстие, похожее на тоннель, выточенный в скале водами, рожденными в сердце гор. Они вошли туда. Там было совершенно темно, но Воронве уверенно шел вперед, и Туор следовал за ним, касаясь рукой его плеча и слегка пригнувшись – потолок был низкий. Так они пробирались вслепую, шаг за шагом, как вдруг почувствовали, что земля под ногами стала ровной и камни исчезли. Тогда они остановились, перевели дух и прислушались. Воздух был чистым и свежим, и они чувствовали, что находятся в большой пещере. Но все было тихо, не слышалось даже звона капель. Туору показалось, что Воронве колеблется, и он прошептал:

– Где же Хранимые врата? Мы что, уже прошли их?

– Нет, – ответил Воронве. – Но я не могу понять, в чем дело – странно, что чужаков пропустили так далеко и ни разу не окликнули. Я боюсь внезапного удара во тьме.

Шепот их разбудил спящее эхо, и отзвуки умножились и разбежались под сводами и меж невидимых стен, словно десятки шепчущих голосов. И еще до того, как замерло эхо, Туор услышал в темноте голос, говорящий по-эльфийски: сперва на Высоком наречии нолдор, которого Туор не знал, а потом на языке Белерианда, но с непривычным выговором – так говорят те, кто много лет провел в разлуке со своими сородичами²⁸.

– Стоять! – приказал голос. – Не двигаться! Не то умрете на месте, враги вы или друзья.

– Мы друзья, – ответил Воронве.

– Тогда делайте, что велено.

Эхо их речей гулко разнеслось в тишине. Воронве и Туор замерли на месте; Туору казалось, что прошло очень много времени, и его сердце исполнилось такого страха, какого не вселяла в него еще ни одна опасность, встреченная в пути. Потом послышались шаги, отозвав-

²⁸ В «Сильмариллионе» о языке гондолинских эльфов ничего не говорится; но это место дает основание предполагать, что хотя бы для некоторых из них Высокое наречие (квенья) оставалось разговорным языком. В поздней лингвистической заметке утверждается, что в доме Тургона говорили на квенья, и она была первым языком Эарендила; «но для большинства гондолинцев она сделалась книжным языком, а в обиходе они, как и другие нолдор, употребляли синдарин». Ср. «Сильмариллион» (гл. 15, стр. 130): после повеления Тингола «Изгои приняли язык синдар для своих повседневных нужд, и Высокое наречие Запада звучало лишь среди владык нолдор. Однако повсюду, где жил тот народ, наречие это оставалось языком знаний».

шиеся в пещере тяжким топотом троллей. Внезапно кто-то достал эльфийский светильник и направил свет на Воронве, стоявшего впереди. Туор не видел ничего, кроме ослепительной звезды во мраке. Он чувствовал, что, пока луч направлен на него, он не в силах ни убежать, ни броситься вперед.

Несколько мгновений их продержали так в луче фонаря, а потом тот же голос велел:

– Покажите лица!

И Воронве откинул капюшон, и луч осветил его черты, суровые и четкие, будто выточенные из камня; Туор словно впервые увидел, как он красив. Воронве гордо произнес:

– Разве вы не видите, кто перед вами? Я Воронве сын Аранве из дома Финголфина. Уж не забыт ли я у себя дома за несколько лет? Я блуждал в краях, неведомых Средиземью, и все же помню твой голос, Элеммакиль.

– Тогда Воронве должен помнить и законы своей страны, – ответили из тьмы. – Он ушел по велению государя и имеет право вернуться. Но за то, что он привел сюда чужеземца, он лишается этого права и подлежит королевскому суду, куда он должен быть отведен под стражей. Что касается чужеземца, он будет убит или взят в плен, по усмотрению Стражи. Пусть он выйдет вперед, чтобы я мог решить.

Воронве вывел Туора на свет, и, когда они приблизились, из тьмы выступили множество нолдор в доспехах и при оружии, с мечами наголо. Они окружили пришельцев. Элеммакиль, начальник Стражи (это он держал светильник), долго и пристально разглядывал их.

– Что с тобой, Воронве? – сказал он наконец. – Мы ведь старые друзья, и вот, ты ставишь меня перед тяжким выбором между законом и нашей дружбой. Если бы ты без дозволения привел сюда одного из нолдор иных домов, это уже было бы тяжким проступком. Но ты показал заветный Путь человеку, смертному, – ибо по его глазам я вижу, кто он. Его же никогда не выпустят отсюда, раз он знает нашу тайну, – я должен убить его как чужака, даже если он твой друг и дорог тебе.

– Там, во внешних землях, случается многое, Элеммакиль, и на любого может быть возложен неожиданный труд, – ответил Воронве. – Странник возвращается не таким, как уходил. Содеянное мною сделал я по велению того, кто выше устава Стражи. Один лишь король вправе судить меня и того, кто пришел со мной.

Тогда заговорил Туор, забыв о страхе:

– Я пришел сюда с Воронве сыном Аранве, ибо он был назначен мне в провожатые Владыкой Вод. Ради этого был он спасен от ярости Моря и Приговора валар. Ибо я пришел с посланием от Ульмо к сыну Финголфина, и ему я поведаю его.

Элеммакиль взглянул на Туора с изумлением.

– Кто же ты? – спросил он. – И откуда ты?

– Я Туор сын Хуора из дома Хадора, и родич Хурина. И, как мне говорили, эти имена небезызвестны жителям Сокрытого королевства. Из Невраста через множество опасностей пришел я сюда.

– Из Невраста? – переспросил Элеммакиль. – А говорят, там никто не живет с тех пор, как наш народ ушел оттуда.

– Верно говорят, – ответил Туор. – Пусты и холодны чертоги Виньямара. Но я пришел оттуда. Отведите же меня к строителю этого дворца.

– О делах столь важных судить не мне, – сказал Элеммакиль. – Я выведу вас на свет, где виднее, и передам Хранителю Великих врат.

Он отдал приказ, и Туора с Воронве окружили высокие стражники, двое впереди и трое позади; и их начальник вывел их из пещеры Внешней стражи. Они оказались в прямом проходе с ровным полом и шли по нему, пока впереди не показался слабый свет. Наконец они вышли к широкой арке, высеченной в скале и опиравшейся на высокие столбы. Арку преграж-

дали подъемные ворота из перекрещенных деревянных брусев, украшенных дивной резьбой и обитых железными гвоздями.

Элеммакиль коснулся ворот, они бесшумно поднялись, и все вошли. Туор увидел, что они стоят на дне такой глубокой расселины, какую он даже представить себе не мог, хотя и немало странствовал в диких северных горах: по сравнению с Орфалх-Эхором Кирит-Нинних была всего лишь крохотной трещинкой в скале. Руками самих валар были расколоты эти горы, в бурях древних войн в начале времен; стены расселины были так круты, словно прорублены секирой, и вздымались на немыслимую высоту. Далеко вверху виднелась узкая полоска неба, и на темно-синем фоне вырисовывались черные пики и клыкастые скалы, далекие, но острые, безжалостные, как копыя. Могучие стены были так высоки, что зимнее солнце не заглядывало туда, и, хотя уже наступило утро, над горами слабо мерцали звезды, а здесь, внизу, было темно, и дорогу, идущую вверх, освещал лишь неяркий свет фонарей. Дно расселины круто взмывало вверх, к востоку, и слева от речного русла Туор увидел широкую дорогу, вымощенную камнем, которая уходила наверх, скрываясь в темноте.

– Вы прошли Первые врата, Деревянные, – сказал Элеммакиль. – Нам сюда. Надо спешить.

Туору не было видно, далеко ли ведет дорога. Он вгляделся во мрак, и бесконечная усталость охватила его. Над камнями свистел ледяной ветер, и Туор плотнее запахнул плащ.

– Холоден ветер Сокрытого королевства! – промолвил он.

– Воистину так, – сказал Воронве, – и чужестранцу может показаться, что гордыня сделала слуг Тургона бессердечными. Многие лиги разделяют Семь врат, и тяжки они для голодных и уставших в пути.

– Не будь наши законы столь суровы, – ответил Элеммакиль, – коварство и ненависть давно проникли бы сюда и погубили нас. И это тебе хорошо известно. Но мы не бессердечны. Здесь еды нет, а вернуться назад за ворота, которые он уже миновал, чужестранец не может. Потерпите немного, у Вторых врат вы сможете поесть и отдохнуть.

– Хорошо, – ответил Туор, и пошел дальше, как ему было приказано. Обернувшись назад, он увидел, что за ним следуют лишь Элеммакиль и Воронве.

– Здесь стража не нужна, – объяснил Элеммакиль, догадавшись, о чем он подумал. – Из Орфалха нет пути назад ни эльфу, ни человеку.

Они поднимались наверх, иногда по длинным лестницам, иногда по извилистой дороге, и тень отвесных стен угрожающе нависала над ними. Наконец в полулиге от Деревянных врат Туор увидел перед собой высокую стену, преграждавшую путь. На ней возвышались две могучих каменных башни. Дорога вела к высокой арке в стене, но казалось, что арка заделана одним огромным камнем. Путники приблизились, и черная отшлифованная поверхность камня заблестела в лучах белого светильника, висевшего над аркой.

– Вот Вторые врата, Каменные, – сказал Элеммакиль и, подойдя к вратам, легонько толкнул их. Камень повернулся на невидимой оси и стал ребром, и по обе его стороны открылся проход; они вошли и оказались во дворе, где стояло множество вооруженных стражников, одетых в серое. Никто не произнес ни слова. Элеммакиль отвел своих пленников в комнату в северной башне; там им принесли хлеба и вина и позволили передохнуть.

– Это немного, – сказал Элеммакиль Туору. – Но если твои слова подтвердятся, тебя щедро вознаградят за нынешние лишения.

– Этого довольно, – ответил Туор. – Слаб духом тот, кто нуждается в большем.

И в самом деле, хлеб и вино нолдор так подкрепили его, что вскоре он уже снова торопился в путь.

Немного погодя они вышли к новой стене, которая была еще выше и мощнее первой, и к Третьим вратам, Бронзовым – то были высокие двустворчатые двери, увешанные бронзовыми щитами и пластинами и изукрашенные причудливыми рисунками и знаками. Стену венчали

три квадратных башни с медными крышами и стенами, и медь эта благодаря какому-то секрету кузнечного мастерства оставалась всегда блестящей и горела огнем в лучах красных светильников, что, как факелы, стояли вдоль стены. Они опять вошли в ворота без единого слова, и увидели еще больший отряд стражи, в доспехах, что мерцали как рдеющие уголья; а лезвия секир были красными. Большинство стражей при этих воротах были из синдар Невраста.

Теперь дорога стала труднее, ибо в середине Орфалха подъем был круче всего. Поднимаясь вверх, Туор увидел над собой самую мощную из стен. То, наконец, взошли они к Четвертым вратам, Вратам Витого Железа. Высока и черна была та стена, и светильников над ней не было. Четыре железных башни возвышались над ней, а в центре меж башен стояла железная статуя огромного орла. То был сам король Торондор, словно спустившийся из-под облаков на горный пик. Туор взглянул на ворота и не поверил своим глазам: ему показалось, что он смотрит на поляну, озаренную бледным сиянием Луны, сквозь ветви и стволы неувядающих деревьев. Ибо сквозь кованые ворота сочился свет, а сами ворота были подобны множеству стволов с извивающимися корнями и сплетенными ветвями, покрытыми листвой и цветами. Проходя сквозь ворота, он увидел, как это устроено: в толще стены были тройные решетки, каждая из которых составляла часть рисунка; а свет, что проникал сквозь них, был светом дня.

Ибо они поднялись ныне намного выше подножия гор, где начался их путь, и за Железными вратами дорога была совсем пологой. Они уже миновали вершину и сердце Эхориата, башни гор стали ниже, ущелье расширилось, и стены его были не столь крутыми. Белый снег лежал на них, отражая и рассеивая свет, падавший с неба, и казалось, что ущелье затянато мерцающей лунной дымкой.

Они прошли сквозь ряды Железной стражи, стоявшие за воротами; черными были плащи, доспехи и длинные щиты этих воинов, и лица их были скрыты забралами с орлиными клювами. Элеммакиль шел впереди, и Туор с Воронве следовали за ним сквозь легкий туман. Туор увидел, что вдоль дороги тянется полоска зеленой травы, а в ней, как звезды, мерцают белые цветки уилоса, незабвенники, что не знают ни зимы, ни лета и цветут, не увядая²⁹; и так, дивясь и радуясь, вышел он к Серебряным вратам.

Стена Пятых врат, невысокая, но широкая, была выстроена из белого мрамора, а по верху шла серебряная решетка, соединявшая пять огромных мраморных шаров; и на стене стояло множество лучников, одетых в белое. Ворота, подобные полумесяцу, были выкованы из серебра и украшены жемчугом из Невраста; а над ними, на среднем шаре, стояло изображение Белого Древа, Тельперииона, из серебра и малахита, а цветы его были сделаны из лучших баларских жемчужин³⁰. А за воротами, на широком дворе, вымощенном зеленым и белым мрамором, стояли лучники в серебряных доспехах и шлемах с белыми султанами, по сто воинов с каждой стороны. Элеммакиль провел Туора с Воронве сквозь безмолвные ряды лучников, и пришельцы вступили на длинную белую дорогу, прямую, как стрела, бежавшую к Шестым вратам; и чем дальше, тем шире становилась полоса травы вдоль дороги, а среди белых звездочек уилоса раскрывались золотые очи крохотных желтых цветков.

Так пришли они к Золотым вратам, последним из тех, что выстроил Тургон до Нирнаэт; они были очень похожи на Серебряные, но стена была из желтого мрамора, а шары и ограда – из червонного золота; шесть шаров стояло на стене, а посередине, на золотой пирамиде, возвышалось изображение Лаурелин, Солнечного Древа, с топазовыми цветами, собранными

²⁹ Это те самые цветы, что в изобилии цвели на могильных курганах роханских королей вблизи Эдораса; Гэндальф назвал их рохирримским (т. е. древнеанглийским) словом *simbelmyne*, что значит «незабвенники» (букв. – «вечная память»), «ибо они цветут зимой и летом и растут там, где покоятся мертвые» («Две твердыни», III, 6). Эльфийское название «уилос» упоминается только здесь, но слово «уилос» встречается также в названии «Амон-Уилос», синдарский перевод квенийского «Ойолоссе» («вечно-белоснежная», гора Манве). В «Кирионе и Эорле» этот цветок назван другим эльфийским словом, «алфин» (см. ниже).

³⁰ В «Сильмариллионе» (гл. 10, стр. 88) сказано, что Тингол расплатился с белегостскими гномами множеством жемчужин: «Он получил их от Кирдана, ибо их во множестве добывали на мелководье у острова Балар».

в кисти, висевшие на золотых цепочках. А сами ворота были украшены золотыми дисками со множеством лучей, подобными Солнцу, и диски окружал причудливый узор из топазов, гранатов и желтых бриллиантов. На дворе за воротами стояли три сотни лучников с длинными луками. Доспехи их были вызолочены, и золотые перья вздымались над шлемами, а большие круглые щиты алели, как пламя.

За Шестыми вратами дорога озарялась солнцем, потому что стены ущелья по обе стороны были низкими и зелеными, лишь поверху лежал снег; Элеммакиль ускорил шаг, ибо они приближались к последним, Седьмым вратам, именуемым Великими, Стальным вратам, которые построил Маэглин после возвращения с Нирнаэт, стоявшим у выхода из Орфалх-Эхора.

Стены там не было; по обе руки стояли две высокие круглые башни со множеством окон. Башни вздымались семью ярусами и заканчивались стальными шпилями, блестящими на солнце, а соединяла их мощная стальная ограда, что не ржавела и сияла холодным блеском. Семь стальных столпов, высоких и мощных, как молодые сосны, держали ее, и каждый венчался наконечником, острым, как игла; столпы же соединялись семью стальными перекладинами, и в каждом промежутке стояло семижды семь стальных прутьев с широкими копейными наконечниками. А в центре, над средним, самым высоким столпом горело неисчислимыми алмазами огромное изображение шлема короля Тургона, Венца Сокрытого королевства.

Туор не видел никаких ворот и проходов в этой мощной стальной ограде. Когда он подошел ближе, ему показалось, что за решеткой вспыхнул ослепительный свет, и он зажмурился в страхе и изумлении. А Элеммакиль вышел вперед, и не толкнул ворота, но ударил по стальной перекладине, и ограда зазвенела, подобно многострунной арфе, издавая чистые звуки, которые слагались в мелодию, переливавшуюся от башни к башне.

Из башен тотчас же появились всадники, и впереди всех выехал из северной башни всадник на белом коне; он спешил и зашагал навстречу пришельцам. Высок и благороден был Элеммакиль, но еще выше и величественнее казался Эктелион, Владыка Фонтанов, бывший тогда Хранителем Великих врат³¹. Серебряные одежды облекали его, и на верху его сияющего шлема было стальное острие, увенчанное алмазом; и когда он передал оруженосцу свой щит, тот засверкал, словно усыпанный дождевыми каплями – то были тысячи кристаллов хрусталя.

Элеммакиль приветствовал его и произнес:

– Вот, я привел сюда Воронве Аранвиона, вернувшегося с Балара; а это чужестранец, которого Воронве привел сюда, ибо тот просит дозволения видеть короля.

Эктелион обернулся к Туору, но тот закутался в свой плащ и молча смотрел в лицо Эктелиону; и Воронве показалось, что Туор оделся туманом и стал выше ростом, так что верх его остроконечного капюшона возвышался над шлемом эльфийского владыки, словно гребень серой волны, вздымающейся над берегом. Эктелион же взгляделся в Туора зоркими очами и, помолчав, сурово произнес³²:

– Ты пришел к Последним вратам. Знай же, что ни один чужестранец, пройдя их, не выйдет отсюда, разве что дорогой смерти.

– Не накликай беды! Если посланец Владыки Вод выйдет этой дорогой, все живущие здесь последуют за ним. Не преграждай пути посланцу Владыки Вод, о Владыка Фонтанов!

Воронве и все, стоявшие вокруг, в изумлении воззрились на Туора, дивясь его словам и его голосу. И Воронве показалось, что он слышит другой голос, мощный, но вызывающий издалека. А самому Туору показалось, что он слышит свой собственный голос со стороны, словно кто-то другой гласит его устами.

³¹ Эктелион Фонтанный дважды упоминается в «Сильмариллионе»: как один из военачальников Тургона, прикрывавших фланги гондолинского войска, когда оно отступало вниз по Сириону после Нирнаэт Арноэдиад, и как тот, кто во время разорения Гондолина убил Готмога, предводителя балрогов, и сам погиб вместе с ним.

³² Здесь завершается аккуратная, хотя и сильно правленная рукопись. Остальное торопливо нацарапано на клочке бумаги.

Несколько минут Эктелион стоял молча, всматриваясь в Туора, и постепенно лицо эльфийского владыки исполнилось благоговения, словно в серой тени плаща Туора он узрел какие-то дальние видения. Потом он низко поклонился, подошел к оgrade и возложил на нее руки, и по обе стороны от столпа с Венцом распахнулись створки ворот. И Туор вошел и, выйдя на зеленый луг, взглянул на раскинувшуюся внизу долину и увидел среди белых снегов Гондолин. И долго стоял он и смотрел, не в силах отвести глаз; ибо наконец узрел он свою мечту, являвшуюся ему во сне.

Так стоял он, не говоря ни слова. И молча стояли вокруг него гондолинские воины; были тут воины от каждого из воинств Семи врат, а их вожди и военачальники восседали на конях, белых и серых. В изумлении взирали они на Туора, и у них на глазах плащ его соскользнул на землю, и он явился пред ними в могучих доспехах из Невраста. И немало там было таких, кто видел, как сам Тургон повесил эти доспехи на стену над высоким тронном Виньямара.

И тогда Эктелион наконец заговорил и сказал:

– Не нужно других доказательств; и даже имя сына Хуора не столь важно, как то, что сей воистину прислан самим Ульмо³³.

³³ Здесь повествование обрывается; далее следуют лишь несколько торопливых замечаний, указывающих на дальнейшее развитие событий: Туор спрашивает, как называется город, и ему сообщают семь имен города (примечательно, что название «Гондолин», несомненно, преднамеренно, упоминается лишь в самом конце: до того Гондолин именуется Сокрытым королевством или сокрытым градом). Эктелион велит дать сигнал, и с башен Великих врат трубят трубы, чей звук эхом отдается в горах. Вскоре слышен ответный сигнал со стен города. Приводят коней (Туору – серого), и все скачут в Гондолин. Далее – описание Гондолина, лестницы, ведущие на вершину, огромные врата; курганы (слово плохо читается), поросшие маллорнами, березами и вечнозелеными деревьями; Фонтанная площадь, Королевская башня, опирающаяся на могучую колоннаду, королевский дворец и знамя Финголфина. Появляется Тургон, «самый высокий среди Детей Мира, не считая Тингола», с бело-золотым мечом в ножнах моржовой кости, и приветствует Туора. Маэглин стоит по правую руку от трона, а по левую руку восседает Идриль, дочь короля; и Туор произносит послание Ульмо либо «во всеуслышание», либо «в зале совета». Отдельные примечания указывают на то, что следовало описать Гондолин, каким увидел его Туор издали; что плащ Ульмо должен был исчезнуть, когда Туор начал излагать Тургону порученное послание; что следует объяснить, почему в Гондолине не было королевы; что в тот момент, когда Туор впервые увидел Идриль, или чуть раньше, следует подчеркнуть, что до тех пор он почти не видел женщин (народ Аннаэля, живший в Митриме, отправил большинство своих женщин и всех детей на юг; а за годы рабства Туору приходилось встречаться лишь с надменными и грубыми женщинами истерлингов, которые относились к нему как к скоту, или с несчастными рабынями, с детства изнуренными непосильным трудом и вызывавшими у него лишь жалость). Можно заметить, во-первых, что более поздние упоминания о том, что маллорны росли в Нуменоре, Линдоне и Лотлоризне, не предполагают (хотя и не отрицают) того, что эти деревья росли в Гондолине в Предначальные дни (см. ниже); и во-вторых, что жена Тургона, Эленве, погибла за много лет до описываемых событий, когда воинство Финголфина преодолело Хельхараксе («Сильмариллион», гл. 9, стр. 85).

II Нарн и Хин Хурин

Перевод – А. Хромова

Повесть о детях Хурина

Детство Турина

Хадор Златовласый был владыкой эдайн и верным другом эльдар. Всю свою жизнь он служил Финголфину, который отдал ему во владение обширные земли в той части Хитлума, что звалась Дор-ломин. Дочь Хадора Глоредель вышла замуж за Халдира, сына Халмира, владыки людей Бретиля, и в тот же день сын Хадора, Галдор Высокий, женился на Харет, дочери Халмира.

У Галдора и Харет было два сына, Хурин и Хуор. Хурин был старше на три года, но ростом ниже других людей своего племени – этим он вышел в родичей матери, – всем же прочим был он подобен своему деду Хадору: белокожий, златовласый, могучий телом и пылкий духом. Пылкий, но не вспыльчивый – нрав у него был ровный и непреклонный. Замыслы нолдор были ему ведомы лучше, чем всем прочим людям Севера. Брат его, Хуор, был высок – из всех эдайн он уступал ростом лишь сыну своему Туору. Хуор был хорошим бегуном – но если путь был долог и труден, Хурин опережал брата, ибо умел сохранить силы до конца пути. Братья очень любили друг друга и в юности почти не разлучались.

Хурин взял в жены Морвен, которая была дочерью Барагунда, сына Бреголаса из дома Беора, и потому приходилась близкой родней Берену Однорукому. Она была высокая, черно-волосая, и за ее красоту и дивный свет очей люди прозвали Морвен Эледвен, Прекрасная, как эльф. Но нрав у нее был суровый и гордый. Горести дома Беора омрачили ее сердце – ведь она пришла в Дор-ломин беженкой из Дортониона, после Браголлах.

Старшего из детей Хурина и Морвен звали Турином. Родился он в тот год, когда Верен пришел в Дориат и повстречался там с Лутиэн Тинувиэль, дочерью Тингола. У Хурина и Морвен была еще дочь, по имени Урвен, но все, кто знал Урвен за ее короткую жизнь, звали девочку Лалайт, Смешинка.

Хуор взял в жены Риан, двоюродную сестру Морвен. Риан была дочерью Белегунда, сына Бреголаса. Злой рок судил ей родиться в те страшные годы с нежной душой – она не любила ни охоты, ни войны, лишь леса да полевые цветы были дороги ее сердцу. Она хорошо пела и умела слагать песни. Два только месяца прожила она с Хуором – а потом он ушел вместе с братом в Нирнаэт Арноэдиад, и Риан не видела его более³⁴.

После Дагор Браголлах и гибели Финголфина страшная тень Моргота расплзалась все шире с каждым годом. Но на четыреста шестьдесят девятый год от возвращения нолдор в Средиземье в сердцах эльфов и людей вновь пробудилась надежда, ибо разнесся слух о деяниях

³⁴ Здесь в тексте «Нарн» имеется отрывок, повествующий о пребывании Хурина и Хуора в Гондолине. Он очень близок к тому, что говорится в одном из текстов, относящихся к «корпусу» «Сильмариллиона», – настолько близок, что его можно считать не более чем вариантом, поэтому здесь я его не привожу. См. «Сильмариллион», гл. 18, стр. 164–166.

Берена и Лутиэн и о том, как Моргот был посрамлен на самом своем троне в Ангбанде, и говорили, что Верен и Лутиэн то ли еще живы, то ли умерли и воскресли из мертвых. В тот год великие замыслы Маэдроса были близки к исполнению, эльдар и эдайн набрались новых сил, и удалось остановить наступление Моргота и выбить орков из Белерианда. Пошли разговоры о грядущих победах, о мести за поражение в битве Браголлах, о том, что Маэдрос поведет в бой все силы эльфов и людей, и загонит Моргота под землю, и заколотит Врата Ангбанда.

Но мудрые беспокоились – им казалось, что Маэдрос поторопился обнаружить свою растущую мощь, и теперь Моргот успеет приготовиться.

– В Ангбанде вечно плетутся какие-нибудь новые козни, о которых не догадываются ни эльфы, ни люди, – говорили они.

И в самом деле, той же осенью с Севера, из-под свинцовых небес, налетел дурной ветер. Злым Поветрием прозвали его, ибо он принес чуму, и в северных землях, что примыкали к Анфауглиту, в конце года случился большой мор среди людей, и умирали прежде всего дети и подростки.

В тот год Турину сыну Хурина было всего пять лет, а сестре его Урвен исполнилось три ранней весной. Когда она резвилась на лугу, волосы ее мелькали в высокой траве, словно желтые лилии, и смех ее звенел, как веселый ручеек, что сбегал с холмов и струился за домом ее отца. Ручеек тот звался Нен-Лалайт, и девочке тоже дали прозвище Лалайт, и все домашние были счастливы, пока она жила среди них.

Турина же любили меньше. Черноволосый, как его мать, он и нравом обещал выйти в нее: он редко смеялся и мало говорил, хотя говорить научился рано и вообще выглядел старше своих лет. Турин не забывал обид и насмешек. Горячностью он вышел в отца, и мог быть несдержан и даже неистов в гневе. Но умел он и сострадать, и не раз плакал, видя боль или горе живого существа, – в этом он тоже походил на отца: Морвен была сурова и к себе, и к другим. Мать Турин любил – она говорила с ним коротко и ясно. Отца он видел мало – Хурин редко бывал дома, он охранял восточные рубежи Хитлума вместе с воинством Фингона. Когда Хурин приезжал домой, его быстрая речь, пересыпанная непонятными словами, намеками и шуточками, смущала Турина, и потому он побаивался отца. В ту пору больше всего Турин любил свою сестренку Лалайт. Он редко играл с ней – чаще прятался где-нибудь и незримо охранял ее, любуясь, как она бежит по лугу или по лесу, напевая песенки, что слагали дети эдайн в те дни, когда язык эльфов был еще нов их устам.

– Лалайт прекрасна, как эльфийское дитя, – говаривал Хурин жене, – только, увы, кратковечнее! Но оттого она, быть может, еще прекраснее – и еще дороже...

Турин слышал слова отца, и долго думал, что это значит, но так и не понял. Он никогда не видел детей эльфов – в те времена в землях Хурина не было эльфийских поселений, и Турина лишь однажды удалось повидать эльфов: как-то раз король Фингон со своей свитой проезжал через Дорломин, и Турин видел их на мосту через Нен-Лалайт, – белые с серебром одеяния эльдар сверкали на солнце.

Но слова Хурина сбылись еще до исхода той зимы. Злое Поветрие нагрянуло на Дорломин, и Турин заболел. Он долго метался в горячке и темном бреде, а когда очнулся – ибо он был силен и крепок, и судьба повелела ему жить, – спросил, где Лалайт. Но нянька ответила:

– Забудь имя Лалайт, сын Хурина, а о сестре твоей Урвен спроси у матери.

Когда пришла Морвен, Турин сказал:

– Я здоров, и хочу видеть Урвен. А почему нельзя говорить «Лалайт»?

– Потому что Урвен умерла, и нет больше места смеху в этом доме, – ответила Морвен. – А ты жив, сын Морвен. Жив и Враг, что причинил нам это зло.

Она не старалась утешить сына, ибо сама не искала утешения: она сносила горе молча и холодно. Хурин же не скрывал своей скорби. Он взял арфу и хотел сложить жалобную песнь,

но у него ничего не вышло. И Хурин разбил арфу и, выбежав из дома, погрозил кулаком Северу и крикнул:

– Ты, что увечишь Средиземье, – хотел бы я встретиться с тобой лицом к лицу и изувечить тебя, как мой владыка Финголфин!

Турин горько плакал по ночам, но никогда больше не упоминал имени сестренки при Морвен. В это время он нашел себе друга, и лишь ему поверял свои печали и тоску, что томила его в опустевшем доме. Друга его звали Садор. Садор был домашним слугой Хурина. Он был калека, и с ним мало считались: в молодости Садор был дровосеком и по невезению или по неловкости отрубил себе правую ступню, и нога у него усохла. Турин прозвал его Лабадал, что значит «одноножка», но Садор не обижался – ведь Турин звал его так с жалостью, а не в насмешку. Садор работал в мастерских, изготавливал или чинил дешевую утварь: он немного умел работать по дереву. Турин часто сидел рядом с ним и подавал нужные вещи, чтобы хромоту не вставать лишний раз. Иногда, когда Турин находил какие-нибудь инструменты или деревянные, что валялись без присмотра, он тайком приносил их Садору, думая, что они могут пригодиться его другу. Но Садор только улыбался и приказывал мальчику отнести подарок на место.

– Будь щедр, но раздавай лишь свое, – говорил он Турину.

В награду за помощь Садор вырезал мальчику фигурки людей и зверей. Но Турин больше всего любил его рассказы. Ведь юность Садора пришлась на дни Браголлах, и он любил вспоминать те времена, когда еще не был жалким калекой.

– Да, сын Хурина, говорят, то была великая битва. Меня взяли из лесов и послали на войну, но в самой битве я не сражался – а поспей я в битву, быть может, заслужил бы себе увечье попочетнее. Мы пришли слишком поздно, нам только и осталось, что отвезти домой тело старого владыки, Хадора, – он пал, защищая короля Финголфина. После этого я служил в Эйтель-Сирионе, могучей крепости эльфийских королей. Много лет провел я там – или это теперь так кажется, оттого что больше в моей жизни нечего вспомнить, такая она была серая и тусклая? Я был в Эйтель-Сирионе, когда его осадил Черный Король; Галдор, отец твоего отца, держал эту крепость от имени верховного короля. Он погиб во время приступа, и я сам видел, как твой отец встал на его место, хотя был еще совсем молод. Говорили, что дух его пылает столь жарко, что меч накаляется в его руке. Он повел нас, и мы оттеснили орков в пески – с того дня и до сих пор не смеют они приближаться к стенам Эйтель-Сириона. Но я, увы, был по горло сыт битвами и сражениями – вдоволь нагляделся я на кровь и раны. Я затосковал по родным лесам, и меня отпустили домой. Пришел я домой – и изувечил себя сам: бежишь от беды – а она навстречу.

Вот что рассказывал Садор Турину. Турин же, подрастая, начал задавать вопросы, на которые Садору бывало трудно ответить. Слуга часто думал, что такие вещи мальчику лучше бы узнать от родных. Однажды Турин спросил:

– Это правда, что Лалайт была похожа на эльфийское дитя? Так говорил отец. А что он имел в виду, когда говорил, что она кратковечнее?

– Да, она была очень похожа на маленького эльфа, – ответил Садор. – В начале жизни кажется, что дети людей и эльфов – близкие родичи. Но дети людей растут быстрее, и юность их коротка – такова наша судьба.

И Турин спросил:

– Что такое судьба?

– Насчет судьбы людей, – ответил Садор, – спроси кого-нибудь поумнее Лабадала. Но всем известно, что мы быстро устаем и умираем, и многие гибнут еще до срока. А вот эльфы не устают, и умирают лишь от тяжких увечий. Они исцеляются от многих ран и горестей, которые для людей смертельны, и говорят, что, даже если их тела гибнут, они все равно потом возвращаются. А мы нет.

– Значит, Лалайт не вернется? – спросил Турин. – А куда она ушла?

– Она не вернется, – сказал Садор. – А куда она ушла – этого никто не знает. По крайней мере, я не знаю.

– А это всегда было так? Или это от козней Черного Властелина, как Злое Поветрие?

– Не знаю. Позади нас – тьма, и о том, что было до нее, почти ничего не говорится. Может, отцы наших отцов и знали что-нибудь, но своим сыновьям они ничего не поведали. Даже имена их забыты. Горы отделили нас от прежней жизни. Они бежали сюда, а от чего – никому теперь не ведомо.

– Они боялись, да? – спросил Турин.

– Может быть, – ответил Садор. – Может быть, мы бежали из страха перед Тьмой, – пришли сюда, а она и здесь настигла нас, и бежать дальше некуда, разве что в Море.

– Но мы больше не боимся, – сказал Турин. – Не все боятся. Отец не боится, и я не буду бояться. Или буду бояться, но скрывать это – как мама.

Садору показалось, что взгляд у Турина совсем не детский. «Да, горе острит острый ум», – подумал слуга. Но вслух он сказал:

– Знаешь, сын Хурина и Морвен, каково будет твое сердце – это Лабадалу неведомо, но раскрывать его ты будешь нечасто и немногим.

И Турин сказал:

– Наверно, лучше не говорить, чего тебе хочется, если это все равно невозможно. Но знаешь, Лабадал, я хотел бы быть одним из эльдар. Тогда бы Лалайт вернулась, а я был бы еще здесь, даже если бы ее не было очень долго. Когда я стану большой, я пойду служить эльфийскому королю, как и ты, Лабадал.

– Да, наверно, ты еще познакомишься с эльдар, – вздохнул Садор. – Прекрасный народ, дивный народ, и дана им власть над сердцами людей. Но иногда мне думается, что лучше бы нам было остаться темными и дикими, чем встречаться с ними. Эльфы владеют древним знанием, они горды и долговечны. А мы тускнеем в их сиянии – или сгораем чересчур быстро. И бремя нашей судьбы становится нам еще тягостнее.

– А вот отец любит эльфов, – возразил Турин. – Без них он тоскует. Он говорит, что всему, что мы знаем, мы научились у них, и они сделали нас благороднее. Он говорит, что люди, которые перешли Горы только сейчас, немногим лучше орков.

– Это верно, – ответил Садор, – если не обо всех, то о некоторых из нас. Но подниматься тяжело, и падать с высоты больнее.

В тот незабываемый год, в месяце, что у эдайн зовется гваэрон, Турину было уже почти восемь. Старшие говорили меж собой о большом сборе войск, но Турин про это ничего не слышал. Хурин часто обсуждал с Морвен замыслы королей эльфов, зная, что она мужественна и умеет молчать. Они много беседовали о том, что будет, если эльфы победят или, напротив, потерпят поражение. Хурин был исполнен надежд и почти не сомневался в победе, ибо не верил, что найдется в Средиземье такая сила, которая устоит пред мощью и величием эльдар.

– Они зрели Свет Запада, – говорил он, – и Тьма в конце концов отступит пред ними.

Морвен не спорила с мужем – рядом с Хурином всегда верилось только в хорошее. Но ее род тоже был сведущ в преданиях эльфов, и про себя она говорила: «Да, но ведь они отварились от Света, и он теперь недоступен им... Быть может, Владыки Запада забыли о них? А если так, разве под силу эльфам одолеть одного из Властей, пусть они и Старшие Дети?»

Хурина Талиона, казалось, подобные сомнения не посещали. Но однажды весной случилось, что Хурин встал утром мрачный, словно увидел дурной сон, и весь день был сам не свой. А вечером вдруг сказал:

– Морвен Эледвен, меня скоро призовет мой долг, и наследник дома Хадора останется на твоём попечении. А людская жизнь коротка, и опасности подстерегают нас, даже и в мирное время.

– Так повелось в мире, – ответила Морвен. – Но что стоит за твоими словами?

– Благоразумие, не колебания, – ответил Хурин – но видно было, что он обеспокоен. – Любой, кто задумывается о будущем, должен понимать: что бы ни случилось, мир не останется прежним. Это большая игра, и одна из сторон неизбежно потеряет очень много. Если короли эльфов падут, эдайн придется худо. А из эдайн ближе всего к Врагу живем мы. Я не стану уговаривать тебя не бояться, если случится худшее. Ты боишься того и только того, чего следует бояться, и страх не лишит тебя разума. Но я велю: «Не жди!» Я вернусь, как только смогу, но не жди меня! Уходи на юг, и как можно скорее. Я пойду за вами, и найду тебя, пусть даже придется обыскать весь Белерианд.

– Белерианд велик, и неприютен для бездомных беглецов, – промолвила Морвен. – Куда нам бежать, одним или с родичами?

Хурин задумался.

– В Бретиле, – сказал он наконец, – живут родичи моей матери. По прямой лиг тридцать отсюда.

– Если в самом деле случится худшее, – возразила Морвен, – чем помогут нам люди? Дом Беора пал. Если и могучий дом Хадора не устоит, где же укроется жалкий народ Халет?

– Да, они народ немногочисленный и непросвещенный – но доблестный, можешь мне поверить, – сказал Хурин. – А на кого еще нам надеяться?

– Про Гондолин ты молчишь? – спросила Морвен.

– Молчу, ибо ни разу не произносил я этого имени, – ответил Хурин. – Да, молва не лжет – я побывал там. Я не говорил этого никому, но тебе скажу, и скажу правду: я не знаю, где он.

– Но все же догадываешься, и догадываешься верно, не так ли?

– Быть может, – сказал Хурин. – Но этого я не могу открыть никому, даже тебе, разве что сам Тургон разрешит мои уста от клятвы, – так что не допытывайся понапрасну. И даже если бы я, к стыду своему, проговорился, вы все равно бы нашли лишь запертую дверь: пока сам Тургон не выйдет на битву (а об этом слухом не слыхано, никто и надеяться не смеет), внутрь никого не впустят.

– Что ж, – сказала Морвен, – раз твои родичи беспомощны, а друзья не хотят помочь, придется мне решать самой. Мне приходит на ум Дориат. Думаю, что из всех преград Завеса Мелиан падет последней. И не отвергнут в Дориате потомков дома Беора. Разве я теперь не в родстве с королем? Ведь Верен сын Барахира был внуком Брегора, как и мой отец.

– Не лежит у меня душа к Тинголу, – заметил Хурин. – Не придет он на помощь королю Фингону. И, знаешь, когда я слышу «Дориат», у меня почему-то сжимается сердце.

– А мне не по себе, когда я слышу «Бретиль», – возразила Морвен.

Тут Хурин вдруг расхохотался и сказал:

– И о чем мы спорим? Это ведь всего лишь тени ночных кошмаров. Нам не дано предвидеть будущего. И не может быть, чтобы случилось худшее. Но если случится – я доверяю твоему мужеству и уму. Делай, как повелит тебе сердце. Но не медли. Ну, а если победим, короли эльфов вернут потомкам Беора все его владения и земли. Богатое наследство достанется нашему сыну!

Ночью Турина сквозь сон почудилось, что отец с матерью со свечами в руках склонились над его кроватью и смотрят на него, – но их лиц он не видел.

В день рождения Турина Хурин вручил сыну нож эльфийской работы, в серебряных череных ножнах и с такой же рукоятью.

– Вот мой подарок, наследник дома Хадора, – сказал Хурин. – Но будь осторожен! Клинок острый, а сталь служит лишь тем, кто умеет владеть ею. Твою руку она порежет столь же охотно, как и что-то еще.

Потом отец поставил Турина на стол, поцеловал и сказал:

– Вот, сын Морвен, ты уже выше меня – а скоро ты и без подставки станешь таким же высоким. Тогда клинок твой будет страшен многим.

Турин выбежал из дома и пошел бродить один. Слова отца грели ему душу, как весеннее солнышко греет мерзлую землю, пробуждая травы. «Наследник дома Хадора!» – повторял мальчик. Но тут вспомнились ему другие слова: «Будь щедр, но раздавай лишь свое». Тогда он побежал к Садору и воскликнул:

– Лабадал, Лабадал! Сегодня у меня день рождения! День рождения наследника дома Хадора! И я принес тебе подарок в честь этого дня. Вот такой нож, как тебе нужен: острый как бритва, все что хочешь разрежет!

Садор смутился – он ведь знал, что Турин сам только что получил этот нож в подарок. Но в те времена считалось неучтивым отказываться от дара, что предложен от чистого сердца, кто бы ни дарил. Поэтому Садор серьезно ответил мальчику:

– Ты щедр, как и весь твой род, Турин сын Хурина. Я ничем не заслужил такого подарка – боюсь, что и за всю оставшуюся жизнь не смогу отплатить тебе. Но что смогу, сделаю.

Достав нож, Садор радостно воскликнул:

– Эльфийская сталь! Да, вот подарок так подарок! Давно не держал я в руках эльфийского клинка.

Хурин вскоре заметил, что Турин не носит ножа, и спросил его:

– В чем дело? Быть может, ты и впрямь боишься порезаться?

– Нет, – ответил Турин. – Я отдал нож Садору-столяру.

– Ты что, не дорожишь отцовским подарком? – спросила Морвен.

– Дорожу, – ответил Турин. – Просто я люблю Садора, и мне его жалко.

И Хурин сказал:

– Все три дара в твоей власти, Турин: любовь, жалость, и нож – наименьший из трех.

– Только не знаю, заслуживает ли этого Садор, – заметила Морвен. – Он же покалечился по собственной неуклюжести, и не торопится делать, что ему велено – все возится с какими-то безделушками.

– А все же он достоин жалости, – возразил Хурин. – Честная рука и верное сердце могут промахнуться, а такая рана болит сильнее, чем нанесенная вражьей рукой.

– Но новый нож ты получишь нескоро, – сказала Морвен. – Вот тогда это будет настоящий дар – за свой счет.

Однако Турин заметил, что с Садором стали обходиться приветливее. Ему даже поручили сделать новый трон для владыки.

Однажды ясным утром месяца лотрона Турин проснулся от пения труб. Он бросился на улицу и увидел, что двор полон пеших и конных воинов в полном боевом вооружении. Хурин стоял там же и отдавал приказы. Турин узнал, что они сегодня выступают к Барад-Эйтелю. Во дворе собрались только дружинники и слуги Хурина, но в поход отправлялись все воины Дор-ломина. Часть войска уже ушла вперед – их вел Хуор, брат Хурина. Многие должны были присоединиться к владыке Дор-ломина по дороге и идти под его знаменем на всеобщий сбор, объявленный верховным королем.

Морвен попрощалась с Хурином. Она не плакала.

– Я сохраняю все, что ты оставляешь на мое попечение, – сказала она, – то, что есть, и то, что будет.

– Прощай, владычица Дор-ломина, – ответил ей Хурин. – Много лет не ведали мы такой надежды, как ныне. Пусть наш зимний пир будет радостнее всех предыдущих, а за зимой настанет весна, свободная от страхов!

Он поднял Турина на плечо и крикнул своим воинам:

– А ну, покажите наследнику дома Хадора, как сияют ваши мечи!

Пятьдесят ослепительных клинков взметнулись к солнцу, и двор огласился боевым кличем северных эдайн:

– Лахо калад! Дрего морн! Сияй, Свет! Беги, Ночь!

И вот наконец Хурин вскочил в седло, и развернулось золотое знамя, и трубы запели в утренней тишине. Так уезжал Хурин Талион на битву Нирнаэт Арноэдиад.

А Морвен и Турин все стояли на крыльце, пока ветер не донес издали отзвук одинокого рога – то Хурин в последний раз оглянулся на дом, прежде чем скрыться за гребнем холма.

Речи Хурина и Моргота³⁵

Много песен сложено эльфами о Нирнаэт Арноэдиад, во многих преданиях говорится об этой битве, битве Бессчетных слез, в которой пал Фингон и увял цвет эльдар. Жизни человеческой не хватит переслушать их все³⁶. Но ныне будет поведано лишь о том, что случилось с Хурином, сыном Галдора, владыкой Дор-ломина, после того, как близ потока Ривиль взяли его в плен живым по приказу Моргота и приволокли в Ангбанд.

Хурина привели к Морготу, ибо тот вызнал колдовством и через лазутчиков, что Хурин в дружбе с королем Гондолина. Моргот пытался запугать Хурина своим ужасным взглядом. Но Хурин еще не ведал страха, и отвечал Морготу с дерзостью. И Моргот велел заковать его в цепи и подвергнуть медленной пытке. Но вскоре он явился к Хурину и предложил, на выбор, либо отпустить его на все четыре стороны, либо облечь его высшей властью и чином верховного военачальника Ангбанда, если только он, Хурин, выдаст, где находится крепость Тургона, и все, что ведомо ему из замыслов короля. Но Хурин Стойкий лишь посмеялся над ним и ответил так:

– Ты слепец, Моргот Бауглир, и навек останешься слеп, ибо видишь лишь тьму. Неведомо тебе, что имеет власть над душами людей, а если бы ты и знал, не в твоей власти дать нам то, чего мы ищем. И лишь глупец верит посулам Моргота. Ты возьмешь плату, и не сдержишь обещаний. Расскажи я тебе то, о чем ты спрашиваешь, – лишь смерть будет мне наградой.

Тогда Моргот расхохотался и сказал:

– О, ты еще будешь молить меня о смерти, словно о даре!

Он отвел Хурина к Хауд-эн-Нирнаэту. Этот курган тогда был только что возведен, и над ним висел тяжелый смрад мертвечины. Моргот поставил Хурина на вершине кургана и велел взглянуть в сторону Хитлума и подумать о жене, о сыне и всех своих родичах.

– Ведь теперь это моя земля, и родичам твоим остается уповать лишь на мою милость.

– Ты не ведаешь милости, – ответил Хурин. – Но до Тургона тебе через моих родичей не добраться – они не знают его тайн.

Тогда гнев обуял Моргота, и он сказал:

– Зато я доберусь до тебя и твоего проклятого рода, и воля моя сломит вас всех, будь вы хоть стальными!

³⁵ В ИС, XI указано, что первоначально в данной части слова Хурина и Моргота были нарочито архаизированными; но позднее автор убрал слишком архаичную лексику и обороты. – прим. переводчика.

³⁶ Здесь в тексте «Нарн» имеется отрывок с описанием Нирнаэт Арноэдиад – я опустил его по причинам, изложенным в прим. 1.

И он поднял длинный меч, лежавший под ногами, и на глазах у Хурина сломал его. Осколок отлетел и вонзился Хурина в лицо, но тот не шелохнулся. Тогда Моргот простер могучую длань в сторону Дор-ломина и проклял Хурина, и Морвен, и их отпрысков, сказав так:

– Смотри! Тень моей мысли отныне лежит на них, куда бы они ни скрылись, и даже на краю света моя ненависть достигнет их.

– Пустые слова! – возразил Хурин. – Ты не можешь видеть их и не можешь управлять ими издалека – пока ты в этом обличье и стремишься править на земле, как зримый владыка, тебе это не под силу.

– Глупец! – воскликнул Моргот. – Глупец, последний среди людей, последнего из говорящих народов! Видел ли ты валар? Ведомы ли тебе мощь Манве и Барды? Знаешь ли ты, как глубоко проникает их мысль? А может, надеешься, что они подумают о тебе и смогут защитить тебя издалека?

– Не знаю, – ответил Хурин. – Может быть, и смогут, если есть на то их воля. Ибо Верховный Король не будет повержен, доколе стоит Арда.

– Ты сказал! – подхватил Моргот. – Верховный Король – это я, Мелькор, первый и могущественнейший из валар, кто был до начала Арды и создал ее. Тень моего замысла лежит на Арде, и все, что в ней, склоняется на мою сторону, медленно, но верно. И над всеми, кого ты любишь, нависнет, подобно грозовой туче Рока, моя мысль, и низвергнет их в тяжкую тьму отчаяния. Всюду, куда они ни явятся, пробудится зло. Что они ни скажут – речи их принесут дурные плоды, что они ни сделают – все обернется против них. И умрут они без надежды, проклиная и жизнь, и смерть.

Но Хурин ответил:

– Ты забываешь, с кем говоришь. Наши отцы слышали это от тебя давным-давно. Но мы избежали твоей тени. А теперь – теперь мы знаем тебя, ибо мы видели лица тех, кто зрел Свет, и внимали голосу беседовавших с Манве. Ты был до Арды, но и другие тоже, и не ты ее создал. И ты – не самый могучий: ведь ты растратил свою мощь на себя, расточил ее в своей пустоте. Теперь ты всего лишь беглый раб валар – и не уйти тебе от их цепей!

– Да, ты выучил свои уроки назубок, – сказал Моргот. – Но чем тебе поможет эта ребячья мудрость? Смотри, твои учителя все разбежались.

И ответил Хурин:

– Вот что скажу я тебе напоследок, раб Моргот, – и это я знаю не от эльдар, ибо мудрость эта вложена мне в душу в сей час. Пусть даже и Арда, и Менель покорятся твоему владычеству – над людьми ты не властен, и не будешь властен. Ибо ты не сможешь преследовать тех, кто не покорится тебе, за пределами Кругов Мира.

– Да, я не стану преследовать их за пределами Кругов Мира, – ответил Моргот. – Не стану, ибо за пределами Кругов Мира – Ничто. Но в Кругах Мира им не скрыться от меня, пока они не уйдут в Ничто.

– Ты лжешь, – сказал Хурин.

– Вот увидишь – и признаешь, что я не лгу, – сказал Моргот.

И он вернулся с Хурином в Ангбанд и приковал его чарами к каменному сиденью на вершине Тангородрима, откуда были видны Хитлум на западе и земли Белерианда на юге. И Моргот встал рядом и снова проклял Хурина, и наложил на него заклятье, так что Хурин не мог ни уйти, ни умереть, пока сам Моргот не освободит его.

– Сиди здесь, – сказал Моргот, – и смотри на земли, где горе и отчаяние поразят тех, кого ты отдал мне во власть. Ибо ты осмелился смеяться надо мной, ты усомнился в могуществе Мелькора, Владыки судеб Арды. Отныне моими глазами будешь ты видеть, моими ушами будешь ты слышать, и ничто не укроется от тебя.

Турин покидает родной дом

В Бретиль вернулись лишь трое – они шли через Таур-ну-Фуин, и страшен был их путь. Глоредель, дочь Хадора, узнав о гибели Халдира, умерла от горя.

В Дор-ломин не пришло никаких вестей. Риан, жена Хуора, потеряла рассудок и бежала в глушь, но Серые эльфы с холмов Митрима приютили ее, и когда у нее родился сын, Туор, они взяли на себя заботу о ребенке. А сама Риан пришла к Хауд-эн-Нирнаэту, легла ничком и умерла.

Морвен Эледвен осталась в Хитлуме и страдала молча. Ее сыну Турину шел всего лишь девятый год, и Морвен ждала еще одного ребенка. Тяжкой была ее жизнь. Хитлум наводнили истерлинги. Они жестоко преследовали людей дома Хадора, отнимали у них последнее добро и обращали их в рабство. Всех людей Хурина, кто был годен хоть к какой-то работе, угнали в плен, даже подростков, а стариков перебили или выгнали в глушь умирать от голода. Но посягнуть на владычицу Дор-ломина или выжить ее из дома истерлинги пока еще не смели: среди них разнесся слух, будто она – страшная ведьма, и водит дружбу с белыми демонами – так истерлинги звали эльфов. Истерлинги ненавидели этот народ, но боялись его еще больше³⁷. Из-за этого они старались держаться подальше от гор – в горах, особенно на юге, нашло убежище немало эльдар. Так что истерлинги, разорив и разграбив южные земли, отступили на север. А дом Хурина был на юго-востоке Дор-ломина, вблизи гор, – Нен-Лалайт брал начало в источнике у подножия горы Амон-Дартир, на отрог которой взбиралась крутая тропа. Этой тропой отважный путник мог перевалить через Эред-Ветрин и выйти в Белерианд, к истокам Глитуи. Ни истерлинги, ни сам Моргот не ведали еще об этой тропе, ибо весь тот край был недоступен Морготу, пока стоял дом Финголфина, и никто из прислужников Врага не бывал в тех местах. Моргот был уверен, что Эред-Ветрин станет неприступной преградой и для беженцев с севера, и для подмоги с юга – для тех, кто не наделен крыльями, через Эред-Ветрин и в самом деле не было другой дороги от топей Серех до прохода в Невраст далеко на западе.

Так и вышло, что после первых набегов Морвен оставили в покое. Но в окрестных лесах бродили недобрые люди, и выходить за околицу было небезопасно. В доме Морвен нашли убежище Садор-столяр и несколько стариков и старух. Турина держали взаперти и за ограду не выпускали. Но хозяйство Хурина вскоре пришло в упадок, и хотя Морвен работала, не покладая рук, ей пришлось бы голодать, если бы не Аэрин, родственница Хурина. Один из истерлингов, Бродда, насильно взял Аэрин в жены. Она тайком помогала Морвен. Горьким казался Морвен дареный хлеб, но она принимала милостыню ради Турина и своего нерожденного дитяти; к тому же, говорила она, это лишь часть того, что у нее украли – ведь это Бродда захватил слуг, скот и прочее добро Хурина и отправил все это в свой дом. Бродда был не робкого десятка, но до того, как его народ пришел в Хитлум, с ним мало считались. Поэтому он стремился разбогатеть и охотно брал себе земли, от которых отказывались другие истерлинги. Бродда один раз видел Морвен, когда ездил грабить ее дом, и она нагнала на него страху: истерлинг решил, что заглянул в жуткие глаза белого демона, и ужасно испугался, что Морвен наведет на него порчу. Поэтому он не решился разграбить ее дом и не нашел Турина – а не то недолго бы прожил наследник истинного владыки.

Бродда обратил в рабство всех «соломенноголовых» (так звал он народ Хадора) и заставил их выстроить ему деревянный чертог к северу от дома Хурина. Рабов он держал у себя в

³⁷ В другом варианте текста прямо говорится, что Морвен действительно общалась с эльфами, которые жили в тайных убежищах в горах неподалеку от ее дома. «Но они ничего не могли сообщить ей. Никто не видел, как пал Хурин. – С Фингоном его не было, – говорили они, – его оттеснили на юг вместе с Тургоном, но если кто из его людей и спасся, они ушли с войском Гондолина. Кто знает? Орки свалили всех убитых в одну кучу, и даже если бы кто и решился отправиться к Хауд-эн-Нирнаэту, поиски были бы напрасны».

поместье, точно скотину в хлеву, но стерегли их плохо, и те, кого еще не успели запугать, часто, рискуя собой, помогали владычице Дор-ломина. Они тайно доставляли Морвен новости, хотя и мало было ей радости в тех вестях. Но Аэрин Бродда взял в жены, а не в наложницы – у истерлингов было мало женщин, и ни одна из них не могла сравниться с дочерьми эдайн, а Бродда рассчитывал стать владыкой этого края и оставить после себя наследника.

Морвен редко говорила с Турином о том, что случилось и что может случиться в будущем, а тревожить ее расспросами мальчик боялся. Когда истерлинги впервые вторглись в Дор-ломин, он спросил у матери:

– Когда же отец вернется и прогонит этих мерзких воругов? Почему он не приходит?

– Не знаю, – ответила Морвен. – Возможно, он убит, возможно, в плену, а возможно, блуждает где-то в дальних краях и не может вернуться – ведь кругом столько врагов.

– Наверно, его убили, – сказал Турин – перед матерью он сдержал слезы, – если бы он был жив, никто не смог бы удержать его.

– Думается мне, что ты ошибаешься и в том, и в другом, сын мой, – ответила Морвен.

Время шло, и Морвен все больше тревожилась за Турина, наследника Дор-ломина и Лад-роса: ведь лучшее, что ждало его в ближайшем будущем – это рабство у истерлингов. И вспомнила она свой разговор с Хурином, и обратилась мыслями к Дориату. Она наконец решилась втайне отослать туда Турина и просить короля Тингола приютить мальчика. Размышляя над этим, она все время отчетливо слышала голос Хурина: «Уходи скорее! Не жди меня!» Но ей подходило время рожать, а дорога была трудна и опасна. И чем дольше ждать, тем меньше надежды, что удастся спастись. А в сердце Морвен, помимо ее воли, все еще таилась обманчивая надежда: в глубине души она чувствовала, что Хурин жив, и бессонными ночами прислушивалась, ожидая услышать его шаги, а задремав, просыпалась – ей мерещилось, будто во дворе заржал Аррох, конь Хурина. И, наконец, хотя Морвен была не против, чтобы сына ее воспитали в чужом доме, по обычаю тех времен, ей самой гордость еще не позволяла жить на чужих хлебах, пусть даже у короля. И потому она заставила утихнуть голос Хурина – или память о нем. И так сплелась первая нить судьбы Турина.

Когда Морвен решилась наконец отправить сына, Год Скорби уже близился к концу – наступила осень. Поэтому Морвен торопилась исполнить задуманное: времени на путешествие оставалось в обрез, а до весны Турина могли у нее отнять. Вокруг усадьбы бродили истерлинги и вынюхивали, что происходит в доме. Поэтому однажды Морвен неожиданно сказала Турину:

– Отец не возвращается. Значит, ты должен уйти отсюда, и как можно скорее. Он так хотел.

– Уйти? – воскликнул Турин. – Но куда же мы пойдем? За Горы?

– Да, – ответила Морвен. – За Горы, на юг. Может быть, там еще можно спастись. Но я не говорила «мы», сын мой. Ты должен уйти, а я должна остаться.

– Я не могу один! – воскликнул Турин. – Я не оставляю тебя! Почему нам не уйти вместе?

– Я не могу, – ответила Морвен. – Но ты не один пойдешь. Я пошлю с тобой Гетрона, а может, и Гритнира тоже.

– А Лабадала? – спросил Турин.

– Нет, – сказала Морвен. – Садор хромой, а дорога трудная. Ты мой сын, и времена теперь жестокие, так что скажу прямо: ты можешь погибнуть в пути. Зима близко. Но если ты останешься, случится худшее: тебя сделают рабом. Если хочешь стать мужчиной, когда войдешь в возраст, – наберись мужества, и делай, как я сказала.

– Но с тобой же останется только Садор, и слепой Рагнир, и старухи! – сказал Турин. – Отец же сказал, что я наследник Хадора! А наследник должен остаться в доме Хадора и защищать его. Вот теперь я жалею, что отдал нож!

– Наследник должен бы остаться, но не может, – возразила Морвен. – Но, возможно, когда-нибудь он вернется. Мужайся! Я приду к тебе, если станет хуже. Если смогу.

– Но как же ты найдешь меня в глуши?! – воскликнул Турин; и, не выдержав, вдруг разрыдался.

– Будешь хныкать – враги тебя найдут, а не я, – отрезала Морвен. – Но я знаю, где тебя искать – если ты доберешься в это место и останешься там. Я постараюсь прийти туда, если смогу. Я посылаю тебя в Дориат, к королю Тинголу. Не лучше ли быть гостем короля, чем рабом?

– Не знаю, – всхлипнул Турин. – Я не знаю, что такое раб.

– Я затем и отсылаю тебя, чтобы тебе не узнать этого, – сказала Морвен.

Она поставила Турина перед собой и долго смотрела ему в глаза, словно пыталась разгадать какую-то загадку.

– Тяжело, Турин, тяжело, сын мой, – произнесла она наконец. – И не тебе одному. Трудно мне решать, что делать в эти злые времена. Но я поступаю так, как считаю правильным – а иначе разве разлучилась бы я с тем, что дороже всего на свете из того, что осталось мне?

И они больше не говорили об этом. Турин расстался с матерью в горе и недоумении. Утром он пошел к Садору. Садор рубил дрова. Дров у них было мало – они боялись уходить далеко от дома. И теперь Садор стоял, опершись на клюку, и смотрел на недоделанный трон Хурина, задвинутый в угол.

– Придется и его пустить на дрова, – сказал он. – Теперь следует думать лишь о самом насущном.

– Не надо, не ломай его пока, – попросил Турин. – Может, отец еще вернется, – он обрадуется, когда увидит, что ты сделал для него, пока его не было.

– Пустая надежда хуже страха, – сказал Садор. – Надеждами зимой не согреешься.

Он погладил резную спинку и вздохнул.

– Зря только время тратил, – сказал он. – Правда, не могу сказать, что провел его плохо. Но такие безделушки недолговечны. Видно, вся польза от них – что делать их радостно. Так что, пожалуй, верну я тебе твой подарок.

Турин протянул руку, но тут же отдернул.

– Мужики не берут обратно своих даров!

– Но ведь он же мой? – спросил Садор. – Разве я не могу отдать его, кому захочу?

– Можешь, – ответил Турин, – но только не мне. А потом, почему ты хочешь его отдать?

– Мало надежды, что он пригодится мне для достойного дела, – вздохнул Садор. – Теперь Лабадала ждет лишь рабская работа.

– А что такое раб? – спросил Турин.

– Раб – это бывший человек, – ответил Садор. – С ним обращаются как со скотиной. Его кормят, только чтобы он не умер, живет он только затем, чтобы работать, а работает только под страхом побоев или смерти. А эти головорезы – они могут избить или убить просто для забавы. Я слышал, что они отбирают самых быстроногих юношей и травят их собаками. Да, они быстрее научились у орков, чем мы – у Дивного народа.

– Теперь я понимаю, – сказал Турин.

– То-то и горе, что тебе приходится понимать такие вещи – в твои-то годы, – сказал Садор. Тут он заметил изменившееся лицо Турина.

– Что ты понимаешь?

– Почему мама отсылает меня, – ответил Турин, и глаза его наполнились слезами.

– А-а, вот оно что! – кивнул Садор. – Чего же она ждала-то? – пробормотал он себе под нос. Но вслух сказал:

– По-моему, плакать тут не о чем. Только больше не рассказывай о том, что задумала твоя мать, – ни Лабадалу, ни кому другому. В наше время и у стен бывают уши, и это не уши друзей.

– Но мне же надо поговорить с кем-нибудь! – воскликнул Турин. – Я тебе всегда все рассказывал. Я не хочу уходить от тебя, Лабадал. И из дома, от мамы не хочу уходить.

– Но если ты останешься, – возразил Садор, – дому Хадора скоро придет конец – теперь ты, наверно, понимаешь это? Лабадал не хочет, чтобы ты уходил. Но Садор, слуга Хурина, будет рад знать, что истерлингам не добраться до сына Хурина. Ну-ну, ничего не поделаешь, приходится прощаться. Может, возьмешь мой нож на память?

– Нет! – сказал Турин. – Мама посылает меня к эльфам, к королю Дориата. Там мне другой нож дадут, такой же. А тебе, Лабадал, я ничего прислать не смогу. Я буду далеко, и совсем-совсем один!

И Турин разрыдался. Но Садор сказал ему:

– Это что такое? Разве это сын Хурина? Я слышал, как сын Хурина однажды, не так давно, сказал: «Когда я стану большой, я пойду служить эльфийскому королю».

Тогда Турин вытер слезы и сказал:

– Хорошо. Раз сын Хурина так сказал, он должен сдержать слово. Я пойду. Только почему-то, когда я говорю, что сделаю то-то и то-то, потом все выходит совсем не так, как я думал. Мне теперь не хочется идти. Я постараюсь больше не говорить таких вещей.

– Да, так будет лучше, – сказал Садор. – Все так учат, но мало кто так поступает. Оставь грядущее в покое. Довольно для каждого дня своей заботы.

И вот Турина собрали в дорогу. Он простился с матерью и тайне отправился в путь с двумя провожатыми. Но когда спутники Турина велели ему взглянуть в последний раз на дом отца своего, боль расставания пронзила Турина, словно острый меч, и мальчик вскричал:

– Морвен, Морвен, когда же я увижусь с тобой?

А Морвен стояла на пороге, и когда лесное эхо донесло до нее крик сына, она так стиснула дверной косяк, что кровь брызнула из-под ногтей. То было первое горе Турина.

В начале следующего года Морвен родила девочку и дала ей имя Ниэнор, что значит Скорбь. Но когда это случилось, Турин был уже далеко. Долог и мучителен был его путь, ибо власть Моргота распространялась все дальше. Но провожатые Турина, Гетрон и Гритнир, хотя молодость их пришлась на дни Хадора и теперь они были стары, состарившись, не утратили отваги, и хорошо знали тамошние земли, ибо в былые времена немало по странствовали по Белерианду. И так, ведомые судьбой и собственным мужеством, они перевалили через Тенистые горы, спустились в долину Сириона, прошли Бретильский лес и наконец, усталые и измученные, достигли границ Дориата. Но здесь их опутали чары королевы, и странники заблудились. Долго скитались они по дремучему лесу без путей и дорог, и вот у них вышли все припасы. Они едва не погибли, ибо с Севера надвигалась суровая зима; но не столь легкий удел уготован был Турину. Когда путники совсем уже отчаялись, вдали вдруг раздалось пение рога. То Белег Могучий Лук, первый среди охотников тех времен, живший вблизи рубежей Дориата, травил дичь в приграничных лесах. Он услышал крики путников и поспешил на помощь. Белег накормил и напоил их, а потом спросил, кто они и откуда. Услышав ответ, Белег проникся изумлением и жалостью. Турин ему понравился – мальчик красотой пошел в мать, а глаза у него были отцовские, и он был силен и крепок.

– Чего же ты хочешь от Тингола? – спросил Белег мальчика.

– Мне хотелось бы стать его дружинником. Я хочу воевать с Морготом, чтобы отомстить за отца.

– Очень может быть, что твое желание исполнится, когда ты подрастешь, – сказал Белег. – Ты еще мал, но уже теперь видно, что ты будешь могучим воином, достойным сыном Хурина Стойкого, если только это возможно.

Имя Хурина чтили во всех землях эльфов, а потому Белег с радостью согласился проводить странников. Он отвел их в хижину, где жил тогда с другими охотниками, и отправил

гонца в Менегрот. Когда посланец принес ответ, что Тингол и Мелиан согласны принять сына Хурина и его спутников, Белег тайными тропами отвел их в Сокрытое королевство.

И вот Турин вышел к большому мосту через Эсгалдуин и переступил порог чертогов Тингола. Еще дитя, узрел он чудеса Менегрота, невиданные дотоле никем из смертных, кроме одного только Берена. И Гетрон поведал Тинголу и Мелиан просьбу Морвен; и Тингол принял их ласково, и из уважения к Хурину, отважнейшему из людей, и родичу его Берену посадил Турина к себе на колени. И те, кто был при сем, немало дивились, ибо это означало, что Тингол усыновляет Турина; а в те времена не было принято, чтобы короли усыновляли чьих бы то ни было детей, и с тех пор не случалось, чтобы эльфийский владыка усыновил человека. И сказал Тингол Турину:

– Отныне это твой дом, сын Хурина, и ты всегда будешь мне сыном, хотя ты и человек. Мудрость обретешь ты, неведомую прочим смертным, и в руки тебе вложат оружие эльфов. Быть может, наступит время, когда ты вернешь себе земли твоего отца в Хитлуме; но до тех пор живи здесь в любви и мире.

Так Турин стал жить в Дориате. С ним ненадолго остались и его провожатые, Гетрон и Гритнир. Но они торопились вернуться в Дор-ломин, к своей госпоже. Однако Гритнира одолели старость и болезни, и он остался при Турине до самой смерти. А Гетрон отправился в обратный путь, и Тингол снарядил с ним отряд эльфов, и они несли Морвен послание от Тингола. И вот наконец достигли они дома Хурина. Когда Морвен узнала, что Турина с почетом приняли во дворце Тингола, на сердце у нее полегчало. Эльфы привезли ей от Мелиан богатые дары и приглашение отправиться в Дориат вместе с воинами Тингола. Ибо Мелиан была мудра и предвидела будущее, и надеялась, что так удастся расстроить злой замысел Моргота. Но гордость и надежда все еще не позволяли Морвен покинуть свой дом; к тому же Ниэнор была еще грудным младенцем. Поэтому Морвен поблагодарила дориатских эльфов, но отклонила приглашение. Скрывая свою бедность, она одарила посланцев последними золотыми вещами, что оставались у нее, и отправила с ними Тинголу Шлем Хадора. А Турин все ждал, когда же вернутся посланцы; и когда они приехали, он убежал в лес и долго плакал: он знал о приглашении Мелиан и надеялся, что Морвен приедет. То было второе горе Турина.

Когда Мелиан услышала ответ Морвен, она исполнилась жалости, ибо угадала мысли Морвен. И поняла Мелиан, что судьбы, предвиденной ею, так просто не избежать.

Шлем Хадора вручили Тинголу. Шлем тот был выкован из серой стали, украшен золотом и исписан рунами победы. Великая сила была в том шлеме, ибо владелец его мог не страшиться ни ран, ни смерти: любой меч ломался об этот шлем, любая стрела отлетала в сторону. Выковал его Тельхар, прославленный мастер из Ногрода. Шлем был с забралом, устроенным на манер тех пластин, которыми гномы защищали глаза, работая у горна, и потому лицо того, на ком был этот шлем, наводило ужас на врагов, и притом было надежно защищено от стрел и пламени. На верхушке шлема, как вызов врагам, красовалась позолоченная голова дракона Глаурунга – этот шлем сделали вскоре после того, как Глаурунг впервые выполз из врат Моргота. Часто надевал этот шлем в битву Хадор, а после него – Галдор, и радовались сердца воинов Хитлума при виде Золотого Дракона, высоко вознесшегося над полем боя, и кричали они:

– Дракон Дор-ломина достойней золотого змея Ангбанда!

Но шлем тот был создан не для людей, а для Азагхала, владыки Белегоста, убитого Глаурунгом в Год Скорби³⁸. Азагхал отдал его Маэдросу, в благодарность за то, что тот спас его жизнь и сокровища, когда Азагхал попал в орочью засаду на Гномьем тракте в Восточном

³⁸ Ср. с описанием шлема Хадора «большие маски, ужасные на вид», которые были на гномах Белегоста в Нирнаэт Арноэдиад и «помогли им выстоять против драконов» («Сильмариллион», гл. 20, стр. 208). Позднее, в Нарготронде, Турин, отправляясь в битву, надевал гномью маску, «и враги бежали пред ним» («Сильмариллион», гл. 21, стр. 229). См. ниже приложение к «Нарн».

Белерианде³⁹. Маэдрос же послал его в дар Фингону, с которым они часто обменивались знаками дружбы, в память о том, как Фингон загнал Глаурунга в Ангбанд. Но во всем Хитлуме нашлось лишь два воина, которым было по силам носить гномий шлем – Хадор и сын его Галдор. И потому, когда Хадор стал владыкой Дор-ломина, Фингон вручил шлем ему. По несчастью, вышло так, что на Галдоре не было этого шлема в тот день, когда он защищал Эйтель-Сирион, ибо враг напал внезапно, и Галдор выбежал на стену с непокрытой головой, и орочья стрела попала ему в глаз. А для Хурина Дракониий Шлем был слишком тяжел, и к тому же он не хотел его носить, говоря:

– Я предпочитаю встречать врага с открытым лицом.

Но все же он считал этот шлем одним из величайших сокровищ своего дома.

Надо сказать, что подземные сокровищницы Тингола в Менегроте были полны всякого оружия: доспехов с узором, подобным рыбьей чешуе, сияющих, как река под луной; мечей и секир, щитов и шлемов, созданных самим Тельхаром или его учителем, Гамиль-Зираком Древним, или эльфийскими кузнецами, что были еще искуснее гномов. Ибо Тингол получил в дар несколько вещей, принесенных из Валинора и созданных самим Феанором-искусником, величайшим из мастеров, когда-либо живших в мире. И все же Тингол любовался шлемом так, словно сокровищницы его были скудны, и сказал он учтиво:

– Воистину, благородные чела венчал он некогда, чела предков Хурина.

И тут пришла ему новая мысль, и велел он позвать к себе Турина, и сказал ему, что Морвен шлет своему сыну бесценный доспех, сокровище его отцов.

– Прими ныне Драконью Голову Севера, – сказал он отроку, – а когда настанет тебе время надеть его, носи с честью.

Но Турин был еще слишком мал и не мог даже поднять шлема, и не обратил на него внимания, ибо тоска томила его.

Турин в Дориате

Турин рос в Дориате, и Мелиан заботилась о мальчике, хотя он редко встречался с ней. В лесу жила дева по имени Неллас, и она, по просьбе Мелиан, присматривала за Турином, когда он бродил по лесу, и часто, словно невзначай, выходила ему навстречу. И от Неллас Турин узнал многое о тропах Дориата и о зверях и птицах, что жили в лесу; и еще она научила его говорить по-синдарски на старинный лад, как было принято в королевстве; ибо язык Дориата отличался учтивостью и богатством слов и выражений⁴⁰. И благодаря этой дружбе нрав Турина смягчился, хоть и ненадолго – вскоре на него снова пала тень, и дружба их пролетела, как весеннее утро. Ибо Неллас не бывала в Менегроте – она не любила каменных сводов; и потому, когда отрочество Турина миновало и он обратился мыслями к деяниям мужей, они с Неллас стали видаться все реже, и наконец Турин совсем забыл о ней. Но она по-прежнему присматривала за ним, хотя и не показывалась ему на глаза⁴¹.

Девять лет прожил Турин в чертогах Менегрота, и все это время сердце и помыслы его были заняты родичами. Иногда он получал от них утешительные вести: Тингол при любой возможности отправлял гонцов к Морвен, и Морвен посылала с ними весточки сыну. И потому Турин знал, что сестра его Ниэнор растет и расцветает, как прекрасный цветок на серых равнинах Севера, и что жизнь Морвен стала полегче. А сам Турин вырос, и стал высоким и могу-

³⁹ Нападение орков на Восточный Белерианд, во время которого Маэдрос спас Азагхала, нигде более не упоминается.

⁴⁰ В другом месте отец отмечает, что речь Дориата, как самого короля, так и его подданных, уже во дни Турина была более архаичной, чем язык других местностей; и что Мим говорил (хотя в существующих работах, где говорится о Миме, об этом не упоминается), что, несмотря на то, что Турин ожесточился против всего дориатского, единственное, от чего он не мог избавиться, это манера речи, приобретенная им во время воспитания в Дориате.

⁴¹ В одном из текстов есть примечание на полях: «Он искал во всех женщинах лицо Лалайт».

чим мужем, и славился отвагой и силой по всему королевству Тингола. Многому научился он в те годы; жадно внимал он преданиям давно минувших дней; и сделался он задумчивым и немногословным. Белег Могучий Лук часто приходил за Турином в Менегрот, и уводил мальчика в глушь, и обучал его лесной науке, и стрельбе из лука, и бою на мечях (который Турин любил больше всего). Но ремесла давались Турину хуже, ибо он плохо умел рассчитывать свои силы, и часто неосторожным ударом портил всю работу. И не только в этом судьба, казалось, не благоволила к Турину: часто его замыслы рассыпались прахом, и он редко добивался, чего хотел; и друзей у него было мало: он был суров и редко смеялся, и юность его была омрачена тенью. Но те, кто хорошо знал Турина, любили и уважали его, и ему оказывали почет, как приемному сыну короля.

Но один эльф невзлюбил его за это, и чем старше становился Турин, тем больше росла неприязнь эльфа. Эльф тот звался Саэрос сын Итильбора. Он был из тех нандор, что укрылись в Дориате после того, как их вождь Денетор пал на Амон-Эребе, в первой битве Белерианда. Эти эльфы по большей части жили в Арториэне, на востоке Дориата, меж Аросом и Келоном, а иногда переходили Келон и странствовали по пустынным восточным землям. Эти эльфы недолюбливали людей с тех пор, как эдайн прошли через Оссирианд и поселились в Эстоладе. Но Саэрос обычно жил в Менегроте, и король уважал его. Саэрос был горд, и с теми, кого считал ниже себя по положению и заслугам, обходился пренебрежительно. Он был другом менестреля Даэрона⁴², ибо и сам искусно слагал песни, и не любил людей вообще, а родичей Берена Эрхмиона – в особенности.

– Не диво ли, – говорил он, – что в наш край открыли путь еще одному отпрыску этого злосчастливого народа? Неужто первый причинил Дориату мало вреда?

И потому Саэрос косо смотрел на Турина и на все, что тот ни делал, и говорил о нем лишь дурное; но он высказывался обиняками и умело прятал свою злобу. Встречаясь с Турином наедине, Саэрос говорил с ним свысока и открыто выказывал свое пренебрежение. Он сильно надоел Турину, но юноша долгое время ничего не отвечал на оскорбления Саэроса, ибо тот принадлежал к знати Дориата и был советником короля. Но молчание Турина раздражало Саэроса не меньше его слов.

В тот год, когда Турину сравнялось семнадцать, печаль охватила его с новой силой, ибо в это время он перестал получать вести из дома. Власть Моргота росла с каждым годом, и теперь тень его накрыла весь Хитлум.

Несомненно, он был неплохо осведомлен о делах родичей Хурина, и на время оставил их в покое, чтобы вернее исполнить свой замысел; но теперь он выставил – именно за этим – неусыпную стражу на всех перевалах через Тенистые горы, так что и уйти из Хитлума, и пробраться туда можно было, лишь преодолевая величайшие опасности, а у истоков Нарога и Тейглина и в верховьях Сириона кишели орки. И однажды посланцы Тингола не вернулись, и больше он никого не посылал. Он вообще старался не выпускать никого за пределы хранимых земель, и тем, что король отправлял своих воинов к Морвен в Дор-ломин опасными дорогами, он проявил величайшее расположение к Хурину и его роду.

Тяжело было на сердце у Турина, ибо не знал он, какое еще зло подстерегает его семью, и боялся, что с Морвен и Низнор случилось недоброе; и много дней просидел он молча, размышляя о гибели дома Хадора и людей Севера. Потом встал он и пошел к Тинголу; и нашел его с Мелиан восседающими под Хирилорн, гигантским буком Менегрота.

Тингол взглянул на Турина с изумлением, ибо внезапно вместо своего приемного сына увидел перед собой незнакомого человека: высокого, темноволосого, с глубокими глазами на

⁴² В одном из вариантов этого отрывка повествования сказано, что Саэрос был родичем Даэрона, в другом – что он был его братом; опубликованный вариант, вероятно, является позднейшим.

бледном лице. Тогда попросил Турин у Тингола кольчугу, меч и щит, и потребовал отдать ему Драконий Шлем Дор-ломина, и король вручил ему все, что хотел он, сказав:

– Я дам тебе место среди моих витязей-меченосцев; ибо меч будет твоим оружием. И ты можешь, если хочешь, вместе с ними испытать свои силы в войне на границах.

Но Турин ответил:

– Сердце зовет меня за пределы Дориата. Я более желаю напасть на Врага, чем охранять границы.

– Тогда придется тебе отправиться одному, – сказал Тингол. – Ибо я распоряжаюсь своим народом в войне с Ангбандом по своему разумению, о Турин сын Хурина. Не стану я теперь посылать воинов Дориата за пределы своей страны; и не знаю я, когда настанет время сделать это.

– Но ты, сын Морвен, можешь уйти, если хочешь, – сказала Мелиан. – Завеса Мелиан не удерживает тех, кто явился сюда с нашего разрешения.

– Разве что мудрый совет остановит тебя, – добавил Тингол.

– Каков же твой совет, государь? – спросил Турин.

– Мужем и воином кажешься ты с виду, – ответил Тингол, – но ты не достиг еще полного расцвета сил. Когда это время настанет, быть может, и сможешь ты помочь своим родичам; но мало надежды, что один человек способен сделать больше, чем содействовать владыкам эльфов в борьбе с Темным Властелином, пока они еще в силах защищаться.

И сказал Турин:

– Родич мой Верен сделал больше.

– Не один, а с Лутиэн, – возразила Мелиан. – Однако дерзок же ты, если осмеливаешься говорить так с отцом Лутиэн. Думается мне, Турин сын Морвен, что твоя судьба не столь высока, хотя сплетена она с судьбой народа эльфов, к добру то или к худу. Берегись самого себя, не то выйдет к худу.

Она помолчала, потом заговорила снова.

– Ступай, приемный сын, – сказала она, – и послушайся совета короля. Но думается мне, что, достигнув зрелости, ненадолго удержишься ты у нас в Дориате. Вспоминай же в грядущие дни слова Мелиан, и будет то тебе ко благу: бойся и жара, и холода в сердце своем.

Тогда Турин поклонился владыкам и расстался с ними. И вскоре надел он Драконий Шлем, взял оружие, и ушел на северные границы, и присоединился к эльфам-воинам, что непрестанно сражались с орками и прочими прислужниками и тварями Моргота. И так, едва переступив порог отрочества, явил он свою отвагу и мужество; и, помня обиды своих родичей, был он впереди во всех схватках, и не единожды бывал ранен и копьем, и стрелой, и кривым орочьим мечом. Но судьба берегла его от смерти; и слух прошел по лесам и разнесся за пределы Дориата, что вновь появился Драконий Шлем Дор-ломина. И многие дивились, говоря: «Неужто дух Хадора или Галдора Высокого восстал из мертвых? Или то воистину Хурин Хитлумский вырвался из бездн Ангбанда?»

В то время лишь один из приграничных стражей Тингола превосходил Турина в бою, и то был Белег Куталион; и Белег с Туриним были товарищами во всех опасностях, и вместе бродили по диким чащобам.

Так прошло три года. Все это время Турин редко бывал в чертогах Тингола; и не заботился он больше о своей внешности и одежде: ходил он нечесаный, и поверх кольчуги носил серый плащ, истрепанный непогодой. Но на третье лето, когда Турину исполнилось двадцать, случилось так, что, желая отдохнуть и отдать в починку оружие, однажды вечером пришел он внезапно в Менегрот и вошел в чертог. Тингола в тот день не было: он бродил по зеленым лесам вместе с Мелиан, ибо то было у него в обычае в разгар лета. Турин сел на первое попавшееся сиденье, ибо он устал с дороги и был в задумчивости; но, на беду, очутился он там, где помещалась высшая знать королевства, и на том самом месте, где обычно сидел Саэрос. Саэрос

же, явившись позже, разгневался на Турина, решив, что тот сделал это нарочно, из гордости, и чтобы оскорбить его, Саэроса; а когда Саэрос заметил, что сидящие рядом с Туриним не только не упрекают юношу, но, напротив, рады ему, гнев его отнюдь не утих.

Однако поначалу Саэрос сделал вид, что тоже рад Турину, и сел на другое место, напротив.

– Нечасто хранитель границ жалуется нас своим посещением, – сказал он, – и я охотно уступаю ему свое место ради того, чтобы побеседовать с ним.

И он заговорил с Туриним, расспрашивая его о том, что нового на границах, и о деяниях его в глуши; но, хотя речи эльфа казались любезными, в голосе явственно звучала насмешка. Он немало извел этим Турина, и тот, оглядевшись, познал горечь изгнания; и, хотя вокруг сиял свет и звучал смех, как всегда в эльфийских чертогах, мысли Турина обратились к Белегу и к их лесной жизни, а потом перенеслись к Морвен и отцовскому дому в Дор-ломине; и нахмурился он, ибо мрачны были его мысли, и ничего не отвечал Саэросу. Саэрос же, решив, что Турин хмурится из-за него, не сдержал гнева и, достав золотой гребень, бросил его через стол Турину, сказав:

– Послушай, человек из Хитлума, ты, конечно, пришел сюда в спешке, так что прости-тельно, если ты явился в рваном плаще; но зачем же волосы у тебя спутаны, как куст терновника? Открой-ка уши – может, тогда лучше расслышишь, что тебе говорят.

Турин ничего не сказал, лишь глянул на Саэроса, и во тьме его глаз блеснул огонь. Но Саэрос не внял предостережению, презрительно встретил взгляд Турина и бросил во всеуслышание:

– Если мужи Хитлума так дики и мрачны, каковы же женщины в той земле? Должно быть, носятся они по лесам, как олени, одетые лишь собственными волосами.

Тут Турин схватил рог для вина и швырнул его в лицо Саэросу, и тот упал навзничь и сильно ушибся; Турин же выхватил меч и хотел броситься на него, но Маблунг Охотник, сидевший рядом, удержал его. Саэрос встал, сплюнул кровью на стол и проговорил разбитыми губами:

– Долго ли будем мы терпеть этого лесного дикаря?⁴³ Кто здесь владыка нынче вечером? Закон короля суров к тем, кто ранит его вассалов под крышей чертогов; тех же, кто обнажает здесь меч, ожидает по меньшей мере изгнание. Не будь мы в чертогах, уж я бы тебе, Дикарь, ответил!

Но Турин, увидев кровь на столе, мгновенно остыл; он высвободился из рук Маблунга и вышел без единого слова.

И сказал Маблунг Саэросу:

– Какая муха тебя укусила? Ты сам повинен в своем несчастье; и, быть может, закон короля сочтет разбитую губу достойным возмещением за насмешки.

– Если этот щенок обиделся, – огрызнулся Саэрос, – пусть пожалуется королю. А обнажать здесь мечи запрещено под любым предлогом. Если он меня тронет где-нибудь в другом месте, я его убью.

– А вот я не так уверен в этом, – заметил Маблунг. – Но, кто бы из вас ни погиб, все равно это будет злым делом, более подобающим Ангбанду, нежели Дориату, и смерть эта принесет новое зло. Воистину, кажется мне, что сегодня коснулась нас Северная Тень. Берегись, Саэрос сын Итильбора, как бы в гордыне своей не сыграть на руку Морготу. Вспомни, ты ведь из эльдар.

– Я этого не забываю, – ответил Саэрос; но гнева своего он не оставил, и всю ночь лелеял свою злобу, распаляя обиду.

⁴³ «Лесной дикарь» – woodwose; об этом слове см. прим. к главе «Друзьдайн».

Утром, когда Турин уходил из Менегрота, возвращаясь на северные границы, Саэрос подкараулил юношу и напал сзади с обнаженным мечом и со щитом. Но Турин в лесах привык к бдительности, и успел заметить его краем глаза, и, отскочив, выхватил меч и бросился на врага.

– О Морвен, – вскричал он, – теперь-то насмешник поплатится за то, что посмеялся над тобой!

Он разрубил щит Саэроса, и они обменялись несколькими быстрыми ударами. Но Турин прошел суровую выучку и был не менее ловок, чем любой эльф, и притом гораздо сильнее. Он быстро одолел Саэроса, ранил его в правую руку, и тот оказался во власти Турина. Турин наступил на меч, который выронил Саэрос.

– Саэрос, – сказал он, – тебе придется побегать, и одежды будут только мешать. Хватит тебе и собственных волос.

Он бросил Саэроса наземь и сорвал с него одежду; Саэрос почувствовал, как могуч Турин, и страшно испугался. А Турин отпустил его и воскликнул:

– Беги! Беги! И если ты уступишь в беге оленю, я стану подгонять тебя сзади.

И Саэрос рванулся в чащу, громко зывая о помощи; Турин же мчался за ним, как борзая, и куда бы ни кидался беглец, все время позади оказывался острый меч.

Многие слышали крики Саэроса и бросились вдогонку за бегущими, но лишь самые быстроногие могли бежать наравне с ними. Впереди всех мчался Маблунг, и смущен был дух его: насмешка Саэроса показалась ему жестокой, но «утром творится зло – к вечеру Морготу радость»; а потом, дурное это дело – позорить любого из народа эльфов по своей воле, без суда. Тогда никто не знал, что это Саэрос первым напал на Турина и хотел убить его.

– Стой, Турин, остановись! – кричал Маблунг. – Орочье дело творишь ты!

Но Турин ответил: «Орочьи дела в лесу за орочьи речи в чертоге!» – и снова рванулся вслед за Саэросом. А тот, не надеясь более на спасение и думая, что смерть его близка, несясь, не разбирая дороги. И вдруг впереди показался поток, что бежал к Эсгалдуину в глубоком ущелье среди высоких скал; и было то ущелье таким широким, что только олень перескочит. Но Саэрос был в таком страхе, что прыгнул; однако не удержался на той стороне, и с воплем рухнул вниз, и разбился о камень в ручье. Так окончилась его жизнь в Дориате; и надолго останется он у Мандоса.

Турин взглянул на тело в потоке и подумал: «Несчастный дурень! Ведь тут я отпустил бы его обратно в Менегрот. А теперь из-за него я без вины стал преступником». И он обернулся и мрачно посмотрел на Маблунга и его товарищей, – они догнали его и стояли рядом на обрыве. Все молчали. Наконец Маблунг сказал:

– Увы! Турин, теперь ты должен вернуться с нами, дабы король рассудил твои деяния.

Но Турин ответил:

– Будь король справедлив, он признал бы меня невиновным. Но разве убитый не был его советником? Разве станет справедливый король избирать в друзья сердце, полное злобы? Я не признаю его законов и его суда.

– Нет мудрости в речах твоих, – возразил Маблунг, хотя в глубине души ему было жаль Турина. – Не станешь же ты жить вне закона? Прошу тебя как друга, идем со мной. Есть ведь и другие свидетели. Может быть, когда король узнает правду, он простит тебя.

Но Турин устал от эльфийских чертогов, и боялся, что его заточат в темницу; и сказал он Маблунгу:

– Не пойду я с тобой. Не стану я просить у короля Тингола прощения, не будучи виновным. Лучше отправлюсь я туда, где его приговор не достигнет меня. Выбирай же: либо ты отпустишь меня, либо убьешь, если ваш закон это разрешает. Вас слишком мало, чтобы взять меня живым.

Эльфы увидели по глазам Турина, что он говорит это всерьез, и расступились перед ним. Маблунг сказал:

– Довольно одной смерти.

– Я этого не хотел, но не жалею о содеянном, – бросил Турин. – Пусть Мандос судит его по заслугам; если же когда-либо вернется он в земли живых, пусть будет мудрее. Будьте счастливы!

– Будь свободен, – ответил Маблунг, – ибо этого ты желаешь. Но не стану я сулить тебе счастья, если ты продолжишь как начал. Тень лежит у тебя на сердце. Да не будет она темнее в тот день, когда мы встретимся снова!

На это Турин ничего не ответил. Он повернулся и скрылся, и никто не знал, куда он ушел.

Рассказывают, что когда Турин не вернулся на северные границы Дориата и никаких вестей о нем не пришло, Белег Могучий Лук сам явился в Менегрот искать его. Тяжко сделалось у него на сердце, когда узнал он о делах Турина и о его бегстве. Вскоре после того вернулись в свои палаты Тингол и Мелиан, ибо лето было на исходе; и когда король узнал о том, что случилось, он воссел на свой трон в главном чертоге Менегрота, и вокруг собрались все вожди и советники Дориата.

Тогда было рассказано и выслушано все, вплоть до прощальных слов Турина; и наконец вздохнул Тингол и сказал:

– Увы! Как могла эта тень пробраться в мое королевство? Верным и разумным считал я Саэроса; но, будь он жив, испытал бы он на себе мой гнев, ибо жестокими были его насмешки, и он виноват во всем, что случилось на пиру. Турин же неповинен в этом. Но то, что он опозорил Саэроса и затравил его до смерти – злодеяние, превосходящее оскорбление, и этого я оставить безнаказанным не могу. Это знак жестокого и надменного сердца.

Тингол умолк, но наконец снова заговорил, и печально произнес:

– Неблагодарным оказался мой приемный сын, и слишком высоко возомнил он о себе. Могу ли я привечать того, кто презирает меня и мой закон, и простить того, кто не желает раскаяться? Потому изгоняю я Турина сына Хурина из королевства Дориат. Буде же попытается он проникнуть сюда, надлежит привести его на мой суд; и до тех пор, пока не падет он мне в ноги и не попросит прощения, не сын он мне более. Если же кто считает решение несправедливым, пусть скажет об этом.

Все молчали. Тингол уже поднял руку, дабы произнести приговор. Но в этот миг вбежал Белег и крикнул:

– Государь, прошу слова!

– Ты опоздал, – ответил Тингол. – Разве тебя не позвали вместе со всеми?

– Воистину так, государь, – отвечал Белег, – но я задержался. Я искал одну свою знакомую. И вот наконец я привел свидетеля, которого следует выслушать, прежде чем ты изречешь свой приговор.

– Все, кто имел, что сказать, были вызваны ранее, – сказал король. – Что он может сказать такого, чего не знают те, кого я уже выслушал?

– Суди, когда услышишь, государь, – возразил Белег. – Прошу, сделай это ради меня, если только я заслужил твою милость!

– Ради тебя я сделаю это, – ответил Тингол.

Тогда Белег вышел, и ввел за руку деву Неллас, что жила в лесах и никогда не бывала в Менегроте; испугалась она огромного зала с каменными сводами и бесконечными рядами колонн, и множества глаз, что устремились на нее. И когда Тингол велел ей говорить, она пролепетала:

– Государь, я сидела на дереве... – и запнулась, смутившись перед королем, и не могла произнести ни слова.

Улыбнулся король и сказал:

– Многие сидели на дереве, но не считают нужным рассказывать мне об этом.

– Воистину, многие! – воскликнула она, ободренная его улыбкой. – И Лутиэн тоже! И в то утро я как раз думала о ней и о человеке Берене.

На это Тингол ничего не сказал, и улыбка исчезла с его лица, и он ждал, что еще скажет Неллас.

– Потому что Турин похож на Берена, – сказала она наконец. – Мне говорили, что они родичи, и что это заметно – заметно, если присмотреться.

Тут Тингол начал терять терпение.

– Быть может, – сказал он. – Но Турин сын Хурина пренебрег мною, и ты больше не увидишь его, так что нет тебе нужды до его родства. Ибо теперь я произнесу приговор.

– Подожди, государь! – вскричала она. – Прости меня. Дай мне сперва сказать. Я забралась на дерево, чтобы посмотреть, как Турин отправится в путь; и я видела, как Саэрос выбежал из леса с мечом и со щитом и напал на Турина со спины.

В чертоге зашумели. Король поднял руку и сказал:

– Твои вести важнее, чем казалось. Думай же, что говоришь; ибо здесь зал суда.

– Белег так и сказал, – ответила она, – только потому я и решилась прийти, чтобы Турина не осудили несправедливо. Он отважен, но милосерден. Они сражались, государь, сражались между собой, и Турин лишил Саэроса и щита, и меча, но не убил его. Поэтому я думаю, что он все-таки не хотел его смерти. Если он и опозорил Саэроса, то Саэрос это заслужил.

– Мне судить, – сказал Тингол. – Но то, что ты рассказала, повлияет на мой приговор.

И он подробно расспросил Неллас; и наконец повернулся к Маблунгу и сказал:

– Странно, что Турин ничего не сказал об этом тебе.

– Но ведь не сказал же, – пожал плечами Маблунг. – Поведай он все как было, по-иному простился бы я с ним.

– И приговор мой ныне будет иным, – сказал Тингол. – Слушайте все! Прощаю я все провинности Турина, ибо его оскорбили, и не он начал бой. И поскольку обидчик действительно был одним из моих советников, как Турин и говорил, Турин не должен просить у меня прощения, но я сам пошлю за ним, чтобы его нашли и привели сюда, где бы он ни находился; и призову его вернуться в мои чертоги с почестями.

Но когда прозвучал приговор, Неллас вдруг разрыдалась.

– Где же его теперь искать? – всхлипывала она. – Он ушел из наших земель, а мир велик!

– Его разыщут, – ответил Тингол.

Он встал с места, а Белег увел Неллас из Менегрота; и сказал он ей:

– Не плачь. Если Турин жив и бродит еще по земле, я найду его, пусть даже все остальные устанут искать.

На следующий день явился Белег к Тинголу и Мелиан; и сказал ему король:

– Белег, дай мне совет, ибо я в печали. Я усыновил сына Хурина, и он останется моим сыном, доколе сам Хурин не явится из мрака и не потребует своего обратно. Не хочу, чтобы обо мне говорили, будто я без вины изгнал Турина в глушь. Рад бы я был его возвращению, ибо я любил его.

И ответил Белег:

– Я буду искать Турина, пока не найду. Я приведу его в Менегрот, если сумею; ибо я тоже люблю его.

И тогда он отправился в путь; и по всему Белерианду, средь множества опасностей, искал он вестей о Турине, но тщетно; а меж тем прошла зима, а за ней весна.

Турин среди изгоев

Теперь речь снова пойдет о Турине. Он, считая себя изгоем и думая, что король станет преследовать его, не вернулся к Белегу, на северные границы Дориата, а отправился на запад, тайно покинул Хранимое королевство и очутился в лесах к югу от Тейглина. До Нирнаэт в тех лесах жило немало людей. Они селились отдельными хуторами. Они были по большей части из народа Халет, но не признавали никаких владык; кормились они охотой и хлебопашеством, пасли свиней в дубравах и обрабатывали огороженные лесные вырубki. Но теперь многие из них погибли или ушли в Бретиль, а все, кто остался, жили в страхе из-за орков и изгоев. Ибо в те жестокие времена немало бездомных и отчаявшихся людей сбились с пути. По большей части то были несчастные беглецы, уцелевшие в битвах или покинувшие свои земли, разоренные войной; но были среди них и такие, кого изгнали в глушь за преступления. Эти изгои кормились тем, что можно добыть в лесу, но зимой, в голодное время, они делались опаснее волков, и те, кто еще держался за свои дома и земли, так и звали их: гаурвайт, люди-волки. И вот человек пятьдесят таких изгоев сбились в шайку и разбойничали у границ Дориата. Их ненавидели едва ли не меньше орков – среди них было немало жестокосердых подонков, готовых перегрызть глотку своим же родичам. Самым отпетым из них был некий Андрог – его изгнали из Дор-ломина за то, что он убил женщину. Были там и другие из той земли: Алгунд, спасшийся из Нирнаэт, самый старый из разбойников, и человек, называвший себя Форвегом. Форвег был главарем шайки. Белокурый, с бегающими глазами, был он высок и отважен, но вел себя недостойно адана из народа Хадора. Разбойники держались начеку и всегда, и в походе, и на стоянке, высылали дозорных, а потому, когда Турин забрел в их владения, они вскоре заметили его. Они выследили Турина, окружили его, и, выйдя на поляну, через которую бежал ручей, он внезапно увидел вокруг себя людей с обнаженными мечами и луками наготове.

Турин остановился, однако страха не выказал.

– Кто вы такие? – спокойно спросил он. – Раньше я думал, что лишь орки охотятся на людей, но теперь вижу, что ошибался.

– Да, ошибался, и еще пожалеешь об этом, – ответил Форвег. – Это наши владения, и чужаков мы сюда не пускаем. Если у чужака не найдется выкупа, ему придется поплатиться жизнью.

– Выкупа у меня не найдется, – рассмеялся Турин, – я всего лишь нищий изгой. Если не верите, можете обыскать меня, когда убьете, но это вам дорого обойдется.

Однако похоже было, что смерть его близка: разбойники натянули луки и ждали лишь приказа главаря – мечом до них было не достать. Но на берегу ручья валялось немало камней, и Турин, видя это, внезапно нагнулся, как раз в тот миг, когда один из разбойников, разозлившись на гордые речи Турина, спустил тетиву. Но стрела пролетела мимо цели, а Турин, выпрямившись, метко запустил в стрелка камнем. Тот рухнул наземь с проломленной головой.

– Вам было бы больше пользы, если бы вы взяли меня к себе, на место этого несчастного, – сказал Турин, и, обернувшись к Форвегу, добавил: – Если ты здесь главный, тебе не следовало бы разрешать своим стрелять без приказа.

– Я и не разрешаю, – ответил Форвег, – и наказание ждать себя не заставило. Я возьму тебя вместо него, если ты будешь послушнее.

Но двоим разбойникам это не понравилось. Один из этих двоих, именем Улрад, был другом убитого.

– Хорошенькое дело! – воскликнул он. – Убил одного из наших лучших людей, и его за это примут в братство!

– Он сам напросился, – возразил Турин. – А что до того, кто лучше, – я предлагаю вам обоим померяться со мной силой, с оружием или голыми руками, и тогда будет видно, гожусь ли я на его место.

С этими словами Турин шагнул в их сторону. Но Улрад отступил и сражаться не пожелал. Другой опустил лук и смерил Турина взглядом. Это был Андрог из Дор-ломина. Наконец он покачал головой.

– Я тебе не ровня, – сказал он. – Да и никто из нас, по-моему. Ладно, будь с нами, я не против. Вот только выглядишь ты странновато – опасный ты человек. Как твое имя?

– Я зовусь Нейтаном, «невинно осужденным», – ответил Турин, и с тех пор изгой звали его Нейтаном. Он сказал им только, что пострадал от несправедливости (и всегда готов был поверить тем, кто говорил о себе то же самое), но не рассказывал ни о своей жизни, ни откуда он родом. Но разбойники видели, что некогда занимал он высокое положение, и что, хотя при нем нет ничего, кроме оружия, оружие у него эльфийское. Он скоро завоевал их уважение, ибо был силен и отважен, и был лучшим следопытом, чем они; и товарищи доверяли ему, ибо он не был жаден и мало заботился о себе; но его боялись, ибо он мог внезапно вспылить, а они не понимали причины его гнева. В Дориат Турин вернуться не мог, да и гордость не позволяла; в Нарготронд, со времен гибели Фелагунда, никого не принимали. Народом Халет, людьми Бретиля, он пренебрегал, считая их ниже себя; а отправиться в Дор-ломин он не решился, ибо все пути были перекрыты, и Турин думал, что в одиночку нечего надеяться перейти Горы Тени. Так Турин остался с изгоями; ибо невзгоды жизни в глуши легче переносить, когда рядом есть хоть какие-то люди. Турин хотел жить, и не мог постоянно ссориться со своими товарищами, а потому ему приходилось смотреть сквозь пальцы на их злодеяния. Но временами в нем пробуждались жалость и стыд, и тогда он бывал опасен во гневе. Так жил он до конца того года, и пережил трудную, голодную зиму, а потом пришло Пробуждение, а за ним ласковая весна.

Так вот, как уже говорилось, в лесах к югу от Тейглина еще были отдельные хутора людей, отважных и бдительных, хотя теперь их оставалось немного. Они не любили изгоев и не особенно жалели их, но зимой, в холода, оставляли в лесу кое-какие съестные припасы так, чтобы гаурвайт могли найти их, – они надеялись уберечь тем самым свои дома. Но изгой были не более способны на благодарность, чем звери и птицы, так что лесных жителей защищали в основном собаки и заборы. Расчищенные земли каждого хутора были обнесены изгородью из колючего кустарника, а вокруг домов шел вал с частоколом; отдельные хутора были связаны торными тропами, и жители могли позвать на помощь, протрубив в рог.

Когда наступила весна, гаурвайт стало опасно бродить вблизи домов лесных жителей – те могли собраться и устроить на них облаву. Турин никак не мог понять, почему же Форвег не уведет их прочь. На юге, где никто не жил, теперь появилось вдоволь еды, время было хорошее, и в глуши было безопаснее. Однажды Турин заметил, что Форвег куда-то исчез вместе со своим другом Андрогом; но когда он спросил у товарищей, где они, те только расхохотались.

– По своим делам, должно быть, ушли, – сказал ему Улрад. – Вот вернутся, и сразу двинемся. Боюсь, придется нам поторопиться, – если они не притащат за собой целый осиный рой, считай, нам повезло.

Сияло солнце, и молодая листва ярко зеленела. Турин вдруг почувствовал отвращение к грязному биваку разбойников и решил пройтись по лесу. Против воли вспоминал он Сокрытое королевство, и в ушах у него звенели дориатские имена цветов, как отзвуки полузабытого наречия. Но внезапно он услышал в лесу крики, и из орешника навстречу ему выбежала насмерть перепуганная девушка. Одежда ее была изодрана о сучья. Девушка споткнулась и упала, задыхаясь. Вслед за ней из кустов выскочил мужчина. Турин, выхватив меч, разрубил ему голову и, только когда тот рухнул наземь, увидел, что это Форвег.

Турин остановился в замешательстве, глядя на окровавленную траву, но тут из кустов выбежал Андрог и тоже застыл в недоумении.

– Скверное дело, Нейтан! – воскликнул он, обнажая меч; но Турин уже остыл и сухо сказал Андрогу:

– А где же орки? Ты, должно быть, обогнал их – так торопился защитить ее?

– Орки? – удивился Андрог. – Ну, дурак! Разбойник, называется! У разбойников нет законов, что хотим, то и творим. Займись своими делами, Нейтан, и не лезь в наши.

– Я и не собираюсь, – ответил Турин. – Но сегодня наши пути пересеклись. Оставь женщину мне, а не то отправишься вслед за Форвегом.

– Ах, вот оно что! – расхохотался Андрог. – Так бы сразу и говорил. Я с тобой в одиночку спорить не собираюсь, – а вот что ребята скажут про это убийство?

Девушка поднялась и взяла Турина за локоть. Она взглянула на убитого, потом на Турина, и в глазах ее вспыхнула радость.

– Убей его, господин! – попросила она. – Убей этого тоже, и идем к нам. Если ты принесешь их головы, мой отец, Ларнах, обрадуется. Он хорошо награждает за головы Волков.

Но Турин не ответил и спросил у Андроба:

– Далеко она живет?

– Где-то в миле отсюда, – ответил тот, – в доме с частоколом. Она бродила по лесу.

– Тогда беги домой, – сказал Турин девушке, – и скажи отцу, чтобы получше смотрел за тобой. А рубить головы своим товарищам я не стану – ни ради дружбы твоего отца, ни ради чего другого.

Он убрал меч в ножны.

– Идем к нашим, – сказал он Андробу. – А если хочешь похоронить своего атамана, тебе придется заняться этим самому. Да поторапливайся – вдруг за нами погонятся. Оружие с него сними!

И Турин ушел. Андрог проводил его взглядом, и долго морщил лоб, словно загадку разгадывал.

Вернувшись к биваку, Турин увидел, что разбойники беспокоятся: они слишком долго задержались здесь, на одном месте, вблизи охраняемых поселений, и теперь злились на Форвега.

– Он там развлекается, а расплачиваться придется нам, – ворчали они.

– Так выберите нового главаря! – сказал Турин, появившись перед ними. – Форвегу вас больше не вести – он мертв.

– Откуда ты знаешь? – спросил Улрад. – Вы что, полезли за медом в один улей, а его пчелки покусали?

– Нет, – ответил Турин. – Хватило и одного укуса. Это я его убил. Но Андроба я не тронул, он скоро придет.

И Турин рассказал разбойникам все, что произошло, и назвал подлецами тех, кто творит такие дела. Он еще не кончил рассказа, как из леса появился Андрог. Он нес оружие Форвега.

– Эй, Нейтан! – крикнул он. – Тревогу так и не подняли. Она, верно, надеется еще раз с тобой повидаться.

– Если будешь издеваться надо мной, – пригрозил Турин, – я, пожалуй, пожалею, что не отдал ей твою голову. Рассказывай все, да покороче.

И Андрог рассказал все как было.

– Не знаю, что там понадобилось Нейтану. Во всяком случае, не то, что нам. Когда я прибежал, Форвег был уже мертв. Девчонке это понравилось, и она позвала Нейтана с собой и попросила наши головы вместо свадебного подарка. Но он отказался и отправил ее к отцу. Не могу понять, что он не поделил с предводителем. Однако мою голову он на плечах оставил, и за это я ему очень признателен, хотя озадачен изрядно.

– Значит, это ложь, что ты из народа Хадора, – сказал Турин. – Ты, должно быть, из рода Улдора Проклятого, тебе бы в Ангбанде служить. Слушайте все! – воскликнул он. – Выби-

райте: отныне в братстве распоряжаюсь я – или ухожу прочь из шайки. А хотите убить меня – попробуйте! Будем драться, пока вы меня не убьете – или пока я вас не перебью.

Тут многие схватились за оружие, но Андрог воскликнул:

– Стойте! В голове, что он оставил на плечах, есть капелька ума. Если мы станем драться с ним, многие погибнут зря, а добьемся мы только того, что прикончим лучшего среди нас.

И Андрог рассмеялся:

– Все повторяется, теперь, как тогда, когда он пришел к нам. Он убивает, чтобы расчистить себе место. В тот раз это пошло нам на пользу – думаю, что и теперь выйдет не хуже: может, с ним мы добьемся лучшей участи, чем рыться по чужим помойкам.

А старый Алгунд добавил:

– Лучший среди нас... Было время, когда любой из нас сделал бы то же самое, если бы духу хватило. Но мы многое забыли. Может, в конце концов он сумеет привести нас домой...

И тут пришло Турину на ум, что этот маленький отряд мог бы помочь ему создать собственное свободное владение. И взглянул он на Алгунда с Андрогом, и молвил:

– Домой, говорите? Высоки и холодны Горы Тени, что преграждают нам путь туда. А за ними – народ Улдора, а вокруг – орды Ангбанда. Если такие преграды не страшат вас, семижды семь воинов, то я могу повести вас к дому. Только далеко ли мы уйдем, прежде чем повстречаем свою смерть?

Все молчали. Турин заговорил снова.

– Так согласны вы, чтобы я стал вашим вождем? Для начала я уведу вас в глушь, туда, где никто не живет. Может, там нам повезет, а может, и нет, – но нас хотя бы не будут так ненавидеть свои же сородичи.

И тогда все люди из народа Хадора собрались вокруг него и провозгласили его вождем; и прочие согласились, хотя и не столь охотно. И Турин тотчас увел их из тех мест⁴⁴.

Многих гонцов разослал Тингол на поиски Турина по Дориату и приграничным землям; но в тот год, когда он бежал, напрасно искали его, ибо никто не знал и не подозревал, что он среди изгоев, врагов людей. Когда наступила зима, все посланцы вернулись к королю – кроме Белега. Все прочие ушли, но он в одиночку продолжал поиски.

А тем временем в Димбаре и на северных границах Дориата стало беспокойно. Дракониий Шлем не являлся более в битвах, и Могучий Лук тоже исчез; прислужники Моргота осмелели и умножились. Зима наступила и прошла, а по весне натиск возобновился: Димбар был захвачен, и люди Бретиля были в страхе, ибо враги бродили вдоль всех их границ, кроме южной.

Минул почти год с тех пор, как Турин бежал из Дориата, а Белег все искал его, начиная терять надежду. В своих скитаниях он забрел на север до самой Переправы Тейглина. Там до Белега дошли дурные вести о набегах орков из Таур-ну-Фуина, и он повернул назад; и вышло так, что он набрел на дома лесных жителей вскоре после того, как Турин покинул те края. И там услышал он странную историю. Появился в лесах высокий благородный воин – эльфийский воин, говорили иные, – и убил одного из гаурвайт, и спас дочь Ларнаха, за которой они гнались.

– Он был очень гордый, – говорила Белегу дочь Ларнаха, – глаза такие светлые, на меня и не взглянул. Но он назвал Волков своими товарищами и не захотел убить того, что стоял рядом – и тот человек знал, как его зовут. Он назвал его Нейтаном.

⁴⁴ В другом варианте этой части повествования Турин открыл изгоям свое настоящее имя и объявил, что, будучи законным владыкой и судьей народа Хадора, он убил Форвега по праву, ибо тот был из Дор-ломина. Тогда Алгунд, старый изгой, что бежал вниз по Сириону из Нирнаэт Арноэдиад, сказал, что глаза Турина давно напоминали ему кого-то, только он не мог вспомнить, кого именно, и теперь он признает в нем сына Хурина. «– Но Хурин был ниже ростом, невысоким для своего народа, хоть и пылок нравом; и волосы у него были цвета червонного золота. Ты же высок и темноволос. Теперь, приглядевшись, я вижу, что ты похож на мать, – она была из народа Беора. Хотел бы я знать, какая судьба постигла ее.– Не знаю, – ответил Турин. – С Севера давно нет вестей». В этом варианте изгой из Дор-ломина выбрали Нейтана вожаком именно потому, что узнали, что это Турин сын Хурина.

– Можешь ли ты разгадать эту загадку? – спросил Ларнах у эльфа.

– Увы, да, – ответил Белег. – Этот человек, о котором вы рассказываете, – тот самый, кого я ищу.

Он больше ничего не сказал лесным жителям о Турине, но предупредил их, что на севере собираются тучи.

– Скоро в этот край явятся свирепые банды орков, – сказал он, – и вам с ними не справиться, их будет слишком много. В этом году вам придется наконец выбирать между вольностью и жизнью. Уходите в Бретиль, пока не поздно!

И Белег поспешно отправился разыскивать логова изгоев и следы, по которым их можно было бы найти. Белег скоро нашел их бивак; но Турин опередил его на несколько дней, и шел он очень быстро, боясь, что лесные жители станут преследовать их; и он пустил в ход все свое искусство, чтобы замести следы и запутать любого, кто попытался бы их догнать. Изгои редко проводили две ночи на одном месте и почти не оставляли следов. Так и вышло, что даже сам Белег напрасно пытался отыскать их. Иногда он находил едва приметные знаки или узнавал о прошедших людях от лесных тварей, чей язык он знал, и тогда он почти настигал их, но, придя на место их становища, неизменно находил его опустевшим: разбойники день и ночь были начеку и, едва заметив, что кто-то приближается к ним, сразу снимались и уходили.

– Увы! – говорил Белег. – Слишком хорошо научил я этого сына людей искусству следопыта! Можно подумать, здесь прошел отряд эльфов.

Но и изгои заметили, что их преследует какой-то неутомимый охотник, который ни разу не попался им на глаза, но оторваться от него было невозможно; и они забеспокоились⁴⁵.

Вскоре, как и опасался Белег, орки перешли Бритиах. Хандир из Бретиля встретил их со всем войском, какое мог собрать, и потому они ушли на юг, за Переправу Тейглина, ища добычи. Многие из лесных жителей послушались совета Белега и отослали своих женщин и детей в Бретиль, прося убежища. Этим удалось спастись, ибо они миновали Переправу вовремя; но вооруженные воины, которые вышли позднее, встретились с орками и потерпели поражение. Некоторым удалось пробиться в Бретиль, но многие погибли или попали в плен; а орки напали на хутора, разграбили и сожгли их. После этого они сразу же повернули на запад, к Дороге, ибо теперь хотели как можно скорее вернуться на Север с награбленным добром и пленными.

Но разведчики изгоев скоро заметили их; им было мало дела до пленных, но добыча орков, что они награбили у лесных жителей, разожгла алчность разбойников. Турину казалось опасным выдавать оркам свое присутствие, пока не стало известно, сколько их; но изгои не хотели его слушать: в глуши они терпели нужду во многом и уже начали жалеть, что выбрали Турина главарем. Поэтому Турин взял себе в напарники некоего Орлега, и отправился вдвоем с ним на разведку; он передал начальство над шайкой Андрогу и велел затаиться и сидеть тихо, пока он не вернется.

Надо сказать, что орков было гораздо больше, чем изгоев, но они находились в тех краях, куда орки редко осмеливались забредать, и к тому же им было известно, что за Дорогой лежит Талат-Дирнен, Хранимая равнина, которую стерегут разведчики и соглядатаи из Нарготронда; поэтому орки боялись нападения и держались начеку, и в лесах вдоль дороги по обеим сторо-

⁴⁵ Все поздние варианты этой части повествования сходятся на том, что когда Турин сделался вожаком разбойников, он увел их от жилищ лесных жителей, располагавшихся в лесах к югу от Тейглина, и что Белег пришел туда вскоре после их ухода; но география весьма расплывчата, и описания перемещений изгоев противоречивы. Ввиду дальнейшего развития повествования приходится предположить, что они остались в долине Сириона и во время нападения орков на жилища лесных жителей находились неподалеку от своих прежних стоянок. В одном пробном варианте они отправились на юг и пришли в земли «выше Аэлин-уиала и Топей Сириона»; но в этом «неприятном краю» люди начали проявлять недовольство и уговорили Турина увести их обратно в леса к югу от Тейглина, где он впервые повстречался с ними. Это соответствует требованиям повествования.

нам движущегося войска крались лазутчики. Так и вышло, что Турина и Орлега заметили: три разведчика наткнулись на них в кустах. Двоих они убили; но третий ускользнул и бросился бежать, вопя: «Голуг! Голуг!» – так они называли нолдор. И орки тотчас принялись бесшумно прочесывать лес. Тогда Турин, видя, что уйти незаметно вряд ли удастся, решил хотя бы сбить их со следа и увести подальше от своих людей. Услышав крики «Голуг!», он понял, что орки боялись соглядатаев из Нарготронда, и бросился на запад вместе с Орлегом. Погоня устремилась за ними, и, как они ни петляли, их в конце концов выгнали из леса; тут их заметили и, когда беглецы пытались пересечь дорогу, Орлег упал, пронзенный множеством стрел. Но Турина спасла эльфийская кольчуга, и он скрылся в пустынных землях за дорогой; он был быстроног и ловок, и ему удалось оторваться от врагов, хотя пришлось забраться далеко в незнакомые земли. Тогда орки, боясь, что их заметят эльфы из Нарготронда, перебили пленных и поспешно ушли на север.

Прошло три дня, а Турина и Орлега все не было. Некоторые из изгоев стали говорить, что пора уйти из пещеры, где они прячутся; но Андрог был против. Спор был в разгаре, как вдруг перед разбойниками появилась серая фигура. Белег наконец нашел их. Он приблизился к ним безоружным, протянув пустые ладони; но изгои в страхе вскочили, и Андрог, подкравшись сзади, накинул на эльфа петлю и стянул ему руки.

– Стеречь надо лучше, если не любите гостей, – сказал Белег. – Что вы на меня набросились? Я пришел как друг, и ищу друга. Я слышал, что вы зовете его Нейтаном.

– Его нет, – сказал Улрад. – А откуда ты знаешь, как мы его зовем? Должно быть, давно следил за нами?

– Он за нами давно следил, – подтвердил Андрог. – Так вот кто нас преследовал все это время! Ну что ж, теперь-то мы, должно быть, узнаем, что ему надо.

И он велел привязать Белега к дереву у пещеры; эльфа связали по рукам и ногам и стали допрашивать. Но Белег на все вопросы отвечал лишь одно:

– Я был другом этому Нейтану с тех пор, как мы впервые встретились в лесу, – он тогда был еще ребенком. Я пришел к нему с добром, и принес ему добрые вести.

– Давайте убьем его и избавимся от этого соглядатая, – предложил разгневанный Андрог. Андрог с завистью поглядывал на большой лук Белега: он сам был стрелком. Но некоторые изгои, более милосердные, воспротивились этому, и Алгунд сказал:

– Может, предводитель еще вернется; и когда он узнает, что лишился и друга, и добрых вестей, ты об этом сильно пожалеешь.

– Не верю я этому эльфу, – сказал Андрог. – Это лазутчик дориатского короля. А если ему в самом деле есть что сказать, пусть скажет нам; а мы посмотрим, стоят ли эти вести того, чтобы оставлять его в живых.

– Я дождусь вашего главаря, – ответил Белег.

– Тогда стой тут, пока у тебя язык не развяжется, – сказал Андрог.

И, по наущению Андрога, изгои оставили Белега стоять у дерева без пищи и воды, а сами сидели перед ним, пили и ели; но Белег молчал. Так прошло два дня и две ночи. Разбойники забеспокоились и разозлились. Они решили уйти; и теперь большинство было за то, чтобы убить эльфа. Когда стемнело, все разбойники собрались вокруг дерева, и Улрад принес головню из костерка, что горел у входа в пещеру. Но тут вернулся Турин. Он подошел неслышно, как всегда, остановился в тени за спиной у разбойников и увидел при свете факела изможденное лицо Белега.

Его словно громом поразило, и глаза его, давно уже сухие, наполнились слезами, точно в его сердце вдруг растаял лед. Турин бросился к дереву.

– Белег! Белег! Как ты попал сюда? Кто посмел связать тебя?

Он в мгновение ока рассек веревки, и Белег рухнул ему на руки.

Когда Турина рассказали, как было дело, он разгневался и опечалился;

но поначалу он думал только о Белеге. Хлопоча над другом, он вспоминал свою жизнь в лесу, и гнев его обратился на себя самого. Сколько раз разбойники убивали чужаков, пойманных вблизи стоянки или на дороге, – а он не препятствовал им! И сам он не раз дурно отзывался о короле Тинголе и о Серых эльфах – и если с ними обращаются как с врагами, в этом есть и его вина. И он повернулся к своим людям и с горечью сказал:

– Как же вы жестоки! И жестоки без нужды. Не случалось раньше, чтобы мы мучили пленных. Живем мы как орки – что ж удивляться, если и ведем мы себя по-орочьи? Беззаконны и бессмысленны были все дела наши, ибо служили мы лишь самим себе, и разжигали ненависть в сердце своем.

Но Андрог возразил:

– Кому же нам служить, как не самим себе? Кого нам любить, если нас все ненавидят?

– По крайней мере, я больше не подниму руки ни на эльфа, ни на человека, – ответил Турин. – У Ангбанда и без меня довольно прислужников. Если другие не согласны дать такую же клятву, я стану жить один.

Тут Белег открыл глаза и приподнял голову.

– Не один! – сказал он. – Выслушай наконец мои вести. Ты не изгнанник, и напрасно носишь ты имя Нейтан. Все твои вины прощены. Тебя искали целый год, чтобы с честью призвать тебя вернуться на службу к королю. Нам очень не хватает Драконьего Шлема.

Но Турин не очень обрадовался этим вестям, и долго сидел молча: когда он услышал слова Белега, на него снова пала тень.

– Подождем до завтра, – вымолвил он наконец. – Тогда я решу. Как бы то ни было, завтра надо уходить отсюда – не все, кто ищет нас, желают нам добра.

– Добра нам никто не желает, – проворчал Андрог и косо глянул на Белега.

К утру Белег уже пришел в себя – в те времена эльфы выздоравливали быстро. Он отвел Турина в сторону.

– Я думал, ты обрадуешься, – сказал он. – Ты ведь вернешься в Дориат?

И Белег принялся уговаривать Турина вернуться. Но чем больше он настаивал, тем больше упрямылся Турин. Тем не менее он подробно расспросил Белега обо всем, что было на суде. Белег рассказал все, что знал. Наконец, Турин спросил:

– Значит, я не ошибался, считая Маблунга своим другом?

– Скажи лучше, другом истины, – ответил Белег, – и это вышло к лучшему. Но почему же ты не сказал ему, что Саэрос первым напал на тебя? Все могло бы выйти по-другому. И теперь ты бы с честью носил свой шлем, а то опустился до такого, – добавил он, покосившись на разбойников, развалившихся у входа в пещеру.

– Быть может – если для тебя это значит «опуститься», – сказал Турин. – Быть может. Но вышло так. У меня слова застряли на губах. Он еще ни о чем меня не спросил, а в глазах у него читался укор за то, чего я не совершал. Да, прав был король эльфов – я высоко возомнил о себе. И не откажусь от этого, Белег Куталион. И гордость не позволит мне вернуться в Менегрот, где все будут смотреть на меня с жалостью и снисхождением, как на напавшего и повинившегося мальчишку. Меня прощать не за что, это мне подобает прощать. И я уже не мальчик, я мужчина, для человека я уже взрослый; а судьба сделала меня твердым.

Белег встревожился.

– Чего же ты хочешь? – спросил он.

– Быть свободным, – ответил Турин. – «Будь свободен», – пожелал мне Маблунг на прощанье. Думается мне, что Тингол не будет настолько великодушен, чтобы принять моих товарищей по несчастью; а я с ними теперь не расстанусь, пока они не пожелают расстаться со

мной. Я люблю их по-своему, даже самых отпетых, и то люблю. Они мои сородичи, и в каждом есть семя добра, которое еще может прорасти. Я думаю, они останутся со мной.

– Значит, твоим глазам доступно то, чего я не вижу, – заметил Белег. – Если ты попытаешься отвратить их от зла, они подведут тебя. Не доверяю я им, особенно одному.

– Как может эльф судить о людях?

– Как и обо всех остальных – по делам, – ответил Белег. Больше он ничего не сказал. Он не стал рассказывать Турину о том, что с ним так дурно обошлись из-за Андроба. Он боялся, что Турин не поверит ему, и порвется их бывшая дружба, боялся снова толкнуть Турина на недобрый путь.

– Ты говоришь, «быть свободным», друг мой Турин, – сказал он. – Что ты имеешь в виду?

– Я хочу стоять во главе своих людей и вести собственную войну, – ответил Турин. – Если я раскаиваюсь, то лишь в одном: что сражался не только с Врагом людей и эльфов. И больше всего на свете я хотел бы, чтобы ты был рядом со мной. Останься!

– Если я останусь, я послушаюсь любви, а не мудрости, – возразил Белег. – Сердце предостерегает меня, что нам нужно вернуться в Дориат.

– И все-таки я не вернусь, – ответил Турин.

Белег еще раз попытался уговорить его возвратиться на службу к Тинголу. Он говорил, что на северных границах Дориата очень нужны сила и отвага Турина, что орки снова не дают покоя – они приходят в Димбар из Таур-ну-Фуина через Анахский перевал. Но все его уговоры были напрасны. И тогда он сказал:

– Ты назвал себя твердым, Турин. Ты не просто тверд, ты упрям. Что ж, буду и я упрямым. Если хочешь быть рядом с Могучим Луком, ищи меня в Димбаре – я возвращаюсь туда.

Турин долго сидел молча, борясь с гордыней, что не позволяла ему вернуться; и перед взором его проходили былые годы. Внезапно он очнулся от задумчивости и спросил Белега:

– Послушай, та эльфийская дева, о которой ты говорил, – я ей очень обязан за своевременное вмешательство, но я совершенно ее не помню. Почему она следила за мной?

Белег странно посмотрел на него.

– Почему? – переспросил он. – Турин, неужели ты так всю жизнь и прожил, как во сне, не замечая ничего вокруг себя? Когда ты был мальчиком, Неллас бродила с тобой по лесам Дориата.

– Это было так давно... – сказал Турин. – По крайней мере, мне кажется, что мое детство было давным-давно, и все такое смутное... Я отчетливо помню только отцовский дом в Дорломине. А почему я бродил по лесам с эльфийской девой?

– Наверно, она учила тебя тому, что знала сама, – ответил Белег. – Ах, сын человеческий! Много в Средиземье печалей, кроме твоих собственных, и не только оружие наносит раны. Знаешь, я начинаю думать, что эльфам и людям лучше бы никогда не встречаться.

Турин ничего не ответил. Он только долго смотрел в глаза Белегу, словно пытался разгадать, что означают его слова. Но Неллас из Дориата больше ни разу не встречалась с Туринном, и в конце концов его тень оставила ее⁴⁶.

О гноме Миме

Когда Белег ушел (а было это на второе лето после бегства Турина из Дориата)⁴⁷, для изгоев наступили дурные времена. Дожди лили не по-летнему, и с Севера и из-за Тейглина, по

⁴⁶ В «Сильмариллионе» (гл. 21, стр. 218–219) далее следует прощание Белега с Туринном, странное предвидение Турина, что судьба приведет его на Амон-Руд, приход Белега в Менегрот (где он получает от Тингола меч Англахель, а от Мелиан – лембас) и его возвращение в Димбар, к войне с орками. Текстов, дополняющих эти сведения, не имеется, поэтому этот отрывок здесь опущен.

⁴⁷ Турин бежал из Дориата летом; осень и зиму он провел с изгоями, а убил Форвега и сделался их вожаком весной

старому Южному тракту, приходили все новые и новые орки, наводняя леса вдоль западных границ Дориата. Отряд не ведал ни покоя, ни отдыха – им чаще приходилось быть преследуемыми, чем преследователями.

Однажды ночью, когда изгои прикорнули во тьме, не разводя костра, Турин лежал и думал о своей жизни, и пришло ему на ум, что могла бы она быть и получше. «Надо поискать какое-нибудь надежное убежище, – думал он, – и запастись едой на зиму, на голодное время». И на следующий день он повел своих людей далеко, дальше, чем они когда-либо уходили от Тейглина и границ Дориата. После трехдневного перехода они остановились на западной окраине лесов долины Сириона. Земля там была суше и каменистее – местность поднималась вверх, к вересковым пустошам.

Вскоре случилось так, что в сумерках дождливого серого дня Турин и его люди укрылись в зарослях падуба, а перед зарослями была прогалина, усеянная множеством стоячих и поваленных камней. Все было тихо, только с листьев капало. Вдруг часовой подал сигнал, все вскочили и увидели три фигурки в серых капюшонах, осторожно пробиравшиеся меж камнями. Каждый тащил большой мешок, но шли они быстро.

Турин крикнул им: «Стой!», и его люди бросились за ними, как борзые, но те не остановились; Андрог выпустил им вслед две стрелы, но двое все же скрылись в сумерках. Один отстал – то ли он был не таким расторопным, то ли мешок его оказался тяжелее прочих. Его догнали, повалили на землю, в него вцепилось множество крепких рук, хотя пойманный отбивался изо всех сил и кусался как звереныш. Но Турин, подойдя, прикрикнул на своих людей.

– Кто у вас там? Можно бы и поосторожнее. Он же старый и маленький. Что он нам сделает?

– Он кусается, – сказал Андрог, показав окровавленную руку. – Это орк или орочье отродье. Убить его надо!

– Он это заслужил – за то, что обманул наши надежды, – сказал другой, успевший порваться в мешке. – Тут одни корешки и камушки.

– Нет, – сказал Турин. – У него борода. По-моему, это всего-навсего гном. Дайте ему подняться, и пусть говорит.

Вот так в «Повести о детях Хурина» появился Мим. Он на коленях подполз к Турину и принялся молить о пощаде.

– Я старый, я бедный, – хныкал он. – Всего лишь гном, как ты изволил сказать, а вовсе не орк. Мое имя Мим. Не дай им убить меня ни за что ни про что, господин, ведь вы же не орки.

Тогда в душе Турина проснулась жалость к гному, но он сказал:

– Ты, Мим, и в самом деле кажешься бедным, хоть это и странно для гнома; но мы еще беднее: нет у нас ни дома, ни друзей. Если я скажу, что мы в великой нужде и из одной только жалости никого не щадим, что ты предложишь как выкуп?

– Я не знаю, чего ты желаешь, господин, – осторожно ответил Мим.

– Сейчас – совсем немного! – горько воскликнул Турин, оглядываясь и вытирая капли дождя, заливавшие глаза. – Спать в тепле, в безопасном месте, а не в сыром лесу. У тебя-то, наверно, есть такое убежище?

– Есть, – ответил Мим, – но я не могу отдать его в выкуп. Я слишком стар, чтобы жить под открытым небом.

– А тебе не обязательно становиться старше, – проворчал Андрог, подступая к гному с ножом в здоровой руке. – Я тебя от этого охотно избавлю.

– Господин! – возопил Мим в великом страхе. – Если я лишусь жизни, ты лишишься убежища – без Мима ты его не найдешь. Я не могу отдать его тебе, но могу разделить его с тобой. Там теперь просторнее, чем в былые годы: слишком многие ушли навсегда.

Он заплакал.

– Твоя жизнь в безопасности, Мим, – сказал Турин.

– По крайней мере, пока не доберемся до его логова, – хмыкнул Андрог.

Но Турин обернулся к нему и сказал:

– Если Мим без обмана приведет нас в свой дом, и дом окажется хорошим, его жизнь выкуплена; и никто из моих людей не убьет его. Я клянусь в этом.

Тогда Мим обнял колени Турина, говоря:

– Мим будет тебе другом, господин. Сперва я по твоей речи и голосу принял тебя за эльфа; но ты человек, это лучше. Мим не любит эльфов.

– Где этот твой дом? – перебил Андрог. – Он должен быть очень хорошим, чтобы Андрог согласился делить его с гномом. Потому что Андрог не любит гномов. На востоке, откуда пришел его народ, об этой породе рассказывают мало хорошего.

– Суди о моем доме, когда увидишь его, – ответил Мим. – Но вы, неуклюжие люди, сможете пробраться туда только при дневном свете. Когда можно будет отправиться в путь, я вернусь и отведу вас.

– Ну уж нет! – воскликнул Андрог. – Ведь ты не позволишь этого, предводитель? А то мы этого старого плута больше не увидим.

– Темнеет уже, – сказал Турин. – Пусть оставит какой-нибудь залог. Что ты скажешь, Мим, если твоя ноша останется у нас?

Но гном снова упал на колени – он казался ужасно обеспокоенным.

– Если бы Мим решил не возвращаться, разве вернется он из-за какого-то мешка с кореньями? – сказал он. – Я вернусь, вернусь! Отпустите меня!

– Не отпущу, – сказал Турин. – Не хочешь расставаться с мешком – оставайся вместе с ним. Просидишь ночь в мокром лесу – может, пожалеешь нас.

Но он, как и прочие, заметил, что Мим гораздо больше дорожит мешком, чем тот стоит с виду.

Они отвели старого гнома в свое унылое становище. По дороге он что-то бормотал на непонятном языке, в котором слышались отзвуки застарелой ненависти; но когда ему связали ноги, он внезапно притих. Часовые видели, что он всю ночь просидел молча, неподвижно, как камень, и лишь бессонные глаза сверкали в темноте.

К утру дождь перестал, и в вершинах зашумел ветер. Рассвет был ясный, впервые за много дней, и легкий южный ветерок расчистил светлое небо. Мим все сидел неподвижно и казался мертвым, ибо теперь он прикрыл тяжелые веки, и в утреннем свете выглядел дряхлым и иссохшим. Турин встал и взглянул на него.

– Уже светло, – сказал он.

Мим открыл глаза и указал на пути; когда его освободили, он яростно выпалил:

– Запомните, глупцы: не смейте связывать гнома! Он этого не простит. Мне не хочется умирать, но из-за того, что вы сделали, сердце мое горит. Теперь я жалею о своем обещании.

– А я нет, – сказал Турин. – Ты отведешь меня в свой дом. И до тех пор не будем говорить о смерти. Такова моя воля!

Он смотрел прямо в глаза гному, и Мим не выдержал: немногие могли вынести взгляд Турина, когда он хотел утвердить свою волю или был в гневе. Скоро гном отвернулся и встал.

– Следуй за мной, господин, – сказал он.

– Отлично! – сказал Турин. – А теперь выслушай вот что: я понимаю твою гордость. Может быть, ты умрешь, но связывать тебя больше не станут.

Мим отвел их к тому месту, где его схватили, и указал на запад.

– Вон мой дом! – сказал он. – Я думаю, вы часто его видели, он ведь высокий. «Шарбхунд» звали мы его, пока эльфы не переделали все имена.

Он показывал на Амон-Руд, Лысую гору – ее обнаженная вершина была видна на пустошах за много лиг.

– Видели мы его, но близко не подходили, – сказал Ангрод. – Где же там укрыться? Ни воды, ничего. Я так и думал, что он нас надуть хочет. Кто же на вершине прячется?

– Зато с Амон-Руда видно далеко, – возразил Турин. – Так может быть безопаснее, чем сидеть в лесу. Ладно, Мим, я пойду посмотреть, что ты хочешь предложить нам. Долго ли придется идти туда нам, неуклюжим людям?

– Весь день до вечера, – ответил Мим.

Отряд отправился на запад. Турин шел впереди вместе с Мимом. Выйдя из леса, они все время держались начеку, но кругом было тихо и пустынно. Они прошли через россыпи камней и стали взбираться наверх: Амон-Руд стоял на восточном краю нагорья, поросшего вереском, что разделяло долины Сириона и Нарога; более чем на тысячу футов вздымалась его вершина над каменистыми вересковыми пустошами у подножия. С востока к отрогам горы вел неровный склон, по которому там и сям росли купы берез и рябин и старые могучие боярышники, цеплявшиеся за камень. Нижние склоны Амон-Руда были покрыты зарослями аэглоса; но высокая серая вершина оставалась голой – камень был одет лишь алым серегоном⁴⁸.

Приближался вечер, когда изгои подошли к подножию горы. Они вышли к ней с севера – так вел их Мим. Заходящее солнце озаряло вершину Амон-Руда, и серегон был в цвету.

– Смотрите! – воскликнул Андрога. – Там, на вершине – кровь!

– Пока еще нет, – отозвался Турин.

Солнце садилось, и во впадинах становилось темно. Гора нависала впереди, и изгои никак не могли понять, зачем в такое заметное место нужно идти с проводником. Но когда Мим привел их к горе и они начали взбираться к самой вершине, разбойники заметили, что гном ведет их какой-то тропой, то ли следуя тайным знакам, то ли просто по памяти. Он поворачивал то туда, то сюда, и, глядя по сторонам, они видели, что там сплошные трещины и провалы или крутые склоны, усеянные валунами и ямами, скрытыми под ежевикой и терновником. Без проводника они не нашли бы дороги и за несколько дней.

Наконец они поднялись к более крутым, но и более ровным склонам. Они прошли под старыми рябинами и очутились под сенью высокого аэглоса – там царили сумерки, напоенные сладким ароматом⁴⁹. Внезапно они увидели перед собой каменную стену, ровную и отвесную, которая уходила ввысь и терялась в полутьме.

– Это и есть двери твоего дома? – спросил Турин. – Говорят, гномы любят камень.

И он придвинулся к Миму, боясь, как бы тот не выкинул напоследок какую-нибудь штуку.

– Это не двери дома, это врата города, – ответил Мим.

Он повернул направо вдоль стены и шагов через двадцать вдруг остановился. Турин увидел, что прихотью природы или искусства утес был высечен так, что концы стены заходили друг за друга, и между ними налево шел проход. Вход был укрыт ползучими растениями, гнездившимися в трещинах скалы, но внутри виднелась крутая каменистая тропа, уходившая во тьму. По ней тек небольшой ручеек, и в проходе было сыро. Изгои друг за другом вошли в проход. Наконец тропа повернула направо, к югу, и через заросли терновника вывела их на зеленую лужайку, пересекла ее и исчезла в темноте. Они пришли в дом Мима, Бар-эн-Нибин-ноэг⁵⁰, о

⁴⁸ Аэглос – «снежный терн»; о нем сказано, что он был похож на дрок (утесник), но повыше, и с белыми цветами. «Аэглосом» звалось также копы Гиль-галада. Серегон, «кровь камня» – растение вроде того, что называется «камнеломкой», с темно-красными цветами.

⁴⁹ Утесник с желтыми цветами, через который пробирались в Итилиэне Фродо, Сэм и Голлум, тоже был «высокий, старый и тощий понизу, но вверх густо ветвился», так что они шли, не пригибаясь, «по длинным сухим колоннадам», и кусты были усеяны «желтыми искорками-цветками с легким нежным запахом» («Две твердыни», IV, 7).

⁵⁰ В других местах синдарское название Мелких гномов – «ноэгит нибин» («Сильмариллион», гл. 21, стр. 222) или «нибин

котором говорилось лишь в самых древних преданиях Дориата и Нарготронда, и которого не видел никто из людей. Но тогда наступала ночь, на востоке уже зажглись звезды, и изгои не могли разглядеть, как устроено то удивительное место.

Вершина Амон-Руда была увенчана чем-то вроде короны: огромная плосковерхая каменная шапка. С севера к ней примыкал уступ, плоский, почти квадратный; снизу его было не видно: позади него возвышалась, как стена, вершина горы, а на востоке и на западе края уступа обрывались отвесными утесами. Подняться туда можно было лишь с севера, как шли изгои, да и то, если знать дорогу⁵¹. От расселины шла тропа, проходившая через рощицу карликовых берез, окружавших прозрачный водоем в каменной чаше. Водоем этот питался от источника, бывшего у подножия стены за рощицей, и вода выбегала из него по желобу и белой струйкой ниспадала по западной стене уступа. За деревьями, близ источника, меж двух высоких выступов скалы, был вход в пещеру. Она казалась всего лишь неглубокой нишей с низкой полуразрушенной аркой; но неторопливые руки Мелких гномов расширили и провели ее глубоко в гору за долгие годы, что прожили они здесь, не тревожимые лесными Серыми эльфами.

В сгущающихся сумерках Мим провел их мимо заводи, в которой теперь отражались неяркие звезды меж березовых ветвей. У входа в пещеру он повернулся и поклонился Турину.

– Войди же в Бар-эн-Данвед, Дом Выкупа, – сказал он, – ибо так будет зваться он отныне.

– Может быть, – ответил Турин. – Сперва надо взглянуть.

И он вошел вместе с Мимом, а за ним, видя, что он не боится, последовали и остальные, даже Андрог, который больше всех не доверял гному. Они очутились в кромешной тьме, но Мим хлопнул в ладоши, и из-за угла появился огонек: из прохода в задней стене пещеры выступил другой гном с маленьким факелом.

– А! Значит, я промахнулся – жаль! – сказал Андрог.

Но Мим перебросился с другим гномом несколькими словами на своем грубом языке и, словно встревоженный или разгневанный тем, что услышал, бросился в проход и исчез. Теперь Андрог первый настаивал на том, чтобы идти вперед.

– Нападем первыми! – требовал он. – Их тут, наверное, целое гнездо, но они ведь маленькие!

– Похоже, всего лишь трое, – сказал Турин, и пошел вперед, а остальные пробирались сзади, держась за неровные стены. Проход несколько раз резко поворачивал то влево, то вправо; но наконец впереди показался отблеск света, и они вступили в небольшой, но высокий зал, освещенный неяркими лампами, подвешенными к потолку на тонких цепочках. Мима там не было, но Турин слышал его голос, и он вывел его к двери в конце зала, которая вела в комнату. Заглянув туда, Турин увидел, что Мим стоит на коленях на полу. Рядом молча стоял гном с факелом; а на каменном ложе у стены лежал другой гном. Мим рвал на себе бороду, причитая:

– Кхим, Кхим, Кхим!

– Не все твои стрелы пролетели мимо цели, – сказал Турин Андрог. – Но лучше бы ты промахнулся. Стреляешь ты стремительно, но, может быть, ты не проживешь достаточно долго, чтобы успеть научиться мудрости.

Турин бесшумно вошел и остановился позади Мима.

– Что случилось, Мим? – спросил он. – Я кое-что смыслю в искусстве целения. Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Мим обернулся – глаза его горели красным огнем.

ногрим». О «нагорье, поросшем вереском, что разделяло долины Сириона и Нарога», к северо-востоку от Нарготронда (см. выше), не раз упоминается как о нагорье *Нибин-ноэг* (или с другими вариантами этого названия).

⁵¹ Утес, через который Мим провел их расселиной, что он назвал «вратами города», был, похоже, северным склоном уступа – восточный и западный склоны были гораздо круче.

– Нет, – разве что ты сумеешь повернуть время вспять и обрубить руки твоим безжалостным людям, – ответил он. – Это мой сын, стрела пронзила его. Теперь его уже не дозваться. Он умер на закате. Если бы не ваши путы, я мог бы исцелить его.

И снова давно забытая жалость пробудилась в сердце Турина, как источник в скале.

– Увы! – воскликнул он. – Как бы я хотел остановить эту стрелу! Отныне не напрасно место сие будет зваться Бар-эн-Данвед, Дом Выкупа. Ибо, останемся мы здесь или нет, я считаю себя твоим должником; и, если доведется мне обрести сокровище, я в знак скорби уплачу выкуп за твоего сына, полновесным золотом уплачу я, хотя и не развеселит оно более твоего сердца.

Тогда Мим встал и пристально посмотрел на Турина.

– Я слышу тебя, – сказал он. – Ты говоришь как гномий государь былых времен, и дивлюсь я этому. Ныне остыло мое сердце, хоть и нет в нем радости. И потому я уплачу выкуп за себя: можешь остаться здесь, если желаешь. Но вот что скажу я к этому: тот, кто выпустил стрелу, должен сломать свой лук и стрелы и положить их к ногам моего сына; и не должен он более брать в руки стрелы или ходить с луком. Если он сделает это, он умрет от лука и стрел. Такое проклятие налагаю я на него.

Андрог устранился, услышав это проклятие; и, хотя и с великой неохотой, сломал он свой лук и стрелы и положил их к ногам мертвого гнома. Но, выходя из комнаты, он злобно покосился на Мима и проворчал:

– Говорят, проклятие гнома живет вечно; но и проклятье человека может попасть в цель. Чтoб ему умереть со стрелой в горле!⁵²

Ту ночь они провели в зале. Им не давали спать причитания Мима и Ибуна, его второго сына. Они не заметили, когда гномы замолчали; но когда изгой наконец проснулся, гномы исчезли, и дверь в комнату была завалена камнем. Утро снова было ясное; изгой умылился в пруду, радуясь солнцу, и приготовили еду из того, что у них было; и, когда они ели, перед ними вдруг появился Мим.

Он поклонился Турину.

– Он ушел, и все сделано как надо, – сказал гном. – Он покоится со своими отцами. А мы остались жить – обратимся же к жизни, хоть, быть может, и немного нам осталось. Нравится ли тебе дом Мима? Считаешь ли ты, что выкуп уплачен и принят?

– Это так, – ответил Турин.

– Тогда можешь устраиваться как тебе угодно, все здесь твое, кроме той запертой комнаты: в нее не должен входить никто, кроме меня.

– Мы слышали тебя, – ответил Турин. – Но что до нашей жизни здесь: мы в безопасности – или так кажется; но ведь нам нужно добывать пищу и многое другое. Как же нам выходить отсюда – или, тем более, как нам возвращаться обратно?

Мим расхохотался гортанным смехом, и изгоям это не слишком понравилось.

– Бойтесь, что попали в паутину к пауку? – сказал он. – Мим людей не ест! Да и пауку не справиться с тридцатью осами за раз! Смотрите, вы все при оружии, а я стою перед вами беззащитный. Нет, нам с вами придется делиться всем: и жильем, и пищей, и огнем, а может быть, и другой добычей. Думается мне, что дом этот вы будете стеречь и хранить в тайне ради своего же блага, даже когда узнаете дорогу внутрь и наружу. Вы ее запомните со временем. А пока что Миму или его сыну Ибуну придется вас провожать.

⁵² Встречается другой вариант проклятия Андрoга: «Пусть у него под рукой в час нужды не окажется лука». Мим в конце концов принял смерть от меча Хурина пред Вратами Нарготронда («Сильмариллион», гл. 22, стр. 255).

Турин кивнул и поблагодарил Мима; большинство людей Турина тоже порадовались: в лучах утреннего солнца, в разгар лета, пещера казалась приятным жилищем. Только Андрог был недоволен.

– Поскорее бы нам запомнить все входы-выходы, – ворчал он. – Не случилось нам прежде быть в плену у собственного пленника!

Весь день они отдыхали, чистили оружие и чинили доспехи – у них еще оставалось еды на пару дней, а Мим добавил им из своих запасов. Он одолжил им три больших котла и дров и принес мешок.

– Дрянь, мусор, – сказал он. – Воровать не стоит. Так, корешочки.

Но когда изгои сварили эти коренья, они оказались вкусными, похожими на хлеб, – изгои обрадовались им: они давно соскучились по хлебу, а добыть его они могли только воровством.

– Дикие эльфы их не знают, Серые эльфы их не нашли, а гордецы из-за Моря чересчур горды, чтобы рыться в земле, – сказал Мим.

– А как они называются? – спросил Турин.

Мим глянул на него исподлобья.

– Название у них есть только на гномьем языке, а ему мы не учим, – сказал он. – И мы не станем учить людей искать их: люди жадные и расточительные, они будут копать, пока все не погубят; а теперь они шляются по глуши, а про корешки ничего не знают. От меня ты больше ничего не узнаешь; но я буду давать вам сколько надо, если вы учтиво попросите и не станете подглядывать и воровать.

Он снова рассмеялся гортанным смехом.

– Это великое сокровище, – сказал он. – Голодной зимой они дороже золота: их можно запасать, как белка запасает орехи, и мы уже собираем первый урожай. Но дураки же вы, если думаете, что я не расстался бы с мешком этого добра даже ради спасения собственной жизни.

– Так-то оно так, – сказал Улрад (это он заглянул в мешок, отобранный у Мима), – однако ты все же не захотел расстаться с ним, и после твоих слов я дивлюсь этому еще больше.

Мим обернулся и мрачно посмотрел на него.

– Ты из тех дурней, о ком по весне никто не пожалеет, если они не переживут зиму, – сказал он. – Я ведь дал слово и вернулся бы волей-неволей, с залогом или без залога, – и пусть себе человек, не знающий ни закона, ни совести, думает, что хочет! Но я не люблю расставаться со своим добром по чьей-то злой воле, будь то хотя бы шнурок. Думаешь, я забыл, что ты был среди тех, кто наложил на меня путы и удержал меня, так что мне не пришлось проститься с сыном? Когда я буду раздавать земляной хлеб, тебе я не дам – пусть твои товарищи делятся с тобой, если хотят, а я не стану.

И Мим удалился; но Улрад, оробевший при виде разгневанного гнома, сказал ему в спину:

– Ишь, гордый какой! Однако же у старого мошенника в мешке было что-то потверже и потяжелее, хоть с виду точно такое. Может, в глуши можно найти не только земляной хлеб, но и кое-что другое, чего эльфы тоже не нашли, а людям знать не положено!⁵³

– Может быть, – сказал Турин. – Но в одном гном не солгал – это когда назвал тебя дурнем. Зачем тебе говорить вслух все, что думаешь? Молчал бы, раз уж любезные речи не идут у тебя с языка – так было бы лучше для всех нас.

День прошел спокойно. Никому из изгоев не хотелось выходить из убежища. Турин шагал взад-вперед по лужайке на уступе; он смотрел на восток, на запад и на север и дивился, как

⁵³ Тайна содержимого мешка Мима так и осталась нераскрытой. Единственное, что сказано на эту тему, – это торопливо нацарапанная заметка, где говорится, что, возможно, там были слитки золота, замаскированные под коренья, – Мим разыскивал «старую гномью сокровищницу под „плоскими камнями“». Это, несомненно, упомянутое в тексте «множество стоячих и поваленных камней», меж которых поймали Мима. Но нигде не указано, какую роль эти сокровища должны были играть в истории Бар-эн-Данведа.

далеко отсюда видно в ясную погоду. На севере различал он Бретильский лес, взбирающийся по склонам горы Амон-Обель, что стояла посреди него; и глаза Турина все время обращались туда – он не знал, отчего: сердце влекло его скорее на северо-запад, где, как казалось ему, он мог за многие и многие лиги различить вдаль, на краю света, Горы Тени, ограждавшие его дом. Но вечером, когда алое солнце опускалось в дымку над дальними берегами, Турин устремил свой взор на закат, туда, где скрывалась в глубокой тени Долина Нарога.

Так Турин сын Хурина поселился в чертогах Мима, в Бар-эн-Данведе, в Доме Выкупа.

* * *

Историю Турина от прихода в Бар-эн-Данвед до падения Нарготронда см. в «Сильмариллионе», а также в приложении к «Нарн и Хин Хурин», см. ниже.

Возвращение Турина в Дор-ломин

Наконец, измученный спешкой и дальней дорогой (ибо он без отдыха прошел более сорока лиг), Турин в первый морозный день достиг заводей Иврина, где некогда был он исцелен. Но теперь на месте озера была лишь замерзшая грязь, и Турин не смог снова напиться из него.

Оттуда вышел он к перевалам, ведущим в Дор-ломин⁵⁴; с Севера налетела жестокая метель, и дороги завалило снегом, и пути стали опасны. Двадцать лет и три года минуло с тех пор, как Турин шел этой дорогой, но он отчетливо помнил каждый шаг – так велика была печаль расставания с Морвен. И вот наконец вернулся он в земли, где прошло его детство. Все было пусто и голо; жители той земли оказались малочисленными и неотесанными, и говорили они на грубом языке истерлингов, а бывшее наречие сделалось языком угнетенных – или врагов.

Поэтому Турин пробирался осторожно, пряча лицо и ни с кем не заговаривая; и наконец нашел он тот дом, что искал. Дом стоял пустым и темным, и поблизости не было ни души: Морвен ушла, и Бродда-Пришелец (тот, что силой взял в жены Аэрин, родственницу Хурина) разграбил ее дом и взял себе все, что осталось из ее имущества, и всех ее слуг. Дом Бродды был ближе всех к старому дому Хурина, и туда-то и отправился Турин, измученный скитаниями и горем, и попросился на ночлег; и его впустили, ибо Аэрин все еще поддерживала в этом доме некоторые добрые старые обычаи. Его усадили у огня со слугами и несколькими бродягами, почти такими же мрачными и измученными, как он сам; и Турин спросил, что нового слышно в этих краях.

Услышав его, все умолкли, и кое-кто отодвинулся подальше, косо глядя на чужака. Но один старый бродяга с клюкой сказал ему:

– Если уж говоришь на старом языке, господин, так говори потише и не спрашивай о новостях. Ты хочешь, чтобы тебя избили, как вора, или вздернули, как соглядатая? С виду ты сойдешь и за того, и за другого. Хотя это значит всего лишь, – продолжал он, придвинувшись поближе и понизив голос, – что ты похож на человека из добрых старых времен, на одного из тех, кто пришел с Хадором в золотые дни, когда люди еще не обросли волчьей шерстью. Здесь еще остался кое-кто из таких, только теперь все они либо нищие, либо рабы; кабы не госпожа Аэрин, не видать бы им ни очага, ни похлебки. Откуда ты, и что за новости хочешь узнать?

– Была здесь знатная женщина по имени Морвен, – ответил Турин. – Давным-давно я жил у нее в доме. После долгих скитаний пришел я туда, надеясь на радушный прием, но нет там ни огня, ни людей.

⁵⁴ Выше сказано, что перевал через Амон-Дартир был единственным «от топей Серех до прохода в Невраст далеко на западе».

– Уже больше года нету, – ответил старик. – Тот дом со времен страшной войны был скуден и огнем, и людьми; она ведь была из прежних – да ты знаешь, должно быть, – вдова нашего владыки, Хурина сына Галдора. Однако они не смели тронуть ее – боялись: была она гордая и прекрасная, как королева, пока горе не согнуло ее. Ее звали ведьмой и обходили стороной. «Ведьма» – на нынешнем языке это значит всего лишь «друг эльфов». Однако ж ее ограбили. Пришлось бы ей с дочкой голодать, кабы не госпожа Аэрин. Говорят, она тайком помогала им, и этот хам Бродда, ее муж поневоле, часто бивал ее за это.

– А что же в этом году? – спросил Турин. – Что они, умерли, или их сделали рабынями? А может, орки на них напали?

– Наверное никто не знает, – ответил старик. – Но она исчезла вместе с дочерью. А этот Бродда ограбил ее дом и растащил все, что еще оставалось. Все забрал, до последней собаки, а людей ее сделали рабами – кроме нескольких, кого, как меня, выгнали побираться. Я ведь много лет служил ей, а до нее – великому Владыке; зовут меня Садор Одноногий: будь проклят тот топор – кабы не он, лежать бы мне теперь в Великом Кургане. Как сейчас помню тот день, когда отослали Хуринова мальчика, – как же он плакал! – и она плакала, когда он ушел. Говорят, его отправили в Сокрытое королевство.

Тут старик прервал свою речь и с подозрением покосился на Турина.

– Я всего лишь старый болтун, – сказал он. – Не слушай меня! Приятно поговорить на старом наречии с тем, кто говорит на нем чисто, как в былые годы, но времена теперь дурные, и надо быть осторожным. Не все, кто говорит на светлом наречии, светлы душою.

– Это правда, – ответил Турин. – Моя душа мрачна. Но если ты принимаешь меня за шпиона с Севера или с Востока, немного же мудрости прибавили тебе годы, Садор Лабадал!

Старик, остолбенев, уставился на него; потом проговорил, весь дрожа:

– Выйдем на улицу! Там холодней, зато безопасней. Для дома истерлинга ты говоришь слишком громко, а я слишком много.

Когда они вышли во двор, Садор вцепился в плащ Турина:

– Ты говоришь, давным-давно ты жил в этом доме... Господин мой, Турин сын Хурина, зачем ты вернулся? Наконец-то мои глаза и уши открылись: ведь у тебя голос отцовский. Лабадал – только маленький Турин называл меня так. Он не хотел меня обидеть, – мы тогда были добрыми друзьями. Что же он ищет здесь теперь? Мало нас осталось, и все мы стары и безоружны. Те, что лежат в Великом Кургане, счастливее нас.

– Я не сражаться пришел, – сказал Турин, – хотя после твоих слов, Лабадал, мне захотелось драться. Но это потом. Я пришел за владычицей Морвен и Ниэнор. Что ты знаешь о них? Говори скорее!

– Почти ничего, господин мой, – ответил Садор. – Они ушли втайне. Ходили слухи, что их призвал к себе владыка Турин: мы ведь были уверены, что за эти годы он стал могучим владыкой, может, даже королем где-то в южных странах. Но, похоже, это не так.

– Не совсем, – ответил Турин. – Был я владыкой в южной стране, это теперь я сделался бродягой. Но я не звал их к себе.

– Тогда не знаю, что и сказать тебе. Но госпожа Аэрин должна знать, я думаю. Ей были ведомы все замыслы твоей матери.

– Как же мне поговорить с ней?

– Вот этого не знаю. Плохо пришлось бы ей, если бы застали ее у дверей, в тайной беседе с бродягой из изничтоженного народа, не говоря уж о том, что вряд ли получится ее вызвать. А такому оборванцу, как ты, не дадут пройти в тот конец палаты, к высокому столу – истерлинги схватят и избьют, если не хуже.

И вскричал Турин во гневе:

– Ах, значит, мне нельзя ходить по палате Бродды, а не то избьют? Пойдём, и увидишь!

И с этими словами Турин вбежал в палату, откинул капюшон и, расталкивая всех, кто стоял на пути, зашагал к столу, где сидел хозяин дома со своей женой и прочими знатными истерлингами. Слуги подбежали схватить его, но он отшвырнул их и воскликнул:

– Есть ли главный в этом доме, или это орочье логово? Где хозяин?

Бродда вскочил в гнев.

– Я главный в этом доме! – воскликнул он.

Но прежде, чем он успел добавить что-то еще, Турин сказал:

– Видно, не перенял ты учтивых нравов, что царили в этой земле до вас. Неужто ныне вошло в обычай позволять прислужникам оскорблять родичей жены хозяина? Ибо я родич госпожи Аэрин, и у меня к ней дело. Дозволят ли мне пройти, или я пройду по своей воле?

– Проходи, – хмуро проворчал Бродда, Аэрин же побледнела.

Тогда Турин прошел к высокому столу, остановился перед ним и поклонился.

– Прошу прощения, госпожа Аэрин, что вламываюсь к тебе таким образом, – произнес он, – но дело мое не терпит отлагательств, и я пришел за этим издалека. Я ишу Морвен, владычицу Дор-ломина, и дочь ее Ниэнор. Но дом ее пуст и разграблен. Что ты можешь поведать мне?

– Ничего, – ответила Аэрин в великом страхе – Бродда пристально смотрел на нее. – Я знаю только, что она ушла.

– Не верю, – сказал Турин.

Тут Бродда выскочил из-за стола, – лицо его побагровело от пьяного гнева.

– Ну, хватит! – заорал он. – Чтоб моей жене перечил какой-то оборванец, что бормочет на языке рабов? Нет в Дор-ломине никакой владычицы. А эта Морвен, она была из племени рабов и сбежала, как рабыня из-под стражи. И ты давай беги отсюда, да поживее, а не то велю повесить на первом дереве!

Тут Турин бросился на него, обнажил свой черный меч, схватил Бродду за волосы и откинул ему голову.

– Ни с места, – сказал он всем, – а не то быть ему без головы! Госпожа Аэрин, я попросил бы у тебя прощения еще раз, но, по-моему, этот мужлан причинял тебе лишь зло. Но теперь говори и не отрицай истины! Не Турин ли я, владыка Дор-ломина? Могу ли я приказывать тебе?

– Приказывай! – ответила она.

– Кто разграбил дом Морвен?

– Бродда, – ответила она.

– Когда она бежала и куда?

– Год и три месяца прошло с тех пор, – ответила Аэрин. – Хозяин Бродда и прочие пришельцы с Востока, что живут поблизости, жестоко притесняли ее. Когда-то, давным-давно, ее приглашали в Сокрытое королевство; и вот наконец она отправилась в путь. В то время земли ненадолго освободились от напастей, – говорят, благодаря доблести Черного Меча из южных краев; но теперь опять все по-старому. Она думала, что ее сын живет там и ждет ее. Но, если ты и вправду Турин, боюсь, все пошло вкривь и вкось.

Турин горько расхохотался.

– Вкривь и вкось? – воскликнул он. – Воистину так, ведь пути Моргота всегда кривы!

И внезапно порыв черного гнева охватил его: ибо глаза его открылись, и спали с него последние нити чар Глаурунга, и познал он ложь, опутавшую его.

– Так значит, меня одурачили и отправили сюда на позорную смерть, когда я мог бы с честью пасть у врат Нарготронда?

И показалось ему, что в ночи за стенами дома раздаются крики Финдуилас.

– Не первым умру я здесь! – воскликнул Турин.

И он схватил Бродду, и в порыве отчаяния и гнева, прибавившем ему сил, поднял его в воздух и встряхнул, как собачонку.

– Морвен из племени рабов, говоришь? Ах ты, подлец, сын подлецов, вор, раб рабов!

И швырнул Бродду через стол, навстречу истерлингу, который вскочил, собираясь броситься на Турина.

Бродда упал и сломал себе шею; Турин же, швырнув Бродду, прыгнул сам в ту же сторону и убил еще троих, что пытались спрятаться, ибо при них не было оружия. В палате зашумели. Истерлинги, сидевшие поблизости, набросились бы на Турина, но было там немало людей из прежнего народа Дор-ломина: долго оставались они покорными слугами, но ныне они с криками подняли мятеж. Скоро в палате завязался бой и, хотя у рабов были лишь ножи да то, что попало под руку, а истерлинги были вооружены мечами и кинжалами, многие с той и с другой стороны были убиты, а тут Турин бросился в гущу битвы и перебил всех истерлингов, что оставались в палате.

Турин отдыхал, прислонясь к столбу, и пламя гнева его угасло и рассыпалось пеплом. И подполз к нему старый Садор, и обнял его колени, ибо был смертельно ранен.

– Трижды семь лет и больше – долго ждал я этого часа, – сказал он. – А теперь уходи, уходи, господин! Уходи и не возвращайся, пока не наберешь могучего войска. Они поднимут против тебя всю страну. Многим удалось бежать из чертога. Уходи, а то погибнешь здесь. Прощай!

И он осел на пол и умер.

– Умиравшие говорят правду, – произнесла Аэрин. – Ты узнал, что хотел. Теперь уходи поскорее! И для начала – отправляйся к Морвен и утешь ее, а не то трудно будет мне простить все, что ты натворил здесь. Как ни тяжела была моя жизнь, ты своим насилием обрек меня на смерть. Пришельцы отомстят за эту ночь всем, кто был здесь. Опрометчивы твои деяния, сын Хурина, словно ты так и остался тем ребенком, которого я знала.

– А твой дух, Аэрин дочь Индора, слаб, как в те времена, когда я звал тебя тетей, и ты боялась всякой цепной собаки, – ответил Турин. – Да, ты была создана для лучшего мира. Идем же со мной! Я отведу тебя к Морвен.

– Глубок снег на дорогах, но еще глубже – на моей голове, – отвечала она. – С тобой в глуши меня ждет такая же верная смерть, как здесь, с дикими истерлингами. Того, что ты наделал, тебе не исправить. Уходи! Остаться – значит только ухудшить положение и причинить Морвен еще большее горе. Уходи, умоляю!

И Турин поклонился ей в пояс, повернулся и оставил дом Бродды; но все мятежники, кто был в силах, последовали за ним. Они направились к горам, ибо среди них были люди, хорошо знавшие горные тропы, и беглецы благословляли снег, заметавший их следы. И потому, хотя охота началась быстро – много там было людей и псов, и слышалось ржанье коней, – им удалось уйти на юг, в горы. Оглянувшись, они увидели за собой алое зарево.

– Они подожгли дом, – сказал Турин. – Зачем бы это?

– Они? Да нет, господин, – я думаю, что это она, – сказал человек по имени Асгон. – Воины часто ошибаются в тихих и терпеливых. Она сделала нам много добра, и ей это дорого обходилось. Не слаба она была духом, и всякому терпению есть предел.

Тогда некоторые, самые выносливые, кто мог выдержать зимнюю стужу, остались при Турине и провели его неведомыми тропами в убежище в горах, в пещеру, хорошо известную изгоям и бродягам; в ней был небольшой запас еды. Там они переждали метель, а потом Турина снабдили припасами и вывели к малоизвестному перевалу, что вел на юг, в долину Сириона, где снега не было. У начала спуска провожатые простились с Туринком.

– Прощай, владыка Дор-ломина, – сказал Асгон. – Но не забывай нас. На нас теперь станут охотиться; и Волчий народ станет еще злее из-за твоего прихода. Уходи же и не возвращайся, разве что соберешь войско, которое сможет освободить нас. Прощай!

Приход Турина в Бретиль

И вот Турин спустился к Сириону, и душа его рвалась надвое. Ибо казалось ему, что если прежде должен он был избрать один из двух тяжких путей, то теперь путей оказалось три, и звал Турина его угнетенный народ, которому он принес лишь новые беды. Одно было у него утешение: что Морвен и Ниэнор, несомненно, давно уже в Дориате, и дорога их стала безопасна лишь благодаря доблести Черного Меча. И говорил он себе:

– Где же еще мог бы я найти им лучшее убежище, даже приди я раньше? Если падет Завеса Мелиан, тогда уж всему конец. Нет, пусть лучше все остается как есть; ведь я своим безудержным гневом и опрометчивыми деяниями бросаю тень всюду, куда ни явлюсь. Пусть хранит их Мелиан! А я оставлю их – пусть наслаждаются покоем, до поры ничем не омраченным.

Бросился Турин разыскивать Финдуилас – но было поздно; долго бродил он по лесам вдоль подножий Эред-Ветрина, чуткий и осторожный, как дикий зверь; и устраивал он засады на всех дорогах, что вели на север, к Теснине Сириона. Слишком поздно. Все следы смыло дождями, замело метелями. Но в своих странствиях Турин, держа путь вниз по Тейглину, наткнулся на нескольких людей из народа Халет, из Бретильского леса. Из-за войн их осталось совсем мало, и большинство из них жили в тайном поселении, обнесенном частоколом, на Амон-Обеле в чаще леса. Место то звалось Эффель-Брандир; ибо Брандир сын Хандира правил ими с тех пор, как погиб его отец. Брандир был не воин – он в детстве сломал ногу и охромел; к тому же он по природе отличался мягким нравом, любил дерево больше железа и знание всего, что растет на земле, предпочитал всем прочим наукам.

Но некоторые лесные жители продолжали охотиться на орков на границах; и так Турин и повстречался с ними, слышав вдалеке звуки сражения. Он бросился на шум и, прокравшись меж деревьями, увидел небольшой отряд людей, окруженных орками. Лесные жители отчаянно защищались, прикрывая тыл небольшой купой деревьев, росшей посреди поляны; но орков оказалось слишком много, и видно было, что, если людям не помочь, им придется плохо. Поэтому Турин, прячась в подлеске, принялся топтать и ломать ветви, а потом громко закричал, словно призывая большой отряд:

– А! Вот они! Все за мной! Вперед! Бей, круши!

Орки принялись беспокойно озираться, а тут из чащи вылетел Турин, размахивая руками, словно призывал отставших товарищей, и края Гуртанга у него в руке горели пламенем. Оркам этот клинок был слишком хорошо известен, и не успел Турин приблизиться к ним, как многие уже разбежались. Лесные жители бросились ему навстречу, и они вместе загнали врагов в реку – лишь немногим удалось выбраться на тот берег.

Наконец люди остановились на берегу, и Дорлас, предводитель лесных жителей, сказал:

– Проворный ты охотник, господин мой; вот только люди твои что-то не очень расторопны.

– Да что ты! – ответил Турин. – Наоборот, мы никогда не расстаемся и ходим все как один.

Тогда люди Бретили расхохотались и сказали:

– Да, один такой воин стоит многих. Мы тебе очень обязаны. Но кто ты, и что ты здесь делаешь?

– Свое дело делаю, орков бью, – ответил Турин. – А живу я там, где есть для меня работа. Я Лесной Дикарь.

– Так живи у нас, – сказали они. – Мы живем в лесах, и такие мастера нам нужны. Тебе будут рады!

Турин странно посмотрел на них и сказал:

– Неужто есть еще люди, что позволят мне омрачать их жилища? Но, друзья мои, есть у меня одно печальное дело: найти Финдуилас, дочь Ородрета Нарготрондского, или хотя бы узнать о ее судьбе. Увы! Много недель прошло с тех пор, как увели ее из Нарготронда, – но я все же должен искать.

Люди поглядели на него с жалостью, и Дорлас сказал:

– Не ищи больше. Орочье войско отправилось из Нарготронда к Переправе Тейглина, и мы задолго прознали о нем: орки шли очень медленно, оттого что вели с собой много пленных. Тогда мы решили нанести свой удар, хоть и слабый, и устроили оркам засаду – там были все наши лучники. Мы надеялись спасти хоть часть пленников. Но, увы! Как только мы напали, поганые орки первым делом перебили всех женщин; а дочь Ородрета они пригвоздили копьем к дереву.

Турин стоял, словно громом пораженный.

– Откуда вы знаете? – спросил он.

– Она говорила со мной, прежде чем умерла, – ответил Дорлас. – Она обвела нас взглядом, словно искала кого-то, и проговорила: «Мормегиль. Скажите Мормегилью, что Финдуилас здесь». Больше она ничего не сказала. Но из-за ее последних слов мы положили ее там, где она умерла. Она лежит в кургане у Тейглина. Это было месяц тому назад.

– Отведите меня туда, – сказал Турин; и они отвели его к холму у Переправы Тейглина. Там он лег ничком, и тьма объяла его, так что люди подумали, что он умер. Но Дорлас взглянул на лежащего, обернулся к своим людям и сказал:

– Опоздал! Печально вышло. Но смотрите: ведь это же сам Мормегиль, великий воин из Нарготронда. Как же мы не признали его по мечу? Орки-то догадались!

Сказал он так, ибо слава Черного Меча разлетелась даже по самым глухим лесам.

И потому они подняли его и с почетом отнесли в Эффель-Брандир; Брандир вышел им навстречу и удивился, увидев носилки. Откинув покрывало, взглянул он в лицо Турину сыну Хурина, и мрачная тень пала ему на сердце.

– О жестокие люди Халет! – воскликнул он. – Зачем не дали вы умереть этому человеку? Много трудов положили вы, чтобы принести сюда последнее проклятие нашего народа!

Но лесные жители ответили:

– Да нет, это же Мормегиль из Нарготронда⁵⁵, могучий истребитель орков; он очень поможет нам, если выживет. Да если бы даже и не так, не могли же мы оставить убитого горем человека валяться, как падаль у дороги?

– Не могли, это верно, – ответил Брандир. – Судьба не хотела этого.

И он взял Турина к себе в дом и усердно выхаживал его.

Но когда Турин наконец страхнул с себя тьму, снова наступала весна; он очнулся и увидел зеленые почки, озаренные солнцем. Тогда пробудилась в нем отвага дома Хадора, и он встал и сказал в сердце своем: «Все мои деяния и бывшие дни были темны и исполнены зла. Но вот настал новый день. Стану я жить здесь в мире, и отрекусь от своего имени и рода; и так оставлю я свою тень позади, или хотя бы не брошу ее на тех, кого люблю».

И потому взял он себе новое имя и назвался Турамбар, что на наречии Высших эльфов означает Властелин Судьбы; и поселился он среди лесных жителей, и они любили его, и он требовал забыть его прежнее имя и считать его коренным жителем Бретиля. Но, сменив имя, не мог он сменить свой былой нрав и забыть обиды, что претерпел от прислужников Моргота; и часто отправлялся он охотиться на орков вместе с несколькими товарищами сходного образа

⁵⁵ В «Сильмариллионе» (гл. 21, стр. 238) сказано, что мрачное предчувствие посетило Брандира, когда он услышал «весть, принесенную Дорласом», т. е., похоже, после того, как он узнал, что человек на носилках – это Черный Меч Нарготронда, о котором говорили, что это Турин сын Хурина, правителя Дор-Ломина.

мыслей, хотя Брандир этого не одобрял. Ибо он рассчитывал уберечь свой народ скорее скрытностью и молчанием.

– Мормегилья больше нет, – говорил он, – но смотри, как бы отвага Турамбара не навлекла подобной же мести на Бретиль!

И потому Турамбар оставил свой черный меч, и более не носил его в битве, и сражался чаще с луком и с копьем. Но он не позволял оркам переходить Переправу Тейглина и приближаться к кургану, где покоилась Финдуилас. Хауд-эн-Эллет называли его, Курган Эльфийской Девы, и вскоре орки научились бояться того места и чурались его. И сказал Дорлас Турамбару:

– Ты отказался от имени, но все равно ты Черный Меч; а не правду ли говорит молва, что он будто бы был сыном Хурина из Дор-ломина, владыки дома Хадора?

И ответил Турамбар:

– Я слышал об этом. Но умоляю, не разглашай этого, ведь ты же мне Друг.

Поездка Морвен и Ниэнор в Нарготронд

Когда отступила Жестокая зима, в Дориат пришли новые вести о Нарготронде. Ибо многие из тех, кому удалось вырваться из побоища и пережить зиму в глуши, явились наконец к Тинголу, прося убежища, и стражи границ привели их к королю. Одни из беглецов говорили, что все враги ушли на север, а другие – что Глаурунг до сих пор живет в чертогах Фелагунда; одни говорили, что Мормегиль убит, а другие – что Дракон оплел его чарами, и он и посейчас стоит там, словно обратясь в камень. Но все сходились на том, что в Нарготронде незадолго до разорения стало известно: Черный Меч был не кто иной, как Турин, сын Хурина из Дор-ломина.

Великий страх и печаль охватили Морвен и Ниэнор; и сказала Морвен:

– Воистину, подобные сомнения насланы Морготом! Не лучше ли нам узнать правду и увериться в худшем, что предстоит пережить?

А Тингол и сам очень хотел побольше узнать о судьбе Нарготронда и уже подумывал о том, чтобы выслать разведчиков, которые пробрались бы туда; но король считал, что Турин в самом деле либо убит, либо ему нельзя помочь, и не хотелось Тинголу, чтобы пришел час, когда Морвен будет знать это наверное. Поэтому он сказал ей:

– Опасное это дело, о владычица Дор-ломина, его надобно взвесить и обдумать. Быть может, подобные сомнения и впрямь насланы Морготом, чтобы толкнуть нас на какое-нибудь безрассудство.

Но Морвен в отчаянии вскричала:

– Безрассудство, государь? Если мой сын скитается по лесам и голодает, если он томится в оковах, если тело его лежит непогребенным, я буду безрассудной! Я не хочу терять и часа, но тотчас отправлюсь на поиски.

– О владычица Дор-ломина, – ответил Тингол, – здесь сын Хурина непременно был бы против. Он бы счел, что тут, под покровительством Мелиан, тебе лучше, чем где бы то ни было. Ради Хурина и Турина не хотел бы я отпускать тебя отсюда в эти дни, полные черных напастей.

– Турина ты отпустил навстречу опасностям, а меня к нему не пускаешь! – воскликнула Морвен. – Под покровительством Мелиан! Да, в плену за Завесой. Долго раздумывала я, прежде чем вступить сюда, и теперь жалею, что пришла.

– Нет, владычица Дор-ломина, – возразил Тингол, – если ты говоришь так, то знай: Завеса открыта. Свободной пришла ты сюда, и свободна ты остаться – или уйти.

И тут Мелиан, до сих пор молчавшая, произнесла:

– Не уходи, Морвен. Верно сказала ты: сомнения эти – от Моргота. Если ты уйдешь, ты уйдешь по его воле.

– Страх перед Морготом не удержит меня от зова родной крови, – отвечала Морвен. – Но если ты боишься за меня, государь, дай мне провожатых из твоего народа.

– Над тобой я не властен, – ответил Тингол. – Но мой народ – он мой. Я пошлю их, если сочту нужным.

Морвен больше ничего не сказала, только заплакала; и удалилась она с глаз короля. Тяжело было на сердце у Тингола, ибо казалось ему, что Морвен охвачена безумием⁵⁶; и спросил он Мелиан, не может ли та удержать Морвен своей властью.

– Я сумею противостоять натиску зла извне, – ответила она. – Но с теми, кто хочет уйти, я ничего поделать не могу. Это твое дело. Если ее следует удержать, тебе придется удержать ее силой. Однако это может сломить ее дух.

И вот Морвен пришла к Ниэнор и сказала:

– Прощай, дочь Хурина. Я отправляюсь искать своего сына или верные вести о нем, ибо здесь не хотят ничего сделать, и станут тянуть, пока не будет поздно. Жди меня здесь, – может, я и вернусь.

Тогда Ниэнор в ужасе и скорби принялась отговаривать ее, но Морвен ничего не ответила и ушла в свои покои; и когда наступило утро, она взяла коня и уехала.

Тингол же повелел, чтобы никто не останавливал ее и не чинил никаких препятствий. Но когда она уехала, он созвал отряд самых закаленных и искусных стражей границ и поставил над ними Маблунга.

– Догоните ее, – сказал он, – но пусть она вас не видит. Но когда она окажется в глуши и ей будет угрожать опасность, придите на помощь; и если она не согласится вернуться, охраняйте ее, как сможете. И еще мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь из вас пробрался так далеко, как только получится, и узнал все, что сумеет.

Так и вышло, что Тингол отправил большой отряд, чем собирался сначала, и среди них было десять всадников с запасными конями. Они последовали за Морвен; она же отправилась на юг через Рэгион, и оказалась на берегах Сириона выше Полусветных озер; тут она остановилась, ибо Сирион был широким и быстрым, и она не знала переправы. Поэтому стражникам пришлось объявиться; и сказала Морвен:

– Что, Тингол все же решил задержать меня? Или он наконец посылает мне помощь, в которой отказал поначалу?

– И то, и другое, – ответил Маблунг. – Может, вернешься?

– Нет! – сказала она.

– Тогда придется мне помочь тебе, – сказал Маблунг, – хоть и не по сердцу мне это. Сирион здесь широк и глубок, и опасно переплывать его и зверю, и человеку.

– Тогда переправьте меня тем путем, каким переправляются эльфы, – сказала Морвен, – а не то я отправлюсь вплавь.

Поэтому Маблунг отвел ее к Полусветным озерам. Там, в заводях, скрытых в тростнике, на восточном берегу под охраной стояли тайные паромы; здесь переправлялись посланцы, державшие связь между Тинголом и его родичами в Нарготронде⁵⁷. Вот переждали они, пока в небе не начали гаснуть звезды, и переправились в предрассветном белом тумане. И когда алое солнце поднялось над Синими горами и сильный утренний ветер разогнал туманы, стражники ступили на западный берег и вышли за пределы Завесы Мелиан. То были высокие эльфы из Дориата в серых плащах поверх кольчуг. Морвен наблюдала за ними с парома, пока они молча спускались на берег, и вдруг вскрикнула, указывая на последнего, проходившего мимо.

⁵⁶ В оригинале – непереводимое германское слово *feu*, буквально означающее: «ослеплена безумием и обречена на смерть» – прим. переводчика.

⁵⁷ См. ниже упоминание о том, что Ородрет с Тинголом «обменивались посланиями по тайным тропам».

– Откуда он? – воскликнула она. – Вас было трижды десять, когда вы явились ко мне. Трижды десять и один сходят на берег!

Тут обернулись остальные и увидели, как вспыхнули на солнце золотые волосы: ибо то была Ниэнор, и ветер сорвал с нее капюшон. Так стало известно, что она последовала за отрядом и присоединилась к ним в темноте, перед самой переправой. Все были очень встревожены, а Морвен – больше всех.

– Уходи! Уходи, я велю! – вскричала она.

– Если супруга Хурина может отправиться в путь по зову родной крови вопреки всем советам, – отвечала Ниэнор, – то и дочь Хурина на это способна. «Скорбью» назвала ты меня, но не хочу я в одиночестве скорбеть по отцу, брату и матери. Из троих я знаю одну тебя, и тебя люблю я больше всех. И я не боюсь ничего, чего не боишься ты.

И в самом деле, не было заметно особого страха ни в ее лице, ни в поведении. Статной и сильной казалась она; ибо люди дома Хадора были высоки ростом, и сейчас, в эльфийском одеянии, она почти не отличалась от стражников, уступая лишь самым могучим.

– Что ты собираешься делать? – спросила Морвен.

– Идти туда же, куда и ты, – ответила Ниэнор. – Вот твой выбор. Либо ты отведешь меня назад и укроешь за Завесой Мелиан – ведь мудрый не отвергнет ее советов. Либо же знай, что я отправлюсь с тобой навстречу любым опасностям.

Ибо на самом деле Ниэнор отправилась в путь в первую очередь потому, что надеялась, что из страха и из любви к ней мать вернется. Морвен и в самом деле разрывалась надвое.

– Одно дело отвергнуть совет, – сказала она. – Другое дело – послушаться матери. Отправляйся назад!

– Нет, – ответила Ниэнор. – Я уже давно не ребенок. У меня есть своя воля и свой разум, просто до сих пор моя воля не расходилась с твоей. Я пойду с тобой. Лучше бы в Дориат, из уважения к его правителям; но если нет, значит, на запад. На самом деле, если кому из нас двоих и следует продолжать путь, так скорее уж мне, я ведь в расцвете сил.

И Морвен увидела в серых глазах Ниэнор упорство Хурина, и ее охватила нерешительность; но не могла она побороть свою гордыню: не хотелось ей, чтобы собственная дочь (говоря начистоту) привела ее назад, словно выжившую из ума старуху.

– Я поеду дальше, как и собиралась, – сказала она. – Поезжай и ты, но нет на то моей воли.

– Да будет так, – ответила Ниэнор.

Тогда Маблунг сказал своим:

– Воистину, не отваги, но благоразумия недостает роду Хурина – тем-то и приносят они горе всем, кто рядом! Таков был Турин, – но не такими были его отцы. Но теперь все они одержимы безумием. Не нравится мне все это. Это поручение короля страшит меня более охоты на Волка. Что же мне делать?

Но Морвен, что уже вышла на берег и приблизилась к Маблунгу, расслышала его последние слова.

– Делай то, что велел тебе король, – молвила она. – Отправляйся за вестями о Нарготронде и о Турине. За этим мы все и едем.

– Но путь долог и опасен, – возразил Маблунг. – Если вы отправитесь с нами, вы обе должны ехать верхом вместе со всадниками и ни на шаг от них не отходить.

Так и вышло, что, когда стало совсем светло, они тронулись в путь и наконец, все время держась на чеку, выбрались из зарослей тростника и низкорослых ив и очутились в сумрачных лесах, покрывавших большую часть южной равнины, что примыкала к Нарготронду. Весь день они шли на запад, и видели лишь запустение, и не слышали ни звука: кругом царило безмолвие, и Маблунгу казалось, что все застыло в страхе. Они пробирались тем же путем, что и Верен много лет назад; тогда лес был полон незримых охотников, но теперь народ Нарога исчез, а

орки, похоже, еще не забредали так далеко на юг. Ту ночь они провели в сумрачном лесу, не разводя костра.

Так шли они еще два дня, и к вечеру третьего дня после переправы они пересекли равнину и приближались уже к восточному берегу Нарога. Тут Маблунга охватило такое беспокойство, что он принялся умолять Морвен не ходить дальше. Но она лишь рассмеялась и сказала ему:

– Тебе хочется поскорее избавиться от нас, да это и понятно. Но придется тебе повозиться с нами еще немного. Мы уже слишком близко, чтобы отступать из трусости.

Тогда вскричал Маблунг:

– Безумны вы обе, и отвага ваша безумна! Разве поможете вы разведчикам? Только помешаете! Слушайте же меня! Мне было велено не задерживать вас силой; но велено мне также беречь вас, как только можно. Теперь приходится мне выбирать одно из двух. И я предпочитаю сберечь вас. С утра я отведу вас на Амон-Этир, Дозорный холм – это здесь неподалеку; там я и оставляю вас с охраной, и дальше вы шагу не ступите, пока я здесь главный.

Амон-Этиром назывался курган, огромный, как гора; много лет назад с великими трудами сложили его по велению Фелагунда на равнине перед его Вратами, в лиге к востоку от Нарога. Курган тот порос лесом, но на вершине его деревьев не было, и оттуда были видны все дороги, что вели к большому нарготрондскому мосту, и все земли вокруг Нарготронда. Всадники подъехали к этому холму ближе к полудню и поднялись на него с восточной стороны. Маблунг взглянул на Высокий Фарот, что вздымался за рекой, бурый и нагой⁵⁸, и увидел своим эльфийским взором террасы Нарготронда на крутом западном берегу и зияющие Врата Фелагунда – черное отверстие в склоне горы. Но он не услышал ни звука и не увидел никаких признаков присутствия врагов или самого Дракона – кроме пятна гари у Врат, что выжег он в день побоища. Все было тихо, светило бледное солнце.

Поэтому Маблунг, как и говорил, велел своим десяти всадникам остаться на вершине с Морвен и Ниэнор и не уходить, пока он не вернется, разве что появится какая-нибудь грозная опасность; в этом случае всадники должны были окружить Морвен и Ниэнор и скакать во весь опор на восток, к Дориату, отправив вперед гонца с вестями и за помощью.

Потом Маблунг взял остальных двадцать воинов, и они спустились с холма; пробравшись на западную равнину, где деревьев было мало, они рассыпались и отправились к Нарогу каждый своим путем, смело, но осторожно. Сам Маблунг пошел посередине, прямо к мосту, и, выйдя к нему, увидел, что мост совершенно разрушен; меж обвалившихся камней ревела и пенилась глубокая и бурная река, разбухшая от дождей далеко на севере.

Но Глаурунг был тут. Он лежал, укрывшись в проходе, что вел вглубь дворца от разрушенных Врат, и давно уже заметил соглядатаев, хотя немногие в Средиземье различили бы их на таком расстоянии. Но жуткий взгляд Дракона был острее орлиного, и видел он дальше зорких эльфов; он даже знал, что часть их осталась позади, на голой вершине Амон-Этира.

И вот, когда Маблунг пробирался среди скал, ища, как бы перейти реку по камням, оставшимся от моста, Глаурунг выполз наружу, полыхнув пламенем, и спустился в реку. Послышалось шипение, и к небу поднялись клубы пара; Маблунга и его спутников, что прятались поблизости, окутало слепящей мглой и жутким зловонием; и большинство из них бросились бежать в сторону Дозорного холма. Но Маблунг отполз в сторону и притаился за скалой, пережидая, пока Глаурунг переберется через реку, и остался там – у него было еще одно дело. Теперь он знал, что Глаурунг действительно живет в Нарготронде; но ему было велено, по возможности, также разузнать о судьбе сына Хурина; и потому он, набравшись мужества, решил перейти реку, когда Глаурунг уползет, и осмотреть чертоги Фелагунда. Он ведь думал, что сделал все,

⁵⁸ В «Сильмариллионе» (гл. 14, стр. 121) Высокий Фарот, или Таур-эн-Фарот, назван «лесистыми нагорьями». «Бурый и нагим» он назван, вероятно, потому, что тогда было начало весны, и деревья стояли без листьев.

чтобы сберечь Морвен и Ниэнор: Глаурунга заметят издалека и, должно быть, всадники уже мчатся к Дориату.

Глаурунг прополз мимо – огромный силуэт в тумане; Змей полз быстро – он был могуч, но очень гибок и проворен. Маблунг с великой опасностью переправился через Нарог; а в это время наблюдатели на Амон-Этире увидели Дракона и ужасно испугались. Они велели Морвен и Ниэнор тотчас, без пререканий, садиться в седло, и собирались бежать на восток, как было велено. Но не успели они спуститься на равнину, как порыв недоброго ветра принес пар и вонь, какой ни один конь не вынесет. Кони, ослепленные мглой, взбесились от запаха Дракона, сделались неуправляемыми и заметались. Стражники рассеялись и потеряли друг друга; многих кони сильно расшибли о стволы деревьев. Ржанье коней и крики всадников достигли ушей Глаурунга; и он был весьма доволен.

Один из эльфов, борясь с конем, видел, как мимо пронеслась во мгле владычица Морвен, серая тень на бешеном скакуне; но она скрылась в тумане, крича «Ниэнор!», и больше они ее не видели.

Когда нахлынул слепой ужас, конь Ниэнор помчался, не разбирая дороги, споткнулся, и она вылетела из седла. Она удачно упала на траву и не ушиблась, но, встав на ноги, обнаружила, что осталась одна: совсем одна в тумане, без коня и без спутников. Однако она не растерялась, поразмыслила и решила, что не стоит бежать на крики: крики слышались со всех сторон, но постепенно удалялись. Ей показалось, что лучше всего снова подняться на холм: ведь Маблунг непременно должен будет прийти туда, прежде чем отправиться обратно, хотя бы затем, чтобы убедиться, что никого из его отряда там не осталось.

Девушка пошла наугад, все в гору, и нашла холм – он и в самом деле был неподалеку. Она стала медленно взбираться вверх по тропинке, что вела на холм с востока. Наверху мгла становилась все реже, и вот наконец она вышла к вершине, освещенной солнцем. Она шагнула вперед и посмотрела на запад. И прямо перед ней воздвиглась огромная голова Глаурунга, который как раз вполз на холм с другой стороны; она не успела понять в чем дело, как Дракон поймал ее взгляд; а глаза Дракона были ужасны, в них горел злобный дух Моргота, его хозяина.

Ниэнор попыталась бороться с Глаурунгом – у нее была сильная воля; но и змей обладал великой мощью.

– Чего ты ищешь здесь? – спросил он.

И она против воли ответила:

– Я ищу некоего Турина, он одно время жил здесь. Но он, наверно, умер.

– Не знаю, не знаю, – ответил Глаурунг. – Его оставили защищать женщин и раненых; но когда явился я, он бросил их и сбежал. Хвастлив, но, похоже, трусоват. Зачем тебе понадобился такой ничтожный человечиска?

– Лжешь! – сказала Ниэнор. – Дети Хурина – кто угодно, только не трусы. Мы тебя не боимся.

И Глаурунг расхохотался, ибо так хитрость помогла ему узнать Ниэнор.

– Тогда глупцы вы оба, и ты, и твой братец, – прошипел он. – И похвальба ваша окажется пустыми словами. Ибо я – Глаурунг!

И змей впился взглядом в ее глаза, и воля ее угасла. Ей показалось, что солнце померкло и все вокруг сделалось расплывчатым; и постепенно ее охватила глубокая тьма, и во тьме не было ничего: она ничего не знала, ничего не слышала, ничего не помнила.

Маблунг долго обшаривал подземелья Нарготронда. Он осмотрел все, что мог, как ни мешали ему тьма и зловоние; но ничего живого не нашел: вокруг были одни недвижные кости, и на крики никто не отзывался. Наконец, не выдержав жути, что наполняла эти подземелья, и боясь, что вернется Глаурунг, Маблунг возвратился ко Вратам. Солнце опускалось к западу, и черные тени Фарота лежали на террасах и на бурной реке внизу; но вдалеке, у Амон-Этира, ему почудился жуткий силуэт Дракона. Переправляться назад было труднее и опаснее, потому что

Маблунг боялся Дракона и торопился; не успел он ступить на восточный берег и спрятаться под обрывом, как появился Глаурунг. Но теперь он полз медленно и бесшумно, потому что его пламя угасло: он потратил много сил, и теперь ему хотелось отдохнуть и подремать в темноте. Вот он, извиваясь, пересек реку и пополз к Вратам, как огромная змея. Он был пепельно-серый и оставлял за собой слизистый след.

Но прежде, чем скрыться в пещере, он обернулся и посмотрел на восток, и из его пасти раздался хохот Моргота, глухой, но жуткий, как отзвук темной злобы, таящейся в черной бездне. А потом прозвучал голос, холодный и низкий:

– Вон ты прячешься под обрывом, как мышонок, Маблунг могучий! Плохо исполняешь ты поручения Тингола. Беги к холму и полюбуйся, что стало с твоей подопечной!

И Глаурунг уполз в свое логово. Солнце село, спустились серые сумерки, стало холодно. Маблунг бросился к Амон-Этиру; на востоке зажигались первые звезды, когда он поднялся на вершину. И на фоне звезд он увидел черную безмолвную фигуру, подобную каменной статуе. То была Ниэнор. Она стояла, и не слышала ни слова, и не отвечала ему. Но когда Маблунг наконец взял ее за руку, она шевельнулась и позволила увести себя; пока он вел ее, она шла, но, стоило отпустить ее руку, она застывала на месте.

Маблунг был в великом горе и растерянности; но ему ничего не оставалось делать, кроме как вести Ниэнор за руку на восток всю дорогу, без помощи и без спутников. Так они и шли, как во сне, через ночную равнину. А когда рассвело, Ниэнор споткнулась и упала, и осталась лежать без движения; Маблунг же сел рядом и предавался отчаянию.

– Не напрасно я боялся этого поручения! – сказал он. – Похоже, что оно будет для меня последним. Пропаду я в глуши с этим несчастным чадом людей, и имя мое покроется позором в Дориате – если только о нашей судьбе вообще узнают. Верно, остальные все погибли, а ее Дракон пощадил – но не из жалости.

Так и нашли их три спутника, которые бежали от Нарога, заведя Глаурунга; они долго блуждали, и наконец, когда мгла рассеялась, вышли назад к холму. Там они никого не нашли, и отправились искать дорогу домой. Тут вернулась к Маблунгу надежда; и они пошли дальше, забирая к северо-востоку, потому что на юге дороги к Дориату не было, а паромщикам после того, как пал Нарготронд, было запрещено перевозить идущих с запада.

Медленно шли они, словно вели усталого ребенка. Но по мере того, как они удалялись от Нарготронда и приближались к Дориату, к Ниэнор мало-помалу возвращались силы, и когда ее вели за руку, она послушно шла час за часом. Но ее широко распахнутые глаза по-прежнему ничего не видели, уши не слышали ни слова, и уста были безмолвны.

И вот наконец после долгих дней пути они приблизились к западной границе Дориата, к югу от Тейглина: они собирались войти в небольшие владения Тингола за Сирионом и выйти к охраняемому мосту при устье Эсгалдуина. Там они остановились на ночлег; Ниэнор уложили на ложе из травы, и она прикрыла глаза, чего раньше не бывало, и вроде бы уснула. Тогда и эльфы прилегли отдохнуть, и не выставили часовых, ибо очень устали. И так их застала врасплох шайка орков – много их бродило теперь по тем краям, почти у самых границ Дориата. Во время схватки Ниэнор вдруг вскочила с ложа, словно разбуженный по тревоге среди ночи, и с криком бросилась в лес. Орки рванулись за ней, а эльфы – за орками. Но с Ниэнор произошла странная перемена – она теперь мчалась быстрее всех, летя меж стволов, как олень, и ее волосы развевались на бегу. Орков Маблунг с товарищами скоро догнали, перебили всех до единого и бросились дальше. Но Ниэнор и след простыл; она исчезла, как призрак, и эльфы не смогли найти ее, хотя искали много дней.

Наконец Маблунг вернулся в Дориат, согбенный горем и стыдом.

– Ищи себе нового предводителя охотников, государь, – сказал он королю. – Ибо я покрыл себя позором.

Но Мелиан сказала:

– Это не так, Маблунг. Ты сделал все, что мог, и никто из слуг короля не смог бы сделать столь много. Но злая судьба столкнула тебя с силой, что слишком велика для тебя, и не только: для любого из живущих ныне в Средиземье.

– Я послал тебя на разведку, и ты узнал все, что было нужно, – добавил Тингол. – Не твоя вина, что те, для кого эти вести важнее всего, ныне не могут их услышать. Воистину прискорбна гибель рода Хурина, но не на тебе лежит вина за это.

Ибо не только Ниэнор обезумела и убежала в глушь, но и Морвен также пропала. Ни тогда, ни после не узнали наверное о ее судьбе ни в Дориате, ни в Дор-ломине. Однако Маблунг все не мог успокоиться, и с небольшим отрядом отправился в леса и три года скитался в глуши, от Эред-Ветрина до самых Устьев Сириона, ища следов пропавших или вестей о них.

Ниэнор в Брети́ле

Что до Ниэнор, она мчалась через лес, слыша позади крики погони; и на бегу сорвала она с себя одежды и бежала нагая; она бежала весь день, как зверь, которого вот-вот загонят насмерть, и он мчит, не смея остановиться и перевести дыхание. Но к вечеру безумие вдруг оставило ее. Она постояла минутку, словно в изумлении, а потом, сраженная смертельной усталостью, рухнула, как подкошенная, в заросли папоротника. И там, в гуще старого папоротника и упругих весенних завитков, она лежала и спала, ничего вокруг не замечая.

Утром она проснулась и обрадовалась солнцу, словно впервые увидела его; и все вокруг казалось ей новым и незнакомым, и она не знала имен вещей. Ибо позади нее была лишь темная пустота, не пропускавшая ни единого воспоминания, ни единого слова. Лишь тень страха помнила она, и оттого была пуглива и все время искала, куда бы спрятаться: стоило какому-нибудь шороху или тени потревожить ее, она тут же взлетала на дерево или ныряла в кусты, проворно, словно белка или лиса, и долго выглядывала из-за листьев, прежде чем выйти из убежища.

Она пошла дальше в ту же сторону, куда бежала, и вышла к реке Тейглин, и утолила жажду; но еды она не могла найти, ибо не знала, как это делается, и ей было голодно и холодно. Деревья за рекой казались гуще и темнее (так оно и было, ибо там начинался Брети́льский лес), и потому она наконец перебралась на тот берег, набрела на зеленый курган и бросилась наземь: у нее не осталось сил, и казалось ей, что тьма, лежащая позади, вновь настигает ее, и солнце затмевается.

Но на самом деле то была большая гроза, что пришла с юга и принесла с собой молнии и ливень; и девушка вжалась в землю, напуганная ударами грома, и черный дождь хлестал ее нагое тело.

И случилось так, что несколько жителей Брети́ля проходили мимо в тот час, возвращаясь с охоты на орков, торопясь к убежищу, что было неподалеку, за Переправой Тейглина; и вот полыхнула молния, и Хауд-эн-Эллет озарился белым пламенем. И Турамбар, который вел людей, отшатнулся и зажмурился, содрогнувшись; ибо показалось ему, что он видит на могиле Финдуилас призрак убиенной девы.

Но один из его людей бросился к кургану и окликнул предводителя:

– Сюда, господин! Тут молодая женщина, она жива!

И Турамбар подошел и поднял ее, и с ее мокрых волос заструилась вода; девушка же прикрыла глаза, дрожала и не сопротивлялась. Турамбар, дивясь, что она лежит здесь совсем нагая, укрыл ее своим плащом и отнес в охотничью избушку в лесу. Там они разожгли огонь и закутали ее в одеяла, и девушка открыла глаза и посмотрела на них; и как только ее взгляд упал на Турамбара, лицо ее просияло, и она потянулась к нему, ибо ей показалось, что она наконец обрела нечто, что искала во тьме, и она успокоилась. А Турамбар взял ее за руку, улыбнулся и сказал:

– Ну что, госпожа моя, не скажешь ли ты нам, как твое имя и какого ты рода, и какая беда приключилась с тобой?

Она ничего не ответила, только покачала головой и заплакала; и они больше не тревожили ее, пока она не поела, – она с жадностью съела все, что ей дали. Наевшись, она вздохнула и снова вложила свою руку в руку Турамбара; и он сказал:

– У нас ты в безопасности. Переночуй здесь, а утром мы отведем тебя к себе домой, на гору в лесу. Но мы хотели бы знать твое имя и твоих родичей – быть может, мы могли бы отыскать их и сообщить им о тебе. Назови же их.

Но она снова ничего не ответила и расплакалась.

– Не тревожься! – сказал Турамбар. – Наверно, повесть твоя слишком печальна, чтобы рассказывать ее теперь. Но я дам тебе имя и буду звать тебя Ниниэль, «слезная дева».

Услышав это, она подняла глаза и покачала головой, но повторила:

– Ниниэль...

Это было первое слово, что произнесла она после забытья; с тех пор лесные жители так ее и звали.

Утром они понесли Ниниэль в Эффель-Брандир; а наверх, к Амон-Обелю, вела крутая дорога, вплоть до места, где она пересекала бурный поток Келеброс. Через него был переброшен деревянный мост, а под мостом поток срывался с источенного каменного порога и ниспадал многоступенчатым каскадом в каменную чашу далеко внизу; и в воздухе дождем висели брызги. Над водопадом была зеленая лужайка, и вокруг росли березы; а с моста были хорошо видны теснины Тейглина, милях в двух к западу. Там всегда бывало прохладно, и в летнюю жару путники отдыхали там и пили холодную воду. Димрост, Дождевая Лестница, звался тот водопад, но с того дня прозвали его Нен-Гирит, Вода Дрожи; ибо Турамбар со своими людьми остановился там передохнуть, и Ниниэль сразу же продрогла и ее охватила дрожь, так что они никак не могли согреть и успокоить ее⁵⁹. Поэтому они поспешили дальше; но не успели они достичь Эффель-Брандира, как Ниниэль уже металась в жару.

Она долго пролежала больная, и Брандиру понадобилось все его искусство, чтобы вывести ее, и женщины лесных жителей сидели над нею день и ночь. Но лишь когда Турамбар был рядом, она лежала спокойно и спала тихо; и вот что замечали все, кто ходил за ней: в самом глубоком бреду, как бы ни мучил ее жар, ни разу не произнесла она ни слова ни на каком языке, эльфийском или человеческом. И когда силы мало-помалу стали возвращаться к ней, и она снова начала есть и ходить, бретильским женщинам пришлось заново учить ее говорить, словно ребенка. Но она легко училась и радовалась, словно человек, вновь обретающий затерявшиеся сокровища, великие и малые; и когда она наконец выучила достаточно слов, чтобы говорить с друзьями, она стала спрашивать:

– Как называется эта вещь? Я потеряла ее имя во тьме.

И когда она снова смогла ходить, она часто посещала дом Брандира: ей больше всего хотелось узнать имена всего живого, а Брандир хорошо разбирался в таких вещах; и они часто бродили вместе по садам и полянам.

И Брандир полюбил ее; когда Ниниэль набралась сил, она часто подавала хромоту руку, чтобы он мог опереться на нее, и называла его братом; но сердце ее было отдано Турамбару, и лишь ему улыбалась она, и смеялась лишь его шуткам.

Однажды вечером, в пору золотой осени, сидели они рядом, а склон холма и дома Эффель-Брандира светились, залитые лучами заката, и было тихо-тихо. И спросила у него Ниниэль:

⁵⁹ Можно предположить, что только после всех этих событий, когда Турин и Ниэнор погибли, люди вспомнили этот ее приступ дрожи и поняли, отчего он напал на нее, и тогда-то Димрост и переименовали в Нен-Гирит; но в легенде всюду употребляется название Нен-Гирит.

– Теперь я знаю, как называются все вещи, только твоего имени я не знаю. Как тебя зовут?
– Турамбар, – ответил он.

Она замерла, словно прислушиваясь к какому-то отзвуку; потом спросила:

– А что это значит? Или это просто тебя так зовут?

– Это значит «Властелин Черной Тени», – ответил он. – Ибо и у меня за спиной лежит тьма, Ниниэль, и она поглотила многое, что было мне дорого; но теперь я, по всей видимости, взял над ней верх.

– Значит ты тоже убежал от нее? Бежал, бежал – и прибежал в эти прекрасные леса? – спросила она. – А когда тебе удалось спастись, Турамбар?

– Да, – ответил он, – я бежал много лет. А спасся я вместе с тобой. Пока ты не пришла, Ниниэль, было темно, но с тех пор стало светло. И мне кажется, что я обрел то, что тщетно искал много лет.

И, возвращаясь в сумерках домой, он говорил себе:

– Хауд-эн-Эллет! Она явилась с зеленого кургана. Что это – знамение? Как же понять его?

И вот благодатный год прошел, и наступила мягкая зима, а за ней – еще одно красное лето. В Бретиле было мирно, лесные жители держались тихо и не покидали границ своих земель, и из соседних краев никаких вестей не приходило. Ибо орки, что в те времена стекались на юг, в мрачные владения Глаурунга, или приходили как соглядатаи к границам Дориата, чурались Переправы Тейглина и обходили ту реку далеко с запада.

А Ниниэль теперь вполне выздоровела, набралась сил, и красота ее расцвела; и Турамбар, не таясь более, попросил ее руки. Ниниэль была очень рада; но когда об этом узнал Брандир, у него на сердце сделалось беспокойно, и он сказал ей:

– Не спеши! Не думай, что я желаю тебе зла, но я посоветовал бы тебе подождать.

– Ты всегда желаешь лишь добра, – ответила она. – Но почему ты советуешь мне подождать, о мудрый мой брат?

– Мудрый брат? – переспросил он. – Скажи лучше, хромой брат, нелюбимый и немилый. Даже не знаю, почему. Но на этом человеке лежит тень, и мне страшно.

– Была тень, – возразила Ниниэль, – он мне сам говорил. Но он спасся от нее, как и я. А разве недостойн он любви? Теперь он держится скромно, но ведь раньше он был великим вождем, все наши враги бежали бы, едва завидев его, разве нет?

– Кто тебе это сказал? – спросил Брандир.

– Дорлас, – ответила она. – Разве он сказал неправду?

– Правду, – сказал Брандир, но ему это не понравилось – Дорлас был предводителем тех, кто стоял за войну с орками. Брандир же хотел как-то удержать Ниниэль, и поэтому он сказал:

– Правду, но не всю: он был военачальником в Нарготронде, а сам он с севера; говорят, он был сыном Хурина из Дор-ломина, из воинственного дома Хадора.

Когда Ниниэль услышала это имя, по лицу ее пробежала тень. Брандир это заметил, но неправильно понял ее, а потому добавил:

– Да, Ниниэль, очень похоже, что такой человек вскоре опять уйдет на войну, и, может быть, далеко отсюда. А если такое случится, каково придется тебе? Берегись, ибо я предвижу, что, если Турамбар снова отправится в битву, не он, но Тень одержит победу.

– Плохо мне придется, – ответила Ниниэль, – но незамужней не лучше, чем жене. А жена, быть может, сумеет лучше удержать его, и спасти от тени.

Однако слова Брандира смутили ее, и она попросила Турамбара подождать еще немного. Турамбар удивился и опечалился; а когда он узнал от Ниниэли, что это Брандир посоветовал ей подождать, ему это очень не понравилось.

Но когда наступила следующая весна, он сказал Ниниэли:

– Время идет. Мы долго ждали, больше ждать я не стану. Делай то, что велит тебе сердце, Ниниэль, любовь моя, но знай: я выберу одно из двух. Либо я снова уйду в глушь, на войну, либо женюсь на тебе – и никогда не пойду воевать, разве затем, чтобы защищать тебя, если зло будет грозить нашему дому.

Ниниэль была действительно счастлива. Они заключили помолвку, и поженились в середине лета; лесные жители устроили большой пир и выстроили молодым красивый дом на Амон-Обеле. Там они зажили счастливо, но Брандир все был беспокоен, и в душе его сгустилась тень.

Появление Глаурунга

А Глаурунг с каждым днем набирал мощь и коварство; он сделался тучен, и собрал к себе орков, и правил ими, словно некий король, и подчинил себе все бывшие земли королевства Нарготронд. И еще до конца того года, третьего с тех пор, как Турамбар поселился среди лесных жителей, Дракон начал досажать их владениям, в которых на краткий срок воцарился было мир; ибо на самом деле Глаурунгу и его Хозяину было отлично известно, что в Бретиле еще живут вольные люди, последние из Трех Племен, что до сих пор не покорились власти Севера. А этого они не могли стерпеть; ибо Моргот стремился покорить весь Белерианд и обшарить его до последнего уголка, чтобы не осталось ни одной норки или щелки, где жил бы кто-то, кто не был его рабом. Так что догадывался ли Глаурунг, где прячется Турин, или (как думают иные) Турину и впрямь удалось на время укрыться от очей Зла, что преследовало его – разница невелика. Ибо в конце концов мудрость Брандира оказалась тщетной, и Турамбару не осталось иного выбора, кроме как сидеть сложа руки и ждать, пока его не разыщут и не выкурят, как крысу, либо отправиться в бой и выдать себя.

Но когда в Эффель-Брандир впервые пришли вести об орках, Турамбар остался дома, уступив уговорам Ниниэли. Ибо она говорила ему:

– Но ведь нашему дому пока никто не угрожает, – а помнишь, что ты мне обещал? Орков, говорят, совсем немного. И Дорлас рассказывал, что до твоего прихода такие нападения случались нередко, и лесные жители всегда отражали их.

Но лесных жителей стали одолевать. Эти орки были опасной породы, злобные и коварные, и они пришли не как прежде – случайно, по дороге в другие земли, или малыми шайками, – нет, они явились именно затем, чтобы захватить Бретильский лес. Поэтому Дорласу и его людям пришлось отступить с потерями, и орки перешли Тейглин и забрались далеко в леса. И Дорлас пришел к Турамбару, показал свои раны и сказал:

– Смотри, господин, после ложного затишья настал час нашей нужды, как я и предвидел. Разве не просил ты, чтобы тебя считали не чужестранцем, но одним из нас? Разве эта опасность не грозит также и тебе? Ибо дома наши недолго останутся сокрытыми, если дать оркам глубже проникнуть в наши земли.

Потому воспрял Турамбар, и снова взял меч свой Гуртанг, и отправился в битву; и лесные жители, узнав об этом, немало воодушевились и собрались к нему, и вот уже под его началом оказалось несколько сотен. Тогда они прочесали лес и перебили всех орков, что пробрались туда, и повесили их на деревьях у Переправы Тейглина. А когда явились новые враги, лесные жители устроили засаду и застали их врасплох, и орки, не ожидавшие встретить такого большого войска и уstraшенные возвращением Черного Меча, обратились в бегство, и многие были убиты. Тогда лесные жители сложили большие костры, свалили трупы солдат Моргота в кучу и сожгли, и дым от пламени мести черной тучей поднялся в небеса, и ветер унес его на запад. Однако кое-кто из орков все же остался в живых, и принес вести об этом в Нарготронд.

Вот тогда-то Глаурунг разгневался по-настоящему; но некоторое время он лежал недвижно, размышляя об услышанном. Оттого зима прошла спокойно, и люди говорили:

– Слава Черному Мечу Бретилия – вот, все наши враги повержены.

И Ниниэль успокоилась и радовалась славе Турамбара; но он был в задумчивости и говорил в сердце своем: «Жребий брошен. Настал час испытания, когда станет известно, правду ли говорил я или хвастался впустую. Не стану я больше убегать. Пусть буду я воистину Турамбаром, ибо хочу собственной волей и отвагой одолеть свой рок – или погибнуть. Но суждено ли мне погибнуть или победить, а Глаурунга я все-таки убью».

Тем не менее на сердце у него было беспокойно, и он разослал самых отважных людей на разведку в дальние земли. Открыто этого не обсуждали, но само собой вышло, что Турамбар теперь распоряжался как хотел, словно это он был владыкой Бретиля, а с Брандиром никто не считался.

Пришла весна, полная надежд, и люди пели за работой. Но в ту весну Ниниэль понесла, и сделалась бледной и слабой, и радость ее угасла. А люди, которые ходили за Тейглин, вскоре принесли странные вести – что на равнине, в той стороне, где Нарготронд, горят леса; и люди не знали, что бы это могло быть.

Немного спустя пришли новые известия: пожары распространяются на север, и палит леса сам Глаурунг. Ибо он оставил Нарготронд и снова куда-то двинулся. Те, кто поглупее, а также склонные к надежде, говорили:

– Вот, его воинство разбито, и теперь он наконец образумился и решил вернуться, откуда явился.

Другие говорили:

– Будем надеяться, что он проползет мимо.

Но Турамбар знал, что на это надеяться нечего, и Глаурунг ищет его. И потому он втайне от Ниниэли день и ночь раздумывал, что же ему предпринять; а тем временем весна сменилась летом.

И вот наступил день, когда двое разведчиков в ужасе прибежали в Эффель-Брандир: они видели самого Большого Змея.

– Воистину, господин, – говорили они Турамбару, – он приближается к Тейглину и ползет напрямик. Он лежал посреди большого пожарища, и деревья дымились вокруг него. Смрад от него идет нестерпимый. И его мерзкий след тянется на много лиг, от самого Нарготронда, и похоже, что он нигде не сворачивает, но метит прямо к нам. Что же делать?

– Немногое можно сделать, – ответил Турамбар, – но я уже поразмыслил об этом немного. Ваши вести принесли скорее надежду, чем угрозу; ибо если он и впрямь, как вы говорите, ползет прямо, никуда не сворачивая, тогда у меня есть замысел, что по плечу сильным духом.

Люди дивились его словам, – больше он пока ничего не сказал; но, видя его твердость, все приободрились⁶⁰.

Надо сказать, что река Тейглин выглядела так: она сбегала с Эред-Ветрина, такая же быстрая, как Нарог, но поначалу текла по равнине, пока, наконец, ниже Переправы, набрав силу от других потоков, не пробивала себе путь через подножие высокого нагорья, на котором был расположен Бретильский лес. И там она бежала по глубоким ущельям со склонами, подобными каменным стенам, а воды, зажатые на дне, гремели и бурлили. И точно на пути Глаурунга, к северу от устья Келеброса, лежала одна из таких теснин, отнюдь не самая глубокая, но самая узкая. Поэтому Турамбар выслал на холм трех смельчаков следить за действиями

⁶⁰ Если бы Глаурунг действительно собирался вернуться в Ангбанд, можно было предположить, что он поползет по старой дороге к Переправе Тейглина, и этот путь не слишком отличается от того, который вывел его к Кабед-эн-Арасу. Видимо, предполагалось, что он будет возвращаться в Ангбанд тем же путем, каким он приполз на юг, в Нарготронд, вверх по Нарогу к Иврину. Ср. также слова Маблунга: «Я видел, как Глаурунг покинул Нарготронд, – я думал, что он... возвращается к Хозяину. Но он повернул к Бретилю...» Когда Турамбар выражал надежду, что Глаурунг поползет прямо, не сворачивая, он имел в виду, что Дракон мог бы проползти вдоль Тейглина к Переправе и попасть в Бретилю, не перебираясь через теснину, где на него можно было напасть: ср. то, что он сказал своим людям у Нен-Гирита.

Дракона; сам же он решил отправиться к высокому водопаду Нен-Гирит, где он мог быстро узнать новости и сам видеть земли далеко вокруг.

Но сперва он собрал лесных жителей в Эффель-Брандире, и обратился к ним, и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.